

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2018

№ 14

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Chairperson

О.И. Блинова (Томск, Россия) –
зам. председателя

Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) –
Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk,
Russia) – Executive Editor

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)

В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)

Valentin Ye. Gol'din (Saratov,
Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Е.В. Иванцова (Томск, Россия)

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk,
Russia)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Pona Janyšková (Brno, Czech
Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии	5
Балдова А.В., Грекова М.В. Проблемы описания метафорической семантики в словаре: фиксация новых значений и унификация толкований ...	24
Разина А.С. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии	50

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Ишегулова А.М. Академический словарь башкирского языка	68
Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования	80
Подюков И.А. Коми-пермяцкая мифологическая лексика и фразеология как объект лексикографического описания	107

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Воронина Т.М. Прагматические характеристики речи и их лексикографическая репрезентация (по материалам идеографических словарей русского языка)	122
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Обзор международной научной конференции «Современные проблемы авторской лексикографии»	141
Сведения об авторах	161

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Azimov E.G., Shchukin A.N. Problems of lexicographic description of language teaching terminology	5
Baldova A.V., Grekova M.V. Problems in describing metaphorical semantics in a dictionary: New meanings recording and interpretations unification	24
Razina A.S. Ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries as a new stage of lexicography	50

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Ishgulova A.M. The Academic Dictionary of the Bashkir Language	68
Mokienko V.M., Nikitina T.G. To the concept of a complete dictionary of popular phraseology: Problems of macrostructuring	80
Podyukov I.A. The Komi-Permyak mythological lexis and phraseology as an object of lexicographic description	107

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Voronina T.M. Pragmatic characteristics of speech and their lexicographic representation in ideographic dictionaries of the Russian language	122
---	-----

ACADEMIC LIFE

Shestakova L.L., Kuleva A.S. Review of the academic conference “Modern Problems of Author Lexicography”	141
Information about the authors	161

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81 374

DOI: 10.17223/22274200/14/1

Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена характеристике словаря лингводидактических терминов. Анализируются особенности лексикографического дефинирования, внимание уделяется трудностям и проблемам, которые связаны с изучением лингводидактической терминологии. Рассматриваются принципы отбора терминов, различные способы семантизации и перевода. Описываются структура словаря, особенности словарных статей и указателей. Приводятся примеры словарных статей.

Ключевые слова: лингводидактика, лексикография, лексикология, словарь, лингводидактическая терминология, методика обучения иностранным языкам.

Проблемы изучения и преподавания иностранных языков в последнее время приобретают все большую актуальность. В теории и практике обучения языку (в теоретическом и практическом аспектах) имеется насущная потребность в определении точного значения методических терминов, раскрытии их содержания, толковании значений новых терминов. К сожалению, как в педагогической науке в целом, так и в методике преподавания языков ощущается отсутствие единых общепринятых подходов как к отбору важнейших понятий, так и к их определению. Отметим в качестве недостатка неупорядоченность метаязыка описания, а также определений терминологических единиц в области теории и практики преподавания языков. Многие известные методисты (Е.И. Пассов, И.Л. Бим) всегда подчеркивали необходимость упорядочения и систематизации терминологии, связанной с обучением и изучением языков, весьма критически оценивали использование терминов в современной методике преподавания языков [1, 2]. Е.И. Пассов, например, негативно оценивает процессы формирования и использования терминов методики преподавания языков. Он отмечает, что современный понятийно-терми-

нологический аппарат состоит из разнородных единиц, устаревшей терминологии, заимствований, а также профессионального жаргона [2. С. 17–18].

Именно задачу систематизации терминологии и ставят различные словари, посвященные лингводидактической терминологии [3–10]. К сожалению, изданные на русском языке словари во многом не отражают современный уровень функционирования лингводидактической терминологии. Словарь Р.К. Миньяр-Белоручева [3] включает примерно 800 слов, он был издан в 1990-е гг. и не учитывает изменения в современной методике преподавания языков. «Тематический словарь методических терминов по иностранному языку» [4] предназначен для студентов языковых факультетов вузов, изучающих иностранный язык как специальность, и посвящён проблеме формирования методической компетенции будущего специалиста. Он носит учебный характер и представляет собой толковый словарь терминов теоретической и практической методики обучения иностранным языкам. Целью создания данного словаря является формирование у студентов умений ориентироваться в современной методике преподавания языков, обобщение знаний, полученных после изучения теоретических курсов и прохождения педагогической практики. Все термины распределены по двадцати тематическим разделам, определения терминов заимствованы из научно-методической литературы и сопровождаются ссылками на источник.

В «Англо-русском терминологическом справочнике по методике преподавания иностранных языков» И.Л. Колесниковой, О.И. Долгиной [5] осуществлен сравнительный анализ фундаментальных методических понятий и терминов, используемых в зарубежной и отечественной лингводидактике. Главы справочника посвящены различным темам, например, таким, как методы и подходы к обучению языкам, подготовка программ обучения, контроль и оценка в обучении языкам и др. Термины включены в словарь с учетом частотности их употребления, практической значимости и актуальности. В справочнике около 230 словарных статей. Стоит отметить высокое качество словарей лингводидактических терминов, изданных на английском языке [6, 7, 8].

Авторами данной публикации был подготовлен один из первых словарей лингводидактических терминов. Первое издание словаря относится к 1999 г. [9], второе – к 2009 г. [10]. Электронная версия

словаря размещена на портале «Грамота.ру». Словарь включает более 2500 терминов. Опыт работы с различными группами учащихся, общение с преподавателями русского языка, других языков показывает, что есть необходимость в расширенном и дополненном переиздании словаря методических терминов. За прошедшие почти 10 лет с момента подготовки «Нового словаря методических терминов и понятий» в российской и мировой теории преподавания языков были изменены или дополнены значения уже известных терминов, сформировались новые направления исследований и связанные с ними термины. Это относится, в частности, к изучению билингвизма, раннего обучения языку, использованию компьютерных технологий обучения, систем тестирования и контроля, развитию теории методов и технологий обучения языкам и др. В новый словарь вошли такие термины, как *массовый открытый онлайн курс, инновационная методика обучения языкам, технология «эдьютейтмент», этноориентированное обучение, академическая мобильность, квест* и др. В современной практике преподавания языков получила распространение теория уровней владения языком, что нашло отражение в появлении новых терминов, например: *уровень владения языком, шкала владения языком, пороговый уровень владения, уровень выживания* и др.

Важной задачей нового словаря становится также дополнение словарных статей переводом термина на английский язык, что позволит значительно расширить круг пользователей словаря, соотнести и определить особенности терминологической сферы русского и английского языков в области методики преподавания языков. При существующем дефиците учебной и методической литературы справочного характера словарь может стать пособием по лингводидактической терминологии, которое рассчитано не только на преподающих язык или знакомящихся с методикой его преподавания, но и на более широкий круг читателей, интересующихся проблемами изучения языка и культуры.

В процессе подготовки нового издания словаря (проект поддержан грантом фонда «Русский мир») авторы провели предварительное упорядочение терминов, заключавшееся в отборе наиболее устойчивых и употребительных и группировании вокруг них полисемантических, омонимичных и синонимичных единиц с соответствующими пометами, указаниями и пояснениями. Важной частью работы является расширение круга источников за счет новых научно-методических пуб-

ликаций, диссертационных исследований. Перед составителями стояла задача сделать словарь доступным для широкого круга пользователей: в нем даны толкования терминов и их перевод, перекрестные ссылки, различного рода указатели. Очевидно, что в таком виде словарь предоставит возможность студентам, преподавателям пользоваться им как учебным терминологическим справочником.

Процедура создания словаря включает несколько этапов:

1. Теоретическое обоснование структуры словаря, принципов отбора терминов и их толкования.

2. Отбор терминов на основе анализа учебной и методической литературы.

3. Сравнительный анализ полученного словника терминов с понятийным аппаратом методики преподавания языков (устранение «избыточных» терминов, восстановление терминологических лакун).

4. Выбор «стержневого» термина в случае обнаружения полисемантических, омонимичных, синонимичных вариантов. Когда речь идёт о полисемии, можно говорить о первичном (основном) значении термина и прагматических способах упорядочения значений в статье на основе выделения тех значений, которые прежде всего связаны с обучением языку. В случае омонимии каждому омониму посвящена отдельная статья. При описании синонимов, стержневой термин снабжается дефиницией, остальные термины раскрываются отсылками к нему или перечисляются в словарной статье.

5. Выбор варианта (вариантов) дефиниций на основе наиболее авторитетных методических пособий, монографий, статей.

6. Соотнесение термина с аналогичными терминами на английском языке, перевод термина на английский язык.

7. Определение лексико-семантических связей терминов и маркирование их в словаре перекрестными ссылками.

В ходе работы над словарем авторам приходилось решать традиционные для лексикографии проблемы, среди которых определение принципов отбора терминов, способов их дефиниций, восстановление связей между терминами и др. Важным принципом отбора было расширение круга привлекаемых источников, включение в словарь терминов из смежных наук. Авторы учитывали концептуальную неоднородность современных теорий преподавания языков, но не отдавали предпочтение той или иной теории. Все это также нашло отражение в отборе терминов. При выборе терминов учитывалась частотность,

регулярное появление в научно-методической литературе, на страницах профессиональных журналов, т.е. в тематически маркированных текстах. Авторами игнорировались профессионализмы и жаргонизмы. Словарь будет включать около 3000 словарных статей.

Лексикографическая работа (отбор терминов, дефиниции и др.) предполагала использование различных типов источников: 1) словарей и энциклопедий; 2) официальных документов (программ, стандартов, требований, методических рекомендаций), связанных с образованием; 3) новых учебных материалов, используемых в процессе преподавания иностранных языков (учебники, пособия по методике преподавания языков); 4) научной литературы по преподаванию языков (монографии, сборники статей, публикации в таких журналах, как «Иностранные языки в школе», «Русский язык за рубежом», «Русский язык в школе» и др.).

Как известно, методика преподавания языков опирается на достижения лингвистики, психологии, педагогики и ряда других наук, поэтому составители сочли возможным включить в словарь термины из базовых и смежных наук, наиболее часто встречающиеся в проанализированных ими работах и в практике преподавания. Весьма ценными оказались новые издания терминологических словарей в области психологии, социологии, педагогики, лингвистики, опубликованные в последние годы. Естественно, что толкованию собственно лингводидактических терминов (например, *коммуникативный метод обучения, аудирование, речевые упражнения* и др.) в словаре уделяется значительно больше места, чем толкованию терминов из смежных наук.

Возникновению новых терминов способствуют изменения в системе образования, формирование новых методических теорий, развитие смежных наук. Методическую терминологию можно рассматривать в двух аспектах – широком и узком. В узком значении к лингводидактической терминологии относятся те термины, которые связаны только с теорией и практикой обучения языку. Это прежде всего обозначения методов обучения, особенностей овладения языком, видов упражнений и заданий, связанных с обучением языку, систем тестирования и контроля. В широком смысле (такого подхода придерживаются авторы) в словарь входят лингвистические, психологические, социолингвистические, термины педагогики и дидактики. Например, из области социологии это термины *аккультурация, адаптация* и др.; из области дидактики – *метод проектов, индивидуализа-*

ция обучения, технологии образования; из области психологии – умение, навык, индивидуализация, темперамент; из области социолингвистики – государственный язык, язык межнационального общения, язык диаспоры и др. В таком случае в словарные статьи включаются сведения об отношении соответствующих понятий к преподаванию и изучению языка. Например, статья *темперамент* дополняется информацией о том, что темперамент имеет характеристики, оказывающие влияние на общение, в том числе и на речевую деятельность, что следует учитывать при обучении языку. Это темп речи, скорость вербальных реакций, особенности переключения внимания.

В русском языке формируется свой понятийный аппарат, используются термины, которые не всегда имеют соответствие в других языках, например: *лингводидактика, языковая (речевая) личность, логоэпистема, лингвокультура, лингвострановедение, фоновая лексика и фоновые знания, иноязычное образование, этнометодика* и др.

В словарь для полноты представления терминосистемы включены термины, отражающие, например, устаревшие методы обучения: *метод интуитивного усвоения, репродуктивно-креативный метод обучения, эмоционально-смысловой метод обучения*. С другой стороны, в словарь включены термины, которые обозначают новые направления в теории обучения языку, например: *этнометодика, этноориентированное обучение, компьютерная лингводидактика*.

В словаре много терминов, связанных с современной системой тестирования, например: *групповой тест, двойной альтернативный выбор, дистрактор, задание закрытой формы, задание на соответствие, интегральный тест, избирательный тест, качество теста, комбинированный тест, коммуникативный тест* и др. Это обусловлено тем, что система тестирования получила широкое распространение в теории и практике преподавания языков.

Авторы включили в словарь новые термины, возникшие в связи с изменениями в системе образования, государственной политике, например:

КОМПЛЕКСНЫЙ ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ИСТОРИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ для иностранных граждан и лиц без гражданства. Экзамен, который проводится для желающих оформить: 1) разрешение на работу в РФ / патент; 2) разрешение на временное проживание в РФ; 3) вид на жительство в РФ. К.э. состоит из 5 частей: *чтение; письмо лексика / грамматика,*

аудирование; устный экзамен (говорение). К.э. включает также экзамен по истории России, экзамен по основам законодательства РФ. К. э. проводится в целях определения уровня владения иностранным гражданином русским языком как иностранным, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации. Требования к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи данного экзамена, утверждены Министерством образования и науки Российской Федерации. При успешной сдаче К. э. выдается *сертификат* о прохождении государственного *тестирования* по русскому языку.

Структура словарной статьи достаточно традиционна: заголовочная единица с ударением, краткая этимологическая справка при условии иноязычного характера термина, дефиниция, перевод на английский язык, библиографическая зона, отсылки к тематически соотносимым единицам. Большинство словарных статей снабжаются указанием на библиографические источники, что дает читателю возможность расширить знания по заинтересовавшей его проблеме. Словарные статьи, посвященные родовым понятиям, снабжены библиографией, видовые понятия включают информацию библиографического характера в более сжатом виде или вовсе ее не включают.

Видовые понятия соотносятся с родовыми с помощью перекрестных ссылок. Например, в обобщающей статье *прямые методы обучения* перечисляются конкретные разновидности прямых методов, каждой из которых посвящена отдельная статья (*натуральный метод, аудиolingвальный метод, аудиовизуальный метод*). Приведем несколько примеров словарных статей.

МИНИМУМ (от лат. *minimum* – наименьшее). Набор языковых и речевых средств, обязательных для усвоения и обеспечивающих определенный *уровень владения языком* в заданных учебной программой параметрах. Существуют *лексические, грамматические, фонетические, страноведческие минимумы* для разных *этапов* и *профилей обучения*.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МИНИМУМ (англ. *lexical minimum*). Лексические единицы, которые должны быть усвоены учащимися за определенный промежуток учебного времени. Количественный и качественный состав Л. м. зависит от *целей обучения, этапа обучения* и количества учебных часов, отводимых для изучения языка. В методической литературе описаны следующие критерии *отбора* Л. м.: статистический (критериями отбора слов являются *частотность, распростра-*

ненность, употребительность, необходимость или наличность), методический (учитываются этап обучения, сфера и тема общения), лингвистический (сочетаемость, словообразовательная ценность).

УЧЕБНОЕ ЧТЕНИЕ (англ. guided reading). Вид учебной работы с *текстом, чтением*, задачей которого является выработка *навыков и умений* в чтении, а также в других видах *речевой деятельности*. Ср. *реальное чтение*. У. ч. формируется на базе следующих *речевых действий и операций*: зрительное восприятие единиц языка в тексте, их соотнесение с речемоторными и слуховыми образами, хранящимися в *долговременной памяти*, членение речевого потока на смысловые части, смысловая догадка об их значении, *антиципация* (вероятностное прогнозирование), поиск эквивалентов *во внутренней речи* и др.

Проблема выбора термина и его толкования связана с существованием в современной методике различных направлений и течений [11]. В ходе работы над словарем приходилось учитывать различные методические концепции, которые все еще вызывают споры и обсуждения. Предпочтение отдавалось устоявшимся концепциям, получившим распространение в практике преподавания языков. Как известно, толкование и многих терминов междисциплинарного характера не является однозначным, например: *компетенция, компетентность, компетентностный подход* [12–14]. Споры вызывает соотношение терминов *текст* и *дискурс, лингвострановедение* и *лингвокультурология* и др.

В ходе работы над словарем приходилось уточнять значения терминов, выбирать наиболее подходящие из нескольких вариантов. Например, существуют разные трактовки соотношения терминов *метод, подход, прием, технология*. Н.Д. Гальскова справедливо отмечает в этой связи: «Термин «технология» относится к числу если не модных, то наиболее частотно употребляемых. Нередко, если вместо термина «технология обучения» автор использует термин «методика обучения», его могут уличить в том, что он отстает от инновационных процессов в образовании и не имеет представления о современной научной терминологии» [15. С. 9]. В словаре описаны, например, следующие технологии: *обучение в сотрудничестве, проектные технологии, технология «case study», дистанционные технологии, компьютерные технологии, игровые технологии* и др.

Термину *прием обучения* посвящена отдельная словарная статья:

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ. Конкретные действия и операции преподавателя, цель которых – сообщать *знания*, формировать *навыки* и

умения, стимулировать учебную деятельность учащихся для решения частных задач *процесса обучения*. В структуре каждого *метода обучения* могут быть выделены П. о., реализующие содержание метода на занятиях. Так, приемами *объяснения* нового материала являются анализ, синтез, сравнение, классификация, систематизация, а также описание, сопоставление и др. П. о., входящими в состав метода *применения*, являются ответы на вопросы, *пересказ* текста, описание картинки и др. П. о. в виде демонстрации *речевых действий* и *операций* составляют содержательную сторону формируемой *речевой деятельности*.

Следует отметить следующие особенности функционирования лингводидактических терминов, которые было необходимо учитывать:

1. Толкование ряда терминов еще не устоялось, наблюдается наложение значений, например, *методика преподавания языка* и *лингводидактика*, *компетенция* и *компетентность*, *дистанционное обучение* и *дистантное обучение*, *мультимедийный курс* и *онлайн курс*, *компьютерный курс*.

2. Сочетаемость терминов отражает их различные значения, например: *технология обучения* и *технологии в обучении*, *модель речевой коммуникации* и *модель в речевой коммуникации*;

3. Встречаются синонимичные или близкие по значению термины, например: *цифровые технологии*, *компьютерные технологии*, *информационно-коммуникационные технологии обучения*; *мозговой штурм* и *мозговая атака*, *русский язык как второй язык* и *русский язык как неродной язык*.

Дефиниция термина часто меняется в зависимости от той концепции обучения, в рамках которой используется термин. В словарной статье *обучение* приходится учитывать разные значения терминов в зависимости от метода обучения: *обучать языку* (грамматико-переводной метод), *обучать языку как средству общения* (сознательно-практический метод), *обучать общению на иностранном языке* (коммуникативный метод обучения), *обучать межкультурной коммуникации*, *формировать вторичную языковую личность* (разновидности коммуникативных методов на основе социокультурного подхода). Это относится и к значению термина *владение языком*, оно будет различным в зависимости от той или иной методической концепции. На первый план выдвигается грамматическая правильность речи (грамматико-переводной метод обучения) или умение межкультурной коммуникации (коммуникативный метод) [16]. Такие варианты клас-

сифицируются в словаре как ЛСВ многозначного слова в рамках одной словарной статьи.

Не имеют однозначного толкования в литературе термины *носитель языка, способности к языку, лингвокультурема* и др. В словаре термин *носитель* трактуется следующим образом: «представитель какой-л. социокультурной и языковой общности, владеющий *нормами языка*, активно использующий данный язык (обычно являющийся для него родным) в различных бытовых, социокультурных, профессиональных и других сферах общения». В этом определении авторами словаря выделяются те аспекты, которые связаны со знанием и использованием языка. В статье 33.1. «Признание иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка» (Федеральный закон от 20.04.2014 № 71-ФЗ) дается более широкая трактовка этого термина: «Иностраный гражданин или лицо без гражданства по результатам собеседования, проведенного с ними комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка (далее – комиссия), могут быть признаны носителями русского языка, то есть лицами, владеющими русским языком и повседневно использующими его в семейно-бытовой и культурной сферах, в случае, если данные лица либо их родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают или ранее постоянно проживали на территории Российской Федерации либо на территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации» [17].

В словарь включены и термины, связанные с государственной политикой в области изучения языков. Изменение функционирования русского языка в РФ и в странах ближнего зарубежья вызвало определенные трудности в дефиниции терминов *государственный язык, официальный язык, язык межкультурного общения, родной язык, второй язык, иностранный язык*. В случае неоднозначности таких терминов авторы ориентировались на наиболее распространенные дефиниции, представленные в популярных энциклопедических словарях, научной литературе [18–20].

В словаре пришлось учитывать наличие в профессиональном общении определенного количества параллельных терминов: *интеракция – взаимодействие; креативный – творческий, аутентичный – оригинальный, автономность – самостоятельность, мониторинг – наблюдение*. В таком случае в качестве основного выбирается наибо-

лее распространенный термин, в словарной статье используется помета см. с указанием параллельного термина.

При создании словаря приходится учитывать популярность определенных терминов, отражающих те или иные господствующие в теории и практике преподавания языков тенденции. Популярность компетентностного подхода обусловила, например, появление в научной литературе большого количества терминов, связанных с различными видами компетенций, например: *экзистенциальная, гипертекстовая, фонологическая, общая, стратегическая, учебно-познавательная, экзистенциальная, переводческая* и др. Все они выступают в качестве видовых к термину *компетенция*.

Благодаря внедрению информационно-коммуникационных технологий в лингводидактической литературе получили распространение следующие термины: *интернет-проекты, блоги, веб-конференции, подкасты, мобильное обучение, вебинары, массовые открытые онлайн-курсы, образовательный портал* и др. Появились и новые термины, обозначающие теории и концепции использования ИКТ в обучении языкам: *электронная лингводидактика, электронная педагогика, поддерживаемое компьютером обучение языкам, электронный формат обучения языку* и др. Увеличилось количество терминов, включающих корень *веб*: *веб-тест, веб-ресурс, веб-приложение к учебнику, вебинар, веб-квест, веб-проект* и др. С другой стороны, все реже употребляются термины, обозначающие устаревшие технические средства обучения (радио, кино, магнитофонные записи): *ТСО, АВСО, фонограмма, видеограмма, магнитопись, лингафонный курс* и др.

Некоторые словарные статьи посвящены терминам, предложенным теми или иными авторами (авторские термины) или получившим широкое распространение благодаря их работам, например: *логоэпистема* (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) [21], *иностранное образование* (Е.И. Пассов) [2], *вторичная языковая личность* (И.И. Халеева) [22]. В дефинициях к этим терминам учитывались авторские трактовки.

В каждую дефиницию авторы стремились включить необходимую и достаточную информацию для освещения понятия. В каких-то случаях важным было дать классификационную характеристику, в каких-то описать алгоритм. Основная масса дефиниций в словаре относится к так называемым родовидовым (классифицирующим) определениям:

САМОКОНТРОЛЬ. Форма *контроля*, объектом которой является деятельность самого субъекта...

Значительно реже встречаются операционные определения, чаще в комбинации с родовидовыми, например:

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ. Тип *упражнений* по способу их выполнения. П.у. предполагают их письменную фиксацию, при которой ведущими являются двигательные анализаторы...

В дополнение к дефинициям, как уже отмечалось выше, для определения лексико-семантических связей терминов используется маркирование их в словаре перекрестными ссылками (выделяются в тексте словарной статьи курсивом). В системе перекрестных ссылок учитываются синонимические, аналогические, родовидовые, тематические связи терминов.

Для большинства терминов указаны английские соответствия, с этим связано решение проблем перевода русской лингводидактической терминологии на английский язык. Следует помнить, что поиск эквивалентов на другом языке затруднен из-за специфики национальных систем образования, теорий и концепций обучения языку в разных странах. Понятийные системы двух языков часто не совпадают, в связи с этим подобрать эквивалент не всегда возможно. «Долгое время отечественная и зарубежная методические системы преподавания иностранных языков (в том числе и английского) существовали и развивались в значительной мере самостоятельно и независимо друг от друга, что привело к возникновению двух терминологических систем, которые, несмотря на множество прямых соответствий и совпадений, существенно отличаются друг от друга» [5. С. 16]. Анализ терминов в русском и английском языках показывает, что многие из них совпадают, это происходит прежде всего благодаря многочисленным заимствованиям из английского языка, а также использованию слов и терминов с латинскими корнями. Есть и серьезные содержательные различия в терминологической сфере, описанные в ряде работ [23–26]. Наблюдается, например, несоответствие российской системы тестирования владения языком – *элементарный, базовый, первый сертификационный уровни* и европейской шкалы уровней владения языком, которая обычно обозначается буквами *A, B, C*. Нередко это приводит к путанице в использовании терминов в текстах на русском языке.

Приведем несколько примеров совпадений и различий в терминологии двух языков. В англоязычных странах используются несколько терминов, обозначающих разные аспекты изучения и преподавания

языка (на русском языке указанным ниже терминам будут соответствовать *методика преподавания языков, лингводидактика*):

1) англ. *anguage education, language pedagogy, language teaching, language teaching methodology* – преподавание иностранного языка, процесс обучения рассматривается с точки зрения преподавателя;

2) *second-language acquisition, theory of language acquisition* – усвоение второго языка, этот процесс с точки зрения обучаемого;

3) *applied linguistics* – изучение и описание языка в прикладных целях, в том числе и с точки зрения преподавания языка.

При поиске соответствия русскому термину приходится сталкиваться с различными факторами, например, таким, как специфическое распределение слов внутри одной семантической группы. Примером может служить обозначение неточностей или ошибок: *error / mistake / lapse*. Все они соответствуют русскому термину *ошибка*, хотя *error* чаще относится к ошибкам на иностранном языке.

При переводе следует помнить, что функционирование того или иного термина приходится рассматривать в широком социокультурном контексте. В российской научно-методической литературе, например, часто стали использоваться термины *язык диаспоры, семейный язык, язык страны происхождения* и др. Это связано с возросшим интересом к проблемам билингвизма, раннего овладения вторым языком, изучением нового языка в условиях эмиграции. В США получил, например, распространение термин *heritage languages* (язык страны происхождения эмигранта; язык, который используется для общения в семье). В русском языке этот термин переводится по-разному: *семейный язык, язык диаспоры, язык общины, унаследованный язык, наследуемый язык, язык семейного наследия, язык семейного общения, эритажный или херитажный язык*. С указанным английским термином связаны и производные термины *heritage language acquisition, heritage language learner, heritage language speaker, AoA* (сокращенное от *age of arrival*, т.е. возраст, в котором эмигрант прибыл в новую для него страну для проживания). В Европе чаще используют термины *immigrant, home, regional, minority language*. Эти примеры наглядно показывают, как одно и то же явление может рассматриваться и оцениваться по-разному в зависимости от позиции исследователя, методической концепции, взаимоотношения разных языков. Такие термины указывают на особые отношения, которые складываются при взаимодействии родного языка эмигрантов

(или национальных меньшинств) с государственным (доминирующим) языком той или иной страны, что предполагает и особую методику изучения языка или его сохранения в качестве средства общения. В словаре в качестве основных русских терминов выбраны *семейный язык* и *язык диаспоры* как наиболее распространенные и понятные с точки зрения значения.

Макроструктура словаря также имеет свою специфику. Чтобы читатель мог яснее понять место каждого определяемого понятия, обозначенного термином, в словаре есть указатели: алфавитный, тематический, предметный, а также указатель авторов исследований, которые упоминаются в словаре. Тематический индекс словаря дает информацию о том, к каким разделам методики преподавания (контроль, средства обучения, формы обучения, методы обучения и др.), а также смежным областям знаний относятся термины, например: психология (*память, абстракция, мотив, восприятие*), социология (*аккультурация, диалог культур, социальный стереотип, социализация*), дидактика (*образовательные технологии, открытое образование, развивающее обучение*) и др.

В алфавитном указателе выделены все термины, которые рассматриваются в словаре. Указатель авторов позволяет определить ученых, работы которых упомянуты в словарных статьях. В предметном указателе ключевых слов выделены наиболее важные с точки зрения теории и практики преподавания языков термины. В словаре есть приложение, где указаны организации, учреждения, связанные с распространением языков международного общения, например: *МАПРЯЛ* (международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы), *РОПРЯЛ* (Российская ассоциация преподавателей русского языка и литературы), *ALTE* (Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам – *The Association of Language Testers of Europe*), *FILP* (Международная федерация преподавателей живых языков – *The Fédération Internationale des Professeurs de Langues Vivantes*), *Британский Совет*, *Институт Гете*, *Институт Конфуция* и др.

Таким образом, очевидно, что создание словаря лингводидактических терминов представляется актуальным. Авторы словаря пытались учесть многообразие подходов и решений в области преподавания языков, а не ограничиваться одной методической концепцией. Различного рода указатели, система ссылок позволяют раскрыть значение и

употребление термина. Словарь станет справочным пособием для широкого круга людей, интересующихся проблемами обучения языкам, средством обучения для студентов – будущих преподавателей иностранных языков. Словарь в определенной степени решает также задачи систематизации и упорядочения терминологии, связанной с обучением языкам.

Литература

1. Бим И.Л. Всегда ли инновации в области терминологии – следствие развития научного знания? // Иностранные языки в школе. 2004. № 3. С. 30–33.
2. Пассов Е.И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. М. : Златоуст, 2009. 124 с.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словник: Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М. : Стелла, 1996. 144 с.
4. Жаркова Т.И., Сороковых Г.В. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку. М. : Флинта, 2014. 320 с.
5. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М. : Дрофа, 2008. 431 с.
6. Richards Jack C., Schmidt Richard. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. London, 2010. 644 с.
7. *Routledge encyclopedia of language teaching and learning* / ed. by M. Byram. London ; New York, 2004. 714 p.
8. Thornbury Scott. An A – Z of ELT: A Dictionary of Terms and Concepts Used in English Language Teaching. Macmillan Publishers, 2006. 264 с.
9. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб. : Златоуст, 1999. 472 с.
10. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Икар, 2009. 448 с.
11. Московкин Л.В. Содержание методологического раздела современной методики преподавания иностранных языков // Русский язык за рубежом. 2006. № 5. С. 33–37.
12. Щукин А.Н. Компетенция, компетентность и компетентностный подход // Современная коммуникативистика. 2011. № 1. С. 36–38.
13. Зимняя И.А., Мазаева И.А. Коммуникативная компетенция и речевая деятельность // Иностранные языки в школе. 2014. № 12. С. 7–18.
14. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44.
15. Гальскова Н.Д. Новые технологии обучения в контексте современной концепции образования в области языков // Иностранные языки в школе. 2009. № 7. С. 9–15.
16. Московкин Л.В. Понятие «владение языком» в российской методической литературе // Чуждоезиково обучение. 2017. № 4. С. 401–409.
17. Российская газета. 2014. 20 июня.

18. *Костомаров В.Г.* Памфлеты о языке. Родном, благоприобретенном и русском языке в Евразии. М. : Наука: Флинта, 2015. 92 с.

19. *Чиршева Г.Н.* Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.

20. *Синячкина Н.Л.* Русский как второй язык, как второй родной и как иностранный: к вопросу о терминах // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 292–297.

21. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Что же такое логоэпистема? // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2006. № 7. С. 13–17.

22. *Халева И.И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. М., 1995. С. 276–285.

23. *Ловцевич Г.Н.* Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 39 с.

24. *Ярославская И.И., Астремская Е.В.* Лингводидактические термины в русском языке: социокультурный и сопоставительный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 150–157.

25. *Тевелевич А.М.* Терминологические проблемы методики обучения иностранным языкам // Вестник Омского университета. 2012. № 3. С. 160–162.

26. *Сафонова В.В.* Социокультурные аспекты перевода общеевропейской методической литературы с английского языка на русский // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. / науч. ред. В.З. Демьянков. М., 2015. С. 256–260.

PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LANGUAGE TEACHING TERMINOLOGY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 5–23.

DOI: 10.17223/22274200/14/1

Elkhan G. Azimov, Anatoliy N. Shchukin, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: azimov@yandex.ru / metod32@mail.ru

Keywords: applied linguistics, lexicography, lexicology, dictionary, terminology, language teaching.

The article analyzes the features of the dictionary of language teaching and learning. The difficulties and problems associated with the study of language teaching and learning terminology are considered, and various methods of explanation and translation of terms in the new edition of the dictionary are shown. The article discusses the structure of the dictionary; examples of different entries are given.

In recent years, new ideas in theory of foreign language teaching and language acquisition have appeared. All these developments led to a considerable increase in the number of terms. The dictionary of language teaching and learning will provide an up-to-date and comprehensive reference guide to the key concepts, ideas, movements and trends in language teaching using definitions, pointers and links. Some of the important fields related to applied linguistics and language teaching are education, linguistics, psychology and sociology.

Lexicographical work (selection of terms, interpretation, etc.) involves the consideration of different types of sources: (1) dictionaries and encyclopedias, (2) official documents (programs, standards, requirements) related to education, (3) new teaching materials used in the teaching of foreign languages, (4) new educational research in the field of language teaching, (5) new documents related to the organization of language teaching, etc. The aim of the authors is to produce clear and simple definitions which communicate the basic and essential meanings of a term. Each term has been selected on the basis of importance, credibility and usage within an area of applied linguistic and language pedagogy. It was important to show the place and function of the term in the system of Russian language and in professional communication.

The constant reference to actual usage ensures that the definitions in the dictionary are reliable. Some entries have multiple definitions. Each entry is categorized, described and explained in terms of its importance and relevance to language pedagogy. The preparation of the dictionary includes several stages: theoretical justification of the structure of the dictionary, the principles of the selection of terms and their interpretation; selection of terms based on the analysis of popular and reliable educational sources; interpretation and then translation of the term from Russian into English; using references and lexico-semantic links between the terms. The entries draw attention to the application of the terms to language teaching practice, and contain selected bibliographical information for further guided reading. Definitions are self-contained as much as possible, but cross references show links to other terms and concepts. References to bibliographic sources give the user the opportunity to read additional sources on important issues.

References

1. Bim, I.L. (2004) Vsegda li innovatsii v oblasti terminologii – sledstvie razvitiya nauchnogo znaniya? [Are innovations in the field of terminology always a consequence of the development of scientific knowledge?]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 30–33.
2. Passov, E.I. (2009) *Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem* [Term system of methodology, or How we speak and write]. Moscow: Zlatoust.
3. Min'yar-Beloruchev, R.K. (1996) *Metodicheskiy slovník: Tolkovyy slovar' terminov metodiki obucheniya yazykam* [Methodological glossary: Explanatory dictionary of terms of language teaching methods]. Moscow: Stella.
4. Zharkova, T.I. & Sorokovykh, G.V. (2014) *Tematicheskyy slovar' metodicheskikh terminov po inostrannomu yazyku* [Thematic dictionary of methodological terms in a foreign language]. Moscow: Flinta.
5. Kolesnikova, I.L. & Dolgina, O.A. (2008) *Anglo-russkiy terminologicheskyy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian terminological reference book on the methodology of teaching foreign languages]. Moscow: Drofa.
6. Richards, J.C. & Schmidt, R. (2010) *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*. London: Longman.
7. Byram, M. (ed.) (2004) *Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning*. London ; New York: Routledge.

8. Thornbury, S. (2006) *An A – Z of ELT: A Dictionary of Terms and Concepts Used in English Language Teaching*. Macmillan Publishers.

9. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (1999) *Slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov)* [Dictionary of methodological terms (theory and practice of language teaching)]. St. Petersburg: Zlatoust.

10. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language learning)]. Moscow: Ikar.

11. Moskovkin, L.V. (2006) Soderzhanie metodologicheskogo razdela sovremennoy metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [The content of the methodological section of the modern methodology of teaching foreign languages]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 5. pp. 33–37.

12. Shchukin, A.N. (2011) Kompetentsiya, kompetentnost' i kompetentnostnyy podkhod [Competency, competence and competence approach]. *Sovremennaya kommunikativistika*. 1. pp. 36–38.

13. Zimnyaya, I.A. & Mazaeva, I.A. (2014) Kommunikativnaya kompetentsiya i rechevaya deyatel'nost' [Communicative competence and speech activity]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 12. pp. 7–18.

14. Zimnyaya, I.A. (2003) Klyucheveye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competencies – a new paradigm of the result of education]. *Vysshee obrazovanie segodnya*. 5. pp. 34–44.

15. Gal'skova, N.D. (2009) Novye tekhnologii obucheniya v kontekste sovremennoy kontseptsii obrazovaniya v oblasti yazykov [New learning technologies in the context of the modern concept of education in the field of languages]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 7. pp. 9–15.

16. Moskovkin, L.V. (2017) Ponyatie “vladenie yazykom” v rossiyskoy metodicheskoy literature [The concept “language proficiency” in the Russian methodological literature]. *Chuzhdoezikovo obuchenie*. 4. pp. 401–409.

17. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) 20 June.

18. Kostomarov, V.G. (2015) *Pamflety o yazyke. Rodnom, blagopriobretennom i russkom yazyke v Evrazii* [Pamphlets about the language: Native, acquired and Russian language in Eurasia]. Moscow: Nauka: Flinta.

19. Chirsheva, G.N. (2012) *Detskiy bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Children's bilingualism: simultaneous learning of two languages]. St. Petersburg: Zlatoust.

20. Sinyachkina, N.L. (2015) To the determination of Russian as a second language, as “the second native language” and as a foreign. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Education Issues: Languages and Speciality*. 5. pp. 292–297. (In Russian).

21. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (2006) What is Logoepisteme? *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Education Issues: Languages and Speciality*. 7. pp. 13–17. (In Russian).

22. Khaleeva, I.I. (1995) Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsipient inofonogo teksta [Secondary language personality as a recipient of the foreign text]. In: *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language – system. Language – text. Language – ability]. Moscow: Nauka.

23. Lovtsevich, G.N. (2010) *Krosskul'turnyy terminologicheskiy slovar' kak slovar' novogo tipa (na materiale angliyskikh i russkikh terminov lingvodidaktiki)* [Cross-cultural terminological dictionary as a new type of dictionary (on the material of English and Russian linguodidactic terms)]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.

24. Yaroslavskaya, I.I. & Astremskaya, E.V. (2014) Terminology in the field of language teaching: sociocultural and comparative research aspects. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of Language. Semiotics. Semantics*. 2. pp. 150–157. (In Russian).

25. Tevelevich, A.M. (2012) Terminological problems of language teaching. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 160–162. (In Russian).

26. Safonova, V.V. (2015) Sotsiokul'turnye aspekty perevoda obshcheevropeyskoy metodicheskoy literatury s angliyskogo yazyka na russkiy [Socio-cultural aspects of translating the common European methodological literature from English into Russian]. In: Dem'yankov, V.Z. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow: Tezaurus.

УДК 81, 81'374, 811.161.1
DOI: 10.17223/22274200/14/2

А.В. Балдова, М.В. Грекова

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СЛОВАРЕ: ФИКСАЦИЯ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ И УНИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЙ¹

Анализируются проблемы лексикографического описания образных лексических и фразеологических единиц русского языка. Освещаются принципы отбора языкового материала, применяемые в современной практике составления словарей образных слов и выражений. Представлена методика выявления новых метафорических значений и их фиксации в словаре. Рассматриваются способы унификации толкования лексических и фразеологических единиц, предлагаются типовые модели словарных дефиниций для образных средств языка, различных по структурно-семантическим и грамматическим свойствам.

Ключевые слова: семантика, образная лексика, фразеология, пищевая метафора, лингвокультурологический словарь, лексикография.

Введение

Одним из направлений современной теоретической и практической лексикографии является описание языковых единиц с метафорической семантикой, транслирующих образную картину мира нации, которое Е.А. Юрина предложила обозначить термином «фигуративная лексикография» [1. С. 3; 2. С. 20]. Актуальность выделения фигуративной лексикографии в особое направление подтверждается значительным количественным составом словарей, описывающих образный фонд русского языка и русской речи ([1, 3–25] и др.); их типологическим и содержательным разнообразием; широким охватом лексикографируемого языкового и дискурсивного материала; глубиной семантического и культурологического анализа при изъяснении значений языковых единиц. При этом ряд проблем фигуративной лексикографии, связанных с выделением критериев отбора языковых единиц и составлением словника, фиксацией метафорических значений,

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.

функционирующих в современных дискурсивных практиках, разработкой унифицированных моделей словарной дефиниции, требует дальнейшего осмысления.

В зависимости от критериев отбора описываемого материала существующие словари образной лексики и фразеологии могут быть охарактеризованы по нескольким основаниям. Во-первых, по структурно-семантическому типу лексикографируемых языковых единиц: фразеологические словари ([3, 4] и др.), словари крылатых слов ([5] и др.), пословиц и поговорок ([6–8] и др.), устойчивых образных сравнений ([9, 10] и др.), перифраз [11], метафор [12], собственно образных слов [13, 14], а также словари, включающие разнообразные образные средства языка независимо от их структурно-семантического типа ([15–20] и др.). Во-вторых, по принадлежности к определенной форме национального языка и функциональному стилю речи: словари образных слов и выражений кодифицированного литературного языка ([3, 5–8] и др.), а также включающие помимо литературной лексики и фразеологии просторечные и жаргонные единицы ([4, 21, 22] и др.); словари образных средств диалектной речи ([15] и др.), словари поэтических образных средств ([17, 19] и др.). В-третьих, критерием отбора может служить происхождение языковой единицы, например словари, описывающие иноязычные или библейские фразеологизмы [23, 24].

Кроме того, корпус словарей образных средств русского языка демонстрирует наличие или отсутствие тематического принципа, положенного в основу отбора и систематизации материала. Большая часть словарей (121 из 131 рассмотренного) включает образные средства языка безотносительно их тематической классификации; слова и / или идиомы располагаются в них по алфавиту ([3–6, 8–11, 13–15, 21–24] и др.). В некоторых словарях (10 из 131) описываются образные единицы, семантика которых отражает определенный фрагмент концептуальной системы представлений человека о мире, т.е. реализуется принцип семантического поля – демонстрируются смысловые связи образных единиц в пределах определенных понятийных сфер ([1, 7, 12, 16–20, 25] и др.). Подобные лексикографические работы могут быть обозначены как концептоориентированные словари лингвокультурологического типа [26. С. 46]. Материалом концептоориентированных словарей выступают образные единицы, семантика которых отражает явления исходной сферы – донора метафорических проекций. Например, в словаре Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой «Телесный

код русской культуры: материалы к словарю» [16] собраны единицы, отражающие соматическую метафору. В словаре «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [20] и «Словаре русской пищевой метафоры» [1, 25] описываются образные слова и выражения, отражающие метафоризацию гастрономической сферы.

Некоторые словари построены по идеографическому принципу, где в определенном разделе сгруппированы образные средства языка, отражающие понятийные сферы – мишени метафорических проекций. Например, в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [19] материал систематизирован по тематическим разделам «Человек», «Органы и части тела», «Словесное искусство» и др.

В данной статье проблемы лексикографического описания метафорической семантики рассматриваются на материале «Словаря русской пищевой метафоры» [1, 25], который относится к концептоориентированным словарям лингвокультурологического типа. Целью этого словаря является целостное описание фрагмента образной системы русского языка, основанного на метафоризации исходной концептуальной области «Еда», а основной задачей лексикографов – максимально полное, точное, емкое изъяснение семантики с учетом культурно обусловленных ассоциативно-образных, символических, ценностных компонентов значения. Результатом лексикографического описания стали первый том с подзаголовком «Блюда и продукты питания» [1] и второй том – «Гастрономическая деятельность» [25]; третий том «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности» находится на стадии редактирования. На данный момент общий словник включает 3550 образных единиц, в числе которых не только метафорические значения, зафиксированные в ранее опубликованных словарях, но и новые значения лексических и фразеологических единиц, выявленные по результатам корпусного исследования. В задачи данной статьи входит рассмотрение методики выявления метафорических значений, способов их лексикографического описания, создания словарной дефиниции, разработки унифицированных моделей толкования.

1. Выявление новых метафорических значений при формировании словника

Составление словника «Словаря русской пищевой метафоры» осуществлялось на основании двух источников: опубликованных словарей и базы метафорических контекстов. Методом сплошной выбор-

ки из толковых словарей [27, 28] и словарей образных слов и выражений [3, 6–8] составлялся первичный список толкуемых единиц. Отбор лексико-фразеологического материала проводился по следующим критериям: 1) метафорический или символический характер значения слова и выражения; 2) мотивированность образной единицы наименованиями явлений гастрономической сферы. Этим критериям соответствуют такие структурно-семантические типы языковых единиц, как: языковые метафоры (*молоко* ‘густой белый туман’, *навариться* ‘заработать деньги, получить выгоду’), собственно образные слова (*медоточивый* ‘льстивый, подбострастный’, *распекать* ‘делать строгий выговор, ругать’), двухкомпонентные образные номинации (*апельсиновая корка* ‘неровная и бугристая кожа человека, вызванная изменениями в подкожно-жировом слое’, *большое яблоко* ‘Нью-Йорк’), устойчивые образные сравнения различной структуры (*как варёный рак* ‘о покрасневшем человеке’, *форма бублика* ‘форма кольца с широким диаметром изогнутой части’, *рюмочкой* ‘о стройной женской фигуре’), фразеологические единицы (*как сыр в масле кататься* ‘находиться в комфортных, благоприятных условиях; жить в достатке’, *есть глазами* ‘смотреть на кого-л. пристально, следить взглядом за действиями кого-л.’), пословицы (*кто не рискует, тот не пьет шампанского* ‘тот, кто не боится рисковать, имеет больше шансов на успех’), поговорки (*за семь верст киселя хлебать* ‘напрасно и необдуманно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте’).

Отобранные для словника слова и выражения далее выступали в качестве запросов в поисковых системах Яндекс [29], Google [30], текстовой базы Национального корпуса русского языка [31]. С целью выявления актуальных метафорических значений анализировались фрагменты современных текстов, созданных в период с 1950 г. по настоящее время. Например, в результате поиска текстовых фрагментов со словом *баранка* в Национальном корпусе русского языка было найдено 407 контекстов. Из них 119 иллюстрируют использование данной единицы в исходном значении: *Я кивнул головой и принялся уплетать сухари и баранки* (З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня); *Вина никакого никогда не было, пили чай с баранками и конфетами* («Человек и закон») и т.д. В 288 текстовых фрагментах встречается употребление данного слова в образных значениях: *А в кремовый «жигуль» уже села за баранку стройная блондинка* (Г. Полонский, Н. Долинина. Перевод с английского); *Иначе выпол-*

нение задания не засчитывалось, и группа получала **баранку** («Солдат удачи»); В продаже появились наборы светильников, состоящих из надувной **баранки**, в отверстие которой вплавлен пластмассовый цилиндр («Техника – молодежи»); Подол упал на место, а чулки, свалившись, получились на щиколотках мерзкими пухлыми **баранками** (А. Эппель. Чулки со стрелкой); – Ну, – сказал Поляков. – **Баранки гну**, – остроумно ответил директор (Л. Измайлов. Инициатива масс) и т.д.

В результате формировалась обширная база метафорических контекстов, представленная фрагментами художественных, публицистических, научно-популярных произведений; в разной степени подготовленной или спонтанной естественной письменной речи (публикации и комментарии в чатах, на форумах).

Важную задачу при работе с текстовым материалом составила разработка методики выявления новых значений и разграничения узуальных и окказиональных употреблений слова. Выявление новых значений предполагает анализ контекстов, в которых слово или выражение употребляется в метафорическом, символическом, иносказательном смысле. Полученный массив метафорических контекстов систематизируется в соответствии со значениями образных единиц, реализованными в конкретных словоупотреблениях. Таким образом, выявляется состав лексико-семантических вариантов заглавной лексемы, каждый из которых получает в словаре толкование и контекстную иллюстрацию. Так, метафора **баранка** в контекстах реализует 3 значения: 1) ‘рулевое колесо автомобиля’ (*В машине спал шофёр, положив голову на **баранку***. И. Грекова. На испытаниях; *Автопроизводители сами просчитывают размер **баранки** и угол наклона рулевой колонки*. «Автопилот» и др.); 2) ‘что-л., имеющее форму кольца’ («Он чуть крутанул **баранку** вентиля, и вода запела свою шелестящую песенку» А. Терехов. Мемуары срочной службы; *Мировые архитектурные звезды Жак Херцог и Пьер де Мерон перестроили главные корпуса BaselWorld, накрыв площадь перед ними сетчатой металлической **баранкой***. «Эксперт» и др.); 3) ‘ноль, нулевой результат’ (*За первые два экзамена получила по **баранке***. Е. Завершнева. Высотка; *Речь идет о турнирной «**баранке**» для команды Ростов, которая в 25 туре проиграла на своем поле столичной «Москве» – 1:2 (1:0)*. «Приазовский край» и др.).

Большое количество контекстов, в которых употребляется образная лексика и фразеология, мотивированная наименованиями гастро-

номической сферы, свидетельствует о высокой продуктивности пищевой метафоры. Практически каждая языковая единица с исходным гастрономическим значением, введенная в поисковую строку Национального корпуса русского языка, реализует от 1 (**вишневый** 'интенсивный темно-красный с коричневатым и легким лиловым оттенком, подобный цвету ягод вишни', **напечь** 'сильно нагреть голову' и др.) до 20 (**поглотить** 'сделать что-л. невидимым, недоступным для зрительного восприятия', 'занять собой поверхность чего-л.', 'более сильным воздействием перекрыть остальные (о звуках, запахах)', 'полностью охватить кого-л. (о сильных чувствах, эмоциях)' и др.) образных значений. Лишь некоторые из проанализированных единиц используются исключительно для наименования гастрономических явлений, например **кетчуп**, **варенец**, **повидло**, **сотейник** и др. – такие слова не включались в словарь. Количество контекстов, отражающих реализацию определенного образного значения, составляло от 3–4 до 50, а в некоторых случаях и выше. Например, **баранка** в значении 'рулевое колесо автомобиля' насчитывает более 100 употреблений в контекстах.

В процессе сбора контекстов и их анализа были выявлены образные значения, ранее не описанные в словарях. Так, в толковых [27, 28] и фразеологических [3, 6–8] словарях не зафиксированы метафорические значения лексических единиц **мороженое**, **кастрюля**, **вялить** и др. Однако в современных дискурсивных практиках используются образные слова и выражения, мотивированные данными наименованиями. Например, устойчивый характер имеют сравнение **таять, как мороженое** 'быстро расходоваться, исчезать' (*У экс-президента Р. не было больших денег, таяющих теперь, как мороженое или как выставленное дармовое виски*. В. Маканин. Однодневная война), фразеологизмы **зарабатывать на мороженое** 'подрабатывать, получая незначительные доходы' (*Саша Ширвиндт зарабатывал на мороженое более достойным образом – играл на деньги в пристеночек*. «Вечерняя Москва»); **вариться в кастрюле** 'находиться в определенных социальных условиях' (*Вы жили у Покровских ворот? – Там жил мой герой. Мы оба варились в такой коммунальной кастрюле*. Л. Зорин. Медный закат); сравнение **как вяленый** 'о медлительном, неактивном человеке' (*Тихон Тихонович деятельно сновал около обшарпанного грузовика с откинутыми бортами, мешая своими ценными указаниями грузчикам. – Что вы как вяленые? – покрикивал Тихон Тихонович*. Е. Евтушенко. Ягодные места) и др.

Особую задачу составляет квалификация толкуемых образных единиц с точки зрения их структурно-семантического типа, а также с позиции их узуальности иokkaциональности. С этой целью используются количественный и системный критерии. Наличие не менее 3–5 контекстов, в которых образное слово используется в одном и том же значении, указывает на устойчивый характер метафорического смысла. Так, толковые словари фиксируют только одно значение языковой метафоры *горько* ‘о чувстве горечи, гнетущем состоянии, настроении, испытываемом кем-л.’ [27. Т. 1. С. 337; 28. Т. 1. С. 331]. Однако обнаружено 10 контекстов, которые позволяют выделить новое значение языковой метафоры *горько* ‘очень сильно, интенсивно, в высокой степени (о действиях, состояниях, вызывающих неодобрение, имеющих негативные последствия)’: *Оказывается, я горько ошибался. Таких людей, как у нас, так и за рубежом нашлось немало* («Солдат удачи»); *Однако впоследствии Бунин горько пожалеет о том, что не внял совету друзей* («Вестник США»); *Эра Вадимовна полагала, что Настя интересуется лишь наукой, но некоторое время тому назад она была горько разочарована* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха). Языковая метафора *поглотить* в традиционных словарях [27, 28] толкуется очень широко. Всего в данных словарях выделяется 4 ЛСВ: 1) ‘воспринять, усвоить многое’; 2) ‘принять в себя, скрыть в своих недрах’; 3) ‘всцело захватить, заполнить, занять сознание, помыслы и т.п. кого-л.’; 4) ‘взять, потребовать для себя больших затрат чего-л.’ [27. Т. 3. С. 166]. Анализ метафорических значений, проведенный с опорой на базу современных контекстов, позволил выделить 20 ЛСВ [25. С. 343–350], разграничив денотативные области по принципу «одна метафорическая модель – один ЛСВ». Например, метафора *поглотить* в значении ‘включить в свой состав в результате политических или экономических преобразований (о государствах, политических партиях, предприятиях и т.п.)’ обнаружена в 20 фрагментах газетных и журнальных статей: *Напомним, что в прошлом году МВД «погловило» Федеральную миграционную службу* («Совершенно секретно»); *Некогда сильные «Внуковские авиалинии» были поглощены «Сибирью»* («Известия»); *Это первый случай, когда российская компания вышла за пределы своей страны и поглотила чужую компанию* («Металлы Евразии»); *Эксперты сомневаются в перспективах Navision, которую должна поглотить американская Microsoft* («Известия»).

Во фразеологических словарях [3, 6–8] не приводится выражение **кормить с руки / из ложки / ложечки** ‘чрезмерно заботиться о ком-л., опекать кого-л.’, хотя оно встретилось в 3 текстовых фрагментах: *Он ее на руках носил, гулять водил, с ложечки кормил, им все завидовали* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); *Он был сопляк, урод, из тех, кого родители кормят из ложки до самой пенсии* (Г. Щербакова. Мальчик и девочка); *Тогда, может быть, мы скоро отвыкнем от того, чтобы нас кормили с руки* («Аргументы и факты»). Использование данного фразеологизма в текстах различной стилевой отнесенности (художественный, публицистический стили) позволяет делать выводы о его узуальности.

Сравнение **как синяя раздавленная слива** ‘о человеке, тело которого покрыто синяками’ встретилось только в одном контексте, что дает основание квалифицировать его как авторское: – *Я могу предположить, что произошло. Тебя избил любовник. Как его зовут? – Я лежала на больничной кровати, как синяя раздавленная слива. Мужчины в этот момент меня совершенно не интересовали* (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя).

Системный критерий базируется на парадигматических связях и отношениях в пределах лексико-фразеологических образных микро-систем. Большое количество синонимичных метафорических ЛСВ в пределах одного словообразовательного гнезда, тематической или лексико-семантической группы позволяет сделать вывод об устойчивости образного значения в русском языке. Например, метафора **заест** ‘разрушить организм человека (о болезни)’ реализована лишь в одном из отобранных в Национальном корпусе русского языка контексте: *И главное, боюсь, что этого несчастного малярия заест, умрёт человек без всякой пользы для себя и моего дела...* (Ф. Искандер. Бедный демагог). Однако подобное значение регулярно реализуют другие метафоры и образные выражения, мотивированные глаголами поглощения (**есть, съест, съедать, выест, выедать, доест, доедать, изьест, поедом есть, сжирать, дожирать, глодать, изглодать, грызть, сгрызть, загрызть, загрызать, изгрызть, изгрызать, дожевать, кусать**): *Она внешне сильно изменилась. Маму съедал рак. Она высохла, скукожилась* (М. Шишкин. Письмовник); *И свидетель, говорю, жив ещё, хоть малярия его поедом ест* (Ф. Искандер. Бедный демагог); *Было похоже, что его гложет болезнь: он исхудал, щеки его запали* (В. Панова. Ясный берег); *Он сде-*

лается судьей в Чусовском железнодорожном отделении прокуратуры, много людей погубит, много судеб искалечит, но умрет в страшных муках, умрет от *изгрышей* его болезни, как и положено умирать мерзавцам (В. Астафьев. Веселый солдат) и многие другие. Это позволяет считать глагол *заест* в рассматриваемом метафорическом значении языковой, т.е. узуальной, метафорой.

Таким образом, формирование словника метафорического словаря, отражающего функционирование образных средств языка в современных дискурсивных практиках, осуществляется в следующем алгоритме действий: 1) поиск, обнаружение и анализ метафорических контекстов; 2) выявление метафорической семантики языковых единиц; 3) определение структурно-семантического типа образной языковой единицы; 4) систематизация контекстов, отражающих реализацию определенного значения образной единицы; 5) разграничение узуальных и окказиональных значений на основании количественного и системного критериев.

«Словарь русской пищевой метафоры» вписывается в ряд других словарей, фиксирующих новые слова и значения в современном русском языке [32, 33]. Г.Н. Скляревская отмечает, что «лавинообразное словообразование, неконтролируемый поток заимствований, вторжение жаргона в общий язык, новая жизнь слов, обозначающих наиболее актуальные понятия нашего времени» требуют обновления имеющихся словарных данных [33. С. 5]. Например, в этих словарях фиксируются новые значения таких известных слов, как *вирус* ‘компьютерная программа, самопроизвольно соединяющаяся с другими программами и вызывающая непредсказуемые последствия (порча файлов и каталогов, уничтожение данных и т.п.)’ [32. С. 312], *крыша* ‘о голове, головном мозге, умственных способностях’ [33. С. 345] и др.

Рассмотрим новые значения, зафиксированные в «Словаре русской пищевой метафоры» на примере тематической группы «Кормление», которая включает образные слова и выражения, мотивированные глаголами *кормить*, *питать*, *поить*, *угощать*, *потчевать*, *пичкать* [25. С. 449–509].

В ходе анализа выявлены и лексикографически представлены 11 новых идиом: *даром хлебом кормить* ‘предоставлять все необходимое тем, кто этого не заслуживает’ (*Мы отдел спецтехники не даром же хлебом кормим? Неужели они не могут по магнитной ленте узнать голоса? Разогнать их тогда.* А. Солженицын. В круге пер-

вом), **кормить байками / баснями / сказками** ‘говорить неправду, распространять недостоверную информацию’ (*Жестоко держать ребенка до пятнадцати лет в розовых очках. Кормить его сказками про вечную любовь, про безоблачное будущее.* В. Валеева. Скорая помощь), **кусать руку кормящую** ‘действовать против того, кто оказывал помощь, поддержку’ (*А, вот кто кусает руку кормящую, гнида... Значит, в набег ты решил не идти, здесь, в Форкилистаде шакалить!* О. Борисов. Золото), **кормиться от / со стола** ‘получать материальные блага, средства к существованию при чьей-л. финансовой поддержке’ (*Страна обязана покупать и оплачивать контракты по рыночной стоимости. Я категорически против того, чтобы какое-то государство кормилось с чужого стола.* Комментарии на «amc.ru»), **впитывать как губка** ‘усваивать, воспринимать что-л. легко и быстро’ (*В Ленбалете мы консультировали группу молодых ребят, которые впитывали, как губка, наши замыслы и идеи.* «Совершенно секретно») и др.

В толковых словарях зафиксированы метафорические ЛСВ глаголов кормления, называющие явления экономической деятельности: **кормиться** ‘содержать себя, добывать средства к пропитанию, к жизни’ [27. Т. 2. С. 104; 28. Т. 1. С. 717], **подножный корм** ‘средства существования, добываемые где и как придется’ [27. Т. 2. С. 104], **кормушка** ‘место, где можно, пользуясь бесконтрольностью, поживиться, приобрести что-л. для себя неблагоприятными, незаконными способами’ [27. Т. 2. С. 105; 28. Т. 1. С. 717] или абстрактных явлений: **питать** ‘служить почвой, основой для развития чего-л., поддерживать’ [27. Т. 3. С. 128] и др. Однако контексты показывают, что глаголы кормления и образованные от них существительные также используются для метафорической номинации различных веществ: **угощение** ‘косметическое средство, обеспечивающее поступление необходимых веществ в организм человека’ (*Маска с коньяком – изысканное угощение для волос.* «9lady.ru»), речемыслительной деятельности: **накормить** ‘распространить какую-л. информацию, определенные идеи, взгляды, знания’ (*Мэр Новочеркасска в очередной раз решил накормить горожан не хлебом, а пропагандой.* «Блокнот.ru»), абстрактных явлений: **кормиться** ‘существовать за счет кого-, чего-л.’ (*Зло всегда кормилось добром, оно подпитывается им, и лишит зло очередной порции съедобного – вот чего хочу я... А. Азольский. Лопушок*), **перекормленность** ‘чрезмерное удовлетворение каких-л.

нужд, потребностей' (*Но я поймала себя на мысли, что не могу искренне радоваться красоте фонтанов, воспринимаю их как нечто обыденное. Питерская перекормленность* сказывается, наверное. «Livejournal.com»), *напитать* 'удовлетворить духовные, социальные потребности в ком-, чем-л.' (*Желания людей неисчислимы, и никто не может их напитать, ни он сам, ни рабы его, и счастье проходит...* М. Анчаров. Самшитовый лес), *впитаться* 'стать характерной чертой, неотъемлемой частью чего-л.' («Ислам *впитался* в повседневную жизнь, и мировоззрение людей на Востоке гораздо глубже, чем христианство на Западе» О. Гриневский. Восток – дело тонкое), социальной деятельности: *подпитка* 'помощь, содействие, поддержка' (*Ну, вот так сложилось, что в Москве протест ушел в песок, а в Воронежской области нашел подпитку, когда стали известны планы разработки никелевого месторождения.* «Русский репортер») и др.

Всего группа «Кормление» включает 181 образное слово и выражение, из которых 90 (50 %) не зафиксированы в словарях [3, 6–8, 27, 28]. Приведенные данные свидетельствуют о преобразованиях, произошедших в семантике многих слов, и о необходимости проводить работу по созданию новых современных словарей, фиксирующих актуальные метафорические значения слов и выражений.

2. Создание словарной дефиниции образного слова или выражения

Проведенное исследование позволило отобрать и систематизировать языковой материал с целью его последующего словарного описания. Чтобы представить в лексикографическом формате результаты предварительного функционально-семантического и корпусного исследования, необходимо применить собственно лексикографические методы, основное место среди которых занимают формализация и унификация словарного толкования.

Формулировки словарных дефиниций для «Словаря русской пищевой метафоры» создавались с опорой на толкования, представленные в опубликованных толковых словарях [27, 28] и словарях образных слов и выражений [3, 6–8]. В том случае, если систематически используемое метафорическое значение ранее не фиксировалось, авторы-составители формулировали дефиниции самостоятельно с опорой на имеющиеся в словарях толкования синонимичных слов, а так-

же на результаты собственного исследования с применением приемов компонентного, дефиниционного, контекстного анализа материала.

Особенности значений вторичных образных номинаций обуславливают разработку особых принципов построения их словарных дефиниций. Так, Г.Н. Скляревская предлагает в толковании представлять «родовое понятие и характерный видовой признак», указывать на определенный денотат метафорической номинации и не рекомендует эксплицировать символ метафоры через сопоставление образной единицы с исходным мотивирующим наименованием. Исследователь подчеркивает необходимость «унификации внутри тематических групп или групп семантически однородной лексики и последовательного применения типизированных моделей дефиниций», а также советует избегать «нулевых компонентов» (например, *имеющий, являющийся; нечто, тот, что...; о том, что...*), разрушающих денотативную отнесенность [34. С. 305–306].

Дефиниция образного слова или выражения в «Словаре русской пищевой метафоры» содержит семантические признаки, которые позволяют определить объект номинации, включая его в группу подобных явлений и четко разграничивая толкуемые наименования по лексическому значению. Толкование является нейтральным по стилистической характеристике, кратким по объему, но достаточным для понимания особенностей семантики заглавного слова. Семантизация исходного мотивирующего слова включает описание предметно-понятийного значения, которое является мотивирующим для образных слов и выражений. Например, исходное мотивирующее значение глагола *мариновать* ‘готовить пищевые продукты, выдерживая их в растворе уксуса, соли и сахара с добавлением пряностей (маринад)’ и языковая метафора *мариновать* ‘утомлять кого-л. долгим ожиданием’ [25. С. 177–178].

Общее правило при толковании семантики образных слов и выражений – избегание метафорических элементов в дефинициях вторичных образных номинаций. Толкование должно быть информативным, понятным, не вводящим в заблуждение, не вызывающим дополнительных вопросов. Объяснение образного значения посредством метафор считается существенным недостатком, поскольку отсылает к иным образным стереотипам, привносящим в изъяснение иной ассоциативный фон. Например, в «Новом словаре русского языка» в толковании глагола *кусать* ‘причинять обиду, задевая за живое; уязвлять’ используются

языковые метафоры *задевать за живое* и *уязвлять* [28. Т. 1. С. 760]. В «Словаре русской пищевой метафоры» данный глагол толкуется как ‘досаждать упреками; умышленно создавать неприемлемые условия для жизни, социальной деятельности’ [25. С. 377]. В толковом словаре дефиниция фразеологизма *пить кровь* ‘мучить, притеснять, жестоко эксплуатировать кого-л.’ содержит языковую метафору *притеснять* [27. Т. 2. С. 133]. В «Словаре русской пищевой метафоры» это образное выражение изъясняется как ‘морально изводить, причинять душевные страдания кому-л., лишать сил, энергии’ [25. С. 276].

При изъяснении семантики образных лексических единиц – языковых метафор и собственно образных слов – используется развернутое описательное толкование. Данный способ семантизации позволяет представить полисемный характер значения, «нерасчлененность признаков, их взаимное смешение и переплетение» [34. С. 287]. Каждый лексический элемент дефиниции указывает на определенный компонент понятийного содержания образного средства языка. Сравним для примера дефиниции в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и толкования, представленные в «Словаре русской пищевой метафоры». Так, языковая метафора *молотить* в «Словаре русского языка» толкуется как ‘ударять, колотить’ [27. Т. 2. С. 293], в «Словаре русской пищевой метафоры» данная метафора описывается как ‘интенсивно стучать, ударяя по какому-л. предмету руками, кулаками, пальцами’ [25. С. 123], дефиниция, представленная в толковом словаре [27], на наш взгляд, недостаточно информативна. В «Словаре русского языка» языковая метафора *жарить* семантизируется как ‘употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т. п.’ [27. Т. 1. С. 472]. В «Словаре русской пищевой метафоры» при толковании этого образного слова дифференцируются 4 лексико-семантических варианта, указывающих на интенсивность конкретного действия: 1) ‘неоднократно и интенсивно стрелять, вести обстрел’; 2) ‘быстро и интенсивно идти, бежать’; 3) ‘играть на музыкальных инструментах интенсивно, азартно’; 4) ‘совершать интенсивные речевые действия’ [25. С. 30–32].

Логическая организация словарного определения лексического значения языковых метафор и собственно образных слов включает название ближайшего родового понятия и главного видового признака. Например, *конфетка* ‘милая, внешне привлекательная девуш-

ка': лексическая единица *девушка* указывает на родовое понятие. Лексические компоненты дефиниции *милая* и *внешне привлекательная* называют главные видовые признаки, которые выражаются с помощью этой метафоры. Данное образное значение не зафиксировано в «Словаре русского языка» [27. Т. 2. С. 95]. Другие примеры: *булочка* 'полный человек (преимущественно женщина) с пышными округлыми формами', *пампушка* 'полная женщина', *пышка* 'толстый, пухлый человек (преимущественно о ребенке или женщине)' и др.

Словарное определение семантики языковых метафор и собственно образных слов содержит элемент, обозначенный Г.Н. Складчиковой термином «семантический конкретизатор». Под семантическим конкретизатором понимаются «разного рода уточнения, которые даются в скобках в тексте толкования или после него» [34. С. 281]. Среди таких уточнений используются указания на конкретный денотат, объект определения, субъект или объект действия. В толкованиях образных лексических средств с мотивирующей кулинарной семантикой приводятся семантические конкретизаторы, указывающие на денотативную отнесенность описываемого значения образной единицы. Они используются, когда круг денотатов либо узкий, конкретный, либо четко фиксированный, что подтверждается серией контекстных иллюстраций. Например, *каша* 'полужидкая масса (грязь, мокрый снег и т. п.), *уксусный* 1) 'резкий, неприятный, пронзительный, визгливый (о голосе)'; 2) 'недовольный, унылый, тоскливый (о выражении лица)'; 3) 'неприятный, мучительный (о негативных чувствах, эмоциях)'; 4) 'грубый, неприличный (о словах, выражениях)'; *бродить* 1) 'активно функционировать, развиваться (об организации)'; 2) 'интенсивно проявляться, ощущаться (о чувствах, эмоциях)'; 3) 'интенсивно формироваться, развиваться (о мыслях, идеях)'; *выпороженный* 'уставший морально или физически, выбившийся из сил и не способный на какую-л. деятельность (о человеке)' и др.

3. Унификация моделей толкования вторичных образных номинаций

Проведенный в ходе исследования анализ дефиниций толковых словарей русского языка [27, 28, 35, 36] показал отсутствие единообразия при изъяснении языковых единиц (даже семантически близких) и конкретных правил толкования лексического значения, которые могут быть применены при составлении новых словарей. К подобным выводам приходят и другие лексикографы. Так, в отзыве на проспект

«Толкового тематического словаря русских глаголов» М.Ю. Федосюк отметил, что «толкования близких по значению глаголов оказались рядом, и в результате вылезли на поверхность многочисленные дефекты использования толковых словарей, где из-за алфавитного порядка эти дефекты не замечаются» (цит. по: [18. С. 20]). По мнению Н.А. Лукьяновой, Г.Н. Скляревской, Т.А. Трипольской и др., толкование семантики образных, экспрессивных, оценочных языковых единиц в толковых словарях имеет ряд недочетов. Самыми существенными из них являются: неполнота описания семантических свойств и дифференциальных признаков семантики лексикографируемой единицы; нарушение иерархических связей между компонентами образного значения; тавтология толкования; отсутствие экспликации ассоциативно-образных, культурных, символических коннотаций, закрепленных за семантикой толкуемых языковых единиц; игнорирование денотативной отнесенности [34. С. 273–306; 37. С. 129–143; 38. С. 48–49; 39. С. 72–92]. Исследователи приходят к выводу, что представленная в толковых словарях семантизация образных, экспрессивных, оценочных средств языка разнородна и не унифицирована, что делает задачу разработки единообразных моделей толкования образных средств языка весьма актуальной.

Словарное толкование семантики исходных мотивирующих единиц и вторичных образных номинаций предполагает разработку унифицированных моделей словарной дефиниции. Наличие различных семантико-грамматических групп описываемых в словаре единиц предопределяет разнообразие моделей и специфику формулировок толкований слов и выражений, принадлежащих одному структурно-семантическому типу (метафорические ЛСВ, собственно образные слова, фразеологизмы, сравнения и т. п.), одной семантической группе, лексико-грамматическому разряду определенной части речи. Такой подход позволяет унифицировать толкования значений семантически и грамматически близких языковых единиц. По мнению Н.Ю. Шведовой, «для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками внутри отдельных частей речи»; это трансформирует словарь из «просто квалифицированно составленной коллекции слов <...> в научное произведение, которое опирается на специально для него разработанные эталоны описания слов, так или иначе объединенных формально и семантически» [40. С. 171].

С целью унификации словарных дефиниций метафор и собственно образных слов учитывается их частеречная отнесенность. Главным компонентом толкования субстантивной метафоры и собственно образного существительного является существительное, например, **крошка** 1) 'предмет нестандартно маленького размера'; 2) 'маленький ребенок'; 3) 'милая, привлекательная девушка'; 4) 'мельчайшее, незначительное проявление какой-л. эмоции, чувства, мысли'; **груша** 'тренажер для отработки ударов в боксе, напоминающий своей формой грушу' и др. Главным структурным и смысловым компонентом словарной дефиниции глагольной метафоры и собственно образного глагола является глагол, например: **вкусить** 1) 'испытать какие-л. состояния, чувства, эмоции'; 2) 'получить какой-л. жизненный опыт'; **вялиться** 'становиться смуглым и худым от пребывания на солнце, в жарком климате'; **консервировать** 'сохранять сложившиеся традиции, нормы и правила социальной деятельности' и др.

Адъективные и адverbиальные метафоры и собственно образные прилагательные и наречия семантизируются с помощью синонимических рядов прилагательных и наречий. Например, **сочный** 1) 'яркий, насыщенный, интенсивный, сильный (о цвете, звуке)'; 2) 'выразительный, эмоциональный, имеющий оригинальную форму и глубокое содержание (о речевых произведениях)'; **медоточивый** 'льстивый, подбострастный' и др. Возможно толкование семантики субстантивной метафоры и собственно образного существительного с помощью синонимического ряда, если такая словарная дефиниция полностью отражает лексическое значение, например: **пекло** 'сильный зной, жара', **людоед** 'тиран, деспот', **хлебосольность** 'радушие, щедрость, гостеприимство'.

В словарной дефиниции образного сравнения дается указание на признаки денотатов, получивших образное воплощение через аналогию с явлением гастрономической сферы. Данный принцип позволяет лексикографически эксплицировать основание метафорического уподобления. Например, в толковании образного сравнения **будто солью усыпанный** 'о чем-л., имеющем белые вкрапления, напоминающие соль по цвету, структуре (снеге, седине и т. п.)' компонент «белые вкрапления» является свойством денотата, которое метафорически обозначается через ассоциацию с солью. Вещества, которые по структуре представляют собой порошок, образно ассоциируются с мукой, поэтому в толковании образного сравнения **как мука** введен компо-

нент, указывающий на структуру вещества: ‘о чем-л. рассыпчатом, порошкообразном, напоминающем по структуре муку’. Например: **словно обкусанный** ‘о чем-л. с неровными краями, имеющими выемки, повреждения’; **как помешанный** ‘о человеке, который ведет себя странно, нетипично, словно сумасшедший’ и др.

Семантика устойчивых и авторских сравнений, образно характеризующих свойства различных явлений, толкуется посредством указания на денотат с помощью синтаксической конструкции в предложном падеже с предлогом «о». Например: **с блюдце** ‘о круглых и больших глазах’, **как бублик** 1) ‘о предметах в форме кольца, по виду напоминающих бублик’; 2) ‘о полном человеке с округлой фигурой’; **точно варённый** ‘о медлительном, вялом, апатичном человеке’; **как жвачка** 1) ‘о навязчивых мыслях, идеях’; 2) ‘о чем-л. ненужном’, **как перед едой** ‘об ожидании чего-л. приятного’ и др. Также при словарном определении значения образных сравнений используются семантические конкретизаторы, указывающие на денотативную отнесенность метафорической номинации. Например: **пьянить, как вино** ‘о том, что вызывает ощущение радости, удовольствия (явлениях природы, чувствах, эмоциях)’; **растечься, как тесто** ‘развалиться на какой-л. поверхности, полностью заняв ее своим телом (о человеке)’; **как каралька** ‘о чем-л. согнутом в виде полукольца (хвосте животного, теле человека)’; **как дыня** ‘о чем-л. яркого светло-желтого цвета, подобного цвету плода дыни (преимущественно о коже человека)’ и др.

Толкования фразеологических единиц, пословиц и поговорок представляют собой законченные высказывания, сформулированные по предложенному В.П. Жуковым принципу «подобное толкуется подобным» [6. С. 12]. Дефиниция представляет собой развернутое описание семантики образного выражения, в котором изъясняется ситуация и ее участники. При формулировке толкования сохраняется синтаксическая и грамматическая структура образного выражения. Например, пословица **яблоко от яблони недалеко падает** толкуется как ‘дети наследуют черты своих родителей, в том числе и негативные, перенимая их характер, поведение, образ жизни’. Образ яблока ассоциируется с образом детей, в толковании обозначается лексемой *дети*. Образ яблони метафорически проецируется на образ родителей, в дефиниции изъясняется с помощью лексики *родители*. Ситуация *недалеко падает* образно характеризует ситуацию, когда дети наследуют качества характера родителей. Так в толковании сохраняются

семантические позиции всех участников ситуации, которую задает внутренняя форма образного выражения.

Развернутое описательное толкование образных выражений, как правило, является синтаксически усложненным и содержит причастный или деепричастный оборот или придаточное предложение. Например: *сварить кашу из топора* ‘сделать, создать что-л., обходясь минимумом доступных средств’; *урвать кусок пирога* ‘захватить часть какого-л. богатства, имущества зачастую нечестным, незаконным путем’ и др.

Пословицы, в которых называются причина и следствие какого-либо действия, толкуются с помощью союза «если, то...»: *назвался груздем, полезай в кузов* ‘если добровольно взялся за какое-л. дело, то выполняй свои обязанности в соответствии со сделанным выбором’; *хочешь есть калачи, не лежи на печи* ‘если хочешь получить желаемое, то нужно приложить к этому усилия’. В толковании семантики пословиц, описывающих поведение человека, используется конструкция «тот, кто...»: *заварил кашу – теперь расхлёбывай* ‘тот, кто спровоцировал своими действиями сложную, неприятную ситуацию, должен взять ответственность на себя и постараться все исправить’; *знает кошка, чьё мясо съела* ‘тот, кто совершил неблагоприятный поступок, чувствуя вину, выдает себя своим поведением’ и др.

Семантика фразеологических единиц, главным структурно-смысловым компонентом которых является существительное, толкуются с помощью существительного. Например: *отрезанный ломоть* ‘человек, ставший самостоятельным, оторвавшийся от семьи’; *мякинная бабка* ‘глупый, несообразительный человек, растяпа’; *жареные факты* ‘сведения скандального, сенсационного характера, публикуемые в средствах массовой информации’ и др. При формулировке толкования фразеологических единиц, которые включают наименования гастрономических процессов в форме инфинитива и не имеют субъекта действия, в дефиниции сохраняется безличная конструкция: *каши не сварить* ‘невозможно договориться, нельзя положиться на кого-л.’ *вариться в собственном соку* ‘жить, работать, решать какие-л. вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не советуясь’ и др.

При семантизации фразеологических единиц, включающих субъект действия и предикат и образно описывающих эмоции, чувства и состояние человека, используются развернутое описательное толкование и предлог «о»: *кровь кипит* ‘об избытке жизненных сил, энер-

гии; состоянии эмоционального подъема, воодушевления, азарта'; **страсти кипят** 1) 'о бурных переживаниях, состоянии душевного волнения от сильных эмоций, чувств, мыслей'; 2) 'о бурных событиях жизни, связанных со страстными любовными отношениями, преодолением трудностей, конфликтных ситуаций' и др.

Особую проблему семантизации составляют коммуникативно ориентированные образные языковые единицы с редуцированным понятийным компонентом, которые не зафиксированы в толковых словарях [27, 28]. В «Словаре русской пищевой метафоры» при семантизации коммуникативно обусловленных образных выражений, так называемых «присловий», используется конструкция «Говорится в ситуации...». Например: **что, съел?** 'что, получил по заслугам? Говорится в адрес противника, оппонента в ситуации, когда кто-л. сумел утвердить свое превосходство, доказать свою правоту'; **не сахарный, не растаешь** 'ничего плохого не случится. Говорится изнеженному, щепетильному человеку в ситуации пребывания в некомфортных условиях'; **нате, жрите!** 'получите, что хотели. Говорится в ситуации, когда кто-л. ожидает каких-л. действий, результатов от говорящего'.

Исследование функционирования образной лексики и фразеологии в большом количестве текстовых фрагментов, представляющих современные художественный, публицистический, разговорный типы дискурса, позволило выявить и описать новые образные значения метафор и фразеологических оборотов различной структуры. Разработанные правила способствуют унификации и стандартизации словарных дефиниций. Специфику толкования обусловливают структурно-семантическая разновидность образного средства языка, частеречная отнесенность главного структурно-смыслового компонента образных выражений и собственно семантика образной единицы.

Заключение

Отбор материала для словника метафорического словаря с опорой на данные множества метафорических контекстов и результаты контекстного анализа каждой языковой единицы с метафорическим значением расширяют представление о составе образных слов и выражений русского языка, дают возможность обнаружить и сформулировать новые переносно-образные значения, вошедшие в коммуникативный обиход за последние десятилетия. Выявлению и фиксации

новых метафорических значений способствует развитие корпусных технологий, которые позволяют лексикографу осуществить быстрый поиск текстовых фрагментов, демонстрирующих употребление толкуемой единицы в современных дискурсивных практиках. Обращение к Национальному корпусу русского языка показало, насколько велика разница между количеством образных значений, зафиксированных в традиционных словарях, и количеством метафор, использующихся в «живой» современной речи. Создание и разработка метафорических словарей с применением корпусных технологий составляют одну из важнейших задач лексикографии ближайшего будущего.

Лексикографическое описание образных средств языка как концептуально целостного фрагмента лексико-фразеологической системы обнаруживает общность и различия семантических и грамматических свойств единиц этой подсистемы, что позволяет разработать унифицированные толкования, применимые для семантизации слов и выражений определенной семантической и грамматической группы.

Значимость представленных в статье приемов и способов словарного описания пищевой метафоры заключается в том, что они могут использоваться при лексикографировании других фрагментов образной системы русского языка, учитываться при составлении двуязычных и полиязычных концептоориентированных словарей метафор, словарей образных синонимов и антонимов, других трудов, выполненных в русле фигуративной лексикографии.

Литература

1. *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1 : Блюда и продукты питания. 428 с.

2. Грекова М.В. Фигуративная лексикография и её место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.

3. *Большой фразеологический словарь* русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс книга, 2009. 784 с.

4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М. : Русские словари, 1997. 864 с.

5. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. *Большой словарь крылатых слов* русского языка. М. : Русские словари: Астрель: АСТ, 2000. 624 с.

6. Жуков В.П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.

7. Зимин В.И. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. М. : АСТ-Пресс, 2008. 729 с.

8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: ок. 70 000 пословиц / под ред. В.М. Мокиенко. М. : Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.

9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений: более 45 000 образных выражений / под ред. В.М. Мокиенко. М. : Олма Медиа Групп, 2008. 800 с.

10. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимический). М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. 800 с.

11. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М. : Рус. яз., 1999. 224 с.

12. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

13. Алексеев М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М. : Азбуковник, 2003. 400 с.

14. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск : UFO-Plus, 2007. 364 с.

15. Словарь образных единиц сибирского говора / О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.

16. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

17. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): более 4500 образных слов и выражений. М. : АСТ : Астрель : Русские словари: Транзиткнига, 2004. 666 с.

18. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 338 с.

19. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 848 с.

20. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: Лингвокультурологический словарь / А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Н.В. Захарова, Н.С. Зинченко ; под ред. Е.А. Юриной. Кокшетау : Изд-во Кокшетауского ун-та им. Ш. Уалиханова, 2014. 196 с.

21. Буй В., Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений) / под ред. Д.О. Добровольского. М. : Помовский и партнеры, 1995. 309 с.

22. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005. 576 с.

23. Кочедыков Л.Г. Краткий словарь иноязычных фразеологизмов. М. : Русские словари: Астрель, 2000. 240 с.

24. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта, 2010. 808 с.

25. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2 : Гастрономическая деятельность. 556 с.

26. Грекова М.В. Лексикографическая параметризация общезыковой образной системы в «Словаре русской пищевой метафоры»: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 256 с.

27. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.; Т. 2: К–О. 736 с. Т. 3: П–Р. 750 с. Т. 4: С–Я. 797 с.

28. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. 1209 с.; Т. 2: П–Я. 1088 с.

29. Поисковая система и интернет-портал «Яндекс». URL: <https://www.yandex.ru>

30. Поисковая система «Google». URL: www.google.ru

31. Национальный корпус русского языка. Электрон. дан. [Б. м.], 2003–2018. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.05.2018).

32. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. / сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. 1 (А–К). 816 с.

33. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складарской. СПб.: Фолио-пресс, 2002. 700 с.

34. Складарская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989. 430 с.

35. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2004. Т. 1: А–Бишь. 662 с.

36. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

37. Трипольская Т.А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1984. 226 с.

38. Лукьянова Н.А. Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области (принципы составления словаря) // Лексика и фразеология языков народов Сибири: [сб. науч. тр.]. Новосибирск, 1984. С. 48–58.

39. Булыгина Е.Ю. Экспрессивные прилагательные современного русского языка (семантический, прагматический и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 204 с.

40. Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X. М., 1981. С. 166–179.

PROBLEMS IN DESCRIBING METAPHORICAL SEMANTICS IN A DICTIONARY: NEW MEANINGS RECORDING AND INTERPRETATIONS UNIFICATION

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 24–49.

DOI: 10.17223/22274200/14/2

Anastasiia V. Baldova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Marina V. Grekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: marinagrekova@gmail.com

Keywords: semantics, figurative vocabulary, phraseology, food metaphor, linguaculture dictionary, lexicography.

* The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 18-18-00194).

The problems of the lexicographic description of metaphorical semantics are examined on the material of *The Dictionary of the Russian Food Metaphor*. The objectives of the article include examination of the methodology for identifying metaphorical meanings, methods of lexicographic description, creation of a dictionary definition, development of unified models of interpretation.

Compilation of *The Dictionary of the Russian Food Metaphor* was carried out on the basis of two sources: published dictionaries and the metaphorical contexts base. A continuous sampling method was used to compile the primary list of interpreted units from explanatory dictionaries and dictionaries of figurative words and expressions. The units were used to search for metaphorical contexts. New figurative meanings (previously not described in dictionaries) were identified while collecting contexts and analyzing them.

A special objective is the classification of the figurative units in terms of their structural-semantic type, usage and occasionality. Quantitative and systemic criteria were used for this purpose. Using the figurative word in the same meaning in at least three to five contexts indicates the stable character of the metaphorical meaning. The system criterion is based on paradigmatic relations and relations within lexico-phraseological figurative microsystems.

The definitions for *The Dictionary of the Russian Food Metaphor* were made based on the interpretations presented in published explanatory dictionaries and dictionaries of figurative words and expressions. If the systematically used metaphorical meaning was not previously fixed, the authors formulated the definitions using the interpretations of synonymous words in the dictionaries and the results of their research using component, definition and contextual analysis.

The general rule in interpreting the semantics of figurative words and expressions is the avoidance of metaphorical elements in the definitions of secondary figurative nominations. Interpretations should be informative, understandable, not misleading, not causing additional questions. The dictionary explanation of the semantics of the original motivating units and secondary figurative nominations presupposes the development of unified models of a dictionary definition. The specificity of interpretation is determined by the structural and semantic variety of the figurative means of language, the partial attribution of the main structural and semantic component of figurative expressions and the actual semantics of the figurative unit.

References

1. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian studies. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/10/2
3. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Big Russian phraseological dictionary: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press kniga.
4. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi* [Phraseology in the Russian speech]. Moscow: Russkie slovari.
5. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2000) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Big dictionary of catchwords of the Russian language]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST.
6. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh posloviyt i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Rus. yaz.
7. Zimin, V.I. (2008) *Slovar'-tezaurus russkikh posloviyt, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: AST-Press.
8. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh posloviyt: ok. 70 000 posloviyt* [Big dictionary of Russian proverbs: approx. 70,000 proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp.
9. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy: bolee 45 000 obraznykh vyrazheniy* [Big Dictionary of Russian folk comparisons: more than 45,000 figurative expressions]. Moscow: Olma Media Grupp.
10. Ogol'tsev, V.M. (2001) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy)* [Dictionary of Set Comparisons of the Russian Language (synonyms and antonyms)]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST.
11. Novikov, A.B. (1999) *Slovar' perifrasy russkogo yazyka (na materiale gazetnoy publitsistiki)* [Dictionary of Russian language periphrases (on the material of newspaper journalism)]. Moscow: Rus. yaz.
12. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
13. Alekseenko, M.A., Belousova, T.P. & Litvinnikova, O.I. (2003) *Slovar' otfrazeologicheskoy leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of idiom-based lexicon of the modern Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
14. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2007) *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of figurative words of the Russian language]. Tomsk: UFO-Plus.
15. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovariyu* [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.

17. Ivanova, N.N. & Ivanova, O.E. (2004) *Slovar' yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.): bolee 4500 obraznykh slov i vyrazheniy* [Dictionary of the language of poetry (figurative arsenal of Russian lyrics of the end of the 18th – beginning of the 20th centuries): more than 4,500 figurative words and expressions]. Moscow: AST: Astrel': Russkie slovari: Tranzitkniga.

18. Babenko, L.G. (ed.) (2010) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyucheveye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya* [Conceptosphere of the Russian language: key concepts and their representations (on the material of vocabulary, phraseology and parameology): dictionary prospectus]. Ekaterinburg: Ural State University.

19. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Editorial URSS.

20. Yurina, E.A. (ed.) (2014) *Russkaya pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian food tradition in the mirror of language images: A linguocultural dictionary]. Kokshetau: Kokshetau State University.

21. Buy, V., Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (1995) *Russkaya zavetnaya idiomatika (veselyy slovar' krylatykh vyrazheniy)* [Russian treasured idiomatics (A funny dictionary of catch phrases)]. Moscow: Pomovskiy i partnery.

22. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Neva.

23. Kochedykov, L.G. (2000) *Kratkiy slovar' inoyazychnykh frazeologizmov* [Concise dictionary of foreign phraseological units]. Moscow: Russkie slovari: Astrel'.

24. Dubrovina, K.N. (2010) *Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of Biblical phraseological units]. Moscow: Flinta.

25. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

26. Grekova, M.V. (2017) *Leksikograficheskaya parametrizatsiya obshcheyazykovoy obraznoy sistemy v "Slovere russkoy pishchevoy metafory"* [Lexicographic parametrization of the general linguistic image system in the "Dictionary of Russian Food Metaphor"]. Philology Cand. Dis. Tomsk.

27. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

28. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovoslovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Rus. yaz.

29. Yandex Search Engine. [Online]. Available from: <https://www.yandex.ru>. (In Russian).

30. Google Search Engine. [Online]. Available from: www.google.ru. (In Russian).

31. *Russian National Corpus*. (2003–2018). [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 06.05.2018). (In Russian).

32. Butseva, T.N. (ed.) (2009) *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 2 t.* [New words and meanings: Dictionary of reference materials of the press and fiction of the 1990s: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

33. Sklyrevskaya, G.N. (ed.) (2002) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka: Yazykovye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian language of the late twentieth century: Language changes]. St. Petersburg: Folio-press.

34. Sklyarevskaya, G.N. (1989) *Yazykovaya metafora kak ob'ekt leksikologii i leksikografii* [Language metaphor as an object of lexicology and lexicography]. Philology Dr. Dis. Leningrad.

35. Gorbachevich, K.S. (2004) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [Big Academic Dictionary of the Russian language: in 30 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.

36. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint.

37. Tripol'skaya, T.A. (1984) *Semanticheskaya struktura ekspressivnogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie (na materiale emotsional'no-otsenochnykh sushchestvitel'nykh so znacheniem litsa)* [The semantic structure of the expressive word and its lexicographical description (on the material of emotionally evaluative nouns with the meaning of a person)]. Philology Cand. Dis. Novosibirsk.

38. Luk'yanova, N.A. (1984) *Slovar' ekspressivnoy leksiki govorov Novosibirskoy oblasti (printsipy sostavleniya slovarya)* [Dictionary of expressive vocabulary of the Novosibirsk region dialects (principles of compiling a dictionary)]. In: *Leksika i frazeologiya yazykov narodov Sibiri* [Vocabulary and phraseology of the languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Omega-Print.

39. Bulygina, E.Yu. (1991) *Ekspressivnye prilagatel'nye sovremennogo russkogo yazyka (semanticheskii, pragmaticheskii i leksikograficheskii aspekty)* [Expressive adjectives of the modern Russian language (semantic, pragmatic and lexicographical aspects)]. Philology Cand. Dis. Novosibirsk.

40. Shvedova, N.Yu. (1981) *Odnomnnyy tolkovyy slovar' (spetsifika zhanra i nekotorye perspektivy dal'neyshey raboty)* [One-volume explanatory dictionary (specifics of the genre and some prospects for further work)]. In: Shvedova, N.Yu. et al. (eds) *Russkiy yazyk: Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya. Vinogradovskie chteniya. IX–X* [Russian: Problems of literary speech. Lexicology and lexicography. Vinogradov Readings. IX–X]. Moscow: Nauka.

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/14/3

А.С. Разина

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ЭТНОДИАЛЕКТНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК НОВЫЙ ЭТАП ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматривается возникший на рубеже XX–XXI вв. тип словарей с большой долей экстралингвистической информации. Анализируется соотношение в них собственно языкового и культурологического материала, описываются место и содержание лингвокультурологического комментария, а также роль речевых иллюстраций. Исследование проводится на материале словарей, созданных представителями различных отечественных лингвистических школ. Опыт современных лексикографов вписан в лексикографические традиции XIX – начала XX в., связанные с попыткой объединить в словаре собственно лингвистические и этнокультурные данные.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурология, лексикография, диалект, лингвокультурологический комментарий.

Проблема соотношения национального языка и культуры исследуется в современной лингвистике очень широко. Различные аспекты изучения связи языковых особенностей этноса и его культурной специфики вписываются в проблематику двух близких лингвистических дисциплин, оформившихся сравнительно недавно: этнолингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачѳ, В.В. Воробьѳ, В.И. Карасик, О.А. Корнилов, С.А. Кошарная, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, В.И. Постовалова, О.А. Радченко, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.Т. Хроленко, Е.С. Яковлева и др.) и лингвокультурологии (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.С. Герд, А.В. Гура, А.Ф. Журавлев, Д.К. Зеленин, В.В. Иванов, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитина, Е.С. Новик, Е.М. Мелетинский, А.А. Потѳбня, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, В.Н. Топоров, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян, Б.А. Успенский, О.А. Черепанова). В научной среде существуют различные взгляды на границы между указанными направлениями языкознания.

Поскольку объединяющим данные науки стержнем является междисциплинарный подход, то долгое время в лингвистике имела место тенденция считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики.

Так, В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как ту «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [1. С. 217]. При всем своеобразии в целях и задачах этнолингвистика является фундаментом для лингвокультурологии, так как современное состояние языка – следствие исторически последовательного закрепления в языковых формах различных национальных представлений о мире [2].

Сегодня преобладает точка зрения, согласно которой необходимо обособить данные дисциплины. В.В. Воробьев [3], В.А. Маслова [4], Е.Л. Березович [5] считают лингвокультурологию ориентированной на изучение корреляции синхронного среза литературного языка к особенностям культуры его носителей, в то время как этнолингвистика, с их точки зрения, исследует особенности отражения этнической культуры в диалекте, в том числе в диахронии: «Объект исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры» [3. С. 35].

Накопление теоретической базы данных дисциплин обусловило ряд новаций и в лексикографической практике, которая сопровождает любое серьезное направление в языкознании. Более того, опыт словаростроения неизбежно формирует и оттачивает лингвистическую теорию [6].

Без сомнения, предтечей новых «культуроемких» лексиконов выступают отечественные диалектные словари, которые изначально отражали не просто территориально ограниченную лексику, но главным образом ту, которая именует различные бытовые, культурные, духовные реалии деревенской жизни, т.е. является проводником огромного пласта информации нелингвистического характера¹. Н.И. Толстой

---

¹ Нечеткое разграничение предметного поля диалектологии, этнографии, фольклористики в XIX – начале XX в. было характерно не только для российской науки. Стремление так или иначе отразить в лексиконе черты народной культуры объясняет включение в словарь этнокультурных единиц, фольклорных текстов, географических помет в «Сербском словаре» В. Караджича (1818), «Словаре хорватского или сербского языка» Дж. Даничича (1861), «Словаре белорусского наречия» Н.И. Носовича (1870), «Словенско-немецком словаре» М. Плетершника (1894–1895), «Словаре болгарского языка» Н. Герова (1895–1904), «Польском диалектном словаре» Я. Карловича (1900–1911), «Моравском диалектном словаре» Ф. Бартоша (1906), диалектном словаре из работы С. Цамбеля «Словацкий язык и его место в кругу родственных славянских языков» (1906), «Ходском сло-

указывает на элементы этнокультурного анализа, встречающиеся ещё в XIX столетии в этимологических штудиях акад. А.А. Потемби [7. С. 404]. Значительное лексикографическое наследие проф. Д.К. Зеленина последовательно раскрывает культурно-исторические особенности крестьянской жизни России: «Единый этнолингвистический подход к диалектной лексике представлялся Дмитрию Константиновичу (Зеленину. – *А.Р.*) необходимым условием диалектного лексиколога и лексикографа. Отсутствие этнографического плана он считал серьезным упущением и обеднением словаря, так как с ним связана вся материальная и духовная культура носителей говора (или диалекта, «наречия»)» [8. С. 75]. Что же касается В.И. Даля, то он, не будучи полноправным членом «ученого сообщества» языковедов, в практике отечественного словаростроения создал такой прецедент, который изучает и осмысливает каждое новое поколение диалектологов и диалектных лексикографов. Количество научных работ, посвященных словарю Даля, сегодня не поддается учету.

Сформировавшаяся к моменту появления «Толкового словаря живого великорусского языка» (первое издание печаталось в 1863–1866 гг.) лексикографическая практика была ориентирована на описание литературной подсистемы русского языка, функционировавшей в дворянской среде. В.И. Даль сосредоточил внимание на народной языковой стихии. Помимо диалектной «крестьянской» лексики его статья могла включать пословицы, поговорки, загадки, заговоры, описания сюжетов и персонажей народной мифологии, обычаев, суеверий. Господствовавшему методу логических определений слов автор предпочел описательный способ семантизации и алфавитно-гнездовой принцип подачи заглавных слов, например:

ИЗЫМА́ЛКА ж. – лубяное луко, в котором носят овес, для при-
манки и поймки лошадей в поле; *имало, ималка*. **Изымыш** м. – вы-
кормок, животное, пойманное в диком состоянии, особ. молодое, и
держимое дома. **Изьёмок, изымок** м. – выломок, выломанная из чего,
вынутая вещь, мертвая кость или части ее, вынимаемые из ран и язв.
Изьёмши м. – гнездарь, птенец, вынутый из гнезда; человек или жи-
вотное, почему-либо составляющее изъятие, исключенье; не подле-
жащий общему правилу. *Поди, Ваня, я тебе изьёмщика принес! А ты*

варе» Я.Ф. Грушки (1907), «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко (1907–1909) и др.

что за изъёмыш, чтобы тебе одному рубить лес, коли никому не велят [9. С. 72].

Идеи В.И. Даля, А.А. Потебни [10] и Д.К. Зеленина [11, 12, 13] реализовались в строении диалектных словарей, созданных на рубеже XIX–XX столетий А.О. Подвысоцким («Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении», 1885), Г.И. Куликовским («Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», 1898), Н.М. Васнецовым («Материалы для областного словаря Вятского говора» (1907), В.Н. Добровольским («Смоленский областной словарь», 1914), а также в теории лексикографии в советский период.

В начале XXI в. М.Э. Рут отмечает новый поворот отечественного диалектного словаростроения: он связан со все более узкой специализацией выходящих в свет изданий: «Вновь создаваемые собственно этнолингвистические словари становятся фактами осмысления языкового материала с позиций этнографии и этнологии, оставляя тем самым диалектной лексикографии задачи собственно языкового описания лексикона. Вместе с тем диалектные словари не теряют своего значения как источники этнографической информации» [14. С. 241].

Как же интерпретируют свой предмет эти новые словари, в чем они видят свою специфику, какую конкретно информацию считают релевантной для «этнолингвистической» или «лингвокультурологической» словарной статьи, т.е. в каких долях представлены ими «лингва» и «культура»? Как лингвокультурологические данные распределяются между зоной толкования и иллюстративной частью? Что такое лингвокультурологический комментарий? Ответы на эти вопросы, даваемые отечественными авторами, сильно отличаются.

Так, фундаментальный пятитомный труд «Славянские древности: Этнолингвистический словарь» (СДЭС, 1995–2012) [15], созданный московской этнолингвистической школой Н.И. Толстого, был задуман как «первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов» [15. Т. 1. С. 5] и вместил в себя результаты длительного изучения фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства. Своей задачей авторы видят реконструкцию многогранной картины мира древних славян. Такое масштабное исследование базируется на структурно-семиотическом подходе, позволив-

шем провести сравнительно-исторический анализ различных фольклорных и этнографических фактов.

Тематический круг СДЭС необычайно широк и включает в себя описание орудий труда (*серп*), посуды (*утварь печная*), одежды (*шапка*), пищи (*пирог*), культовых и ритуальных предметов (*знамя свадебное*), веществ (*золото*), стихий (*вода*), представителей флоры (*береза*) и фауны (*муха*), различных мифологических персонажей (*мавка*), системы родственных отношений (*сестра*), временных обозначений (*лунное время*), пространственных характеристик (*правый–левый*), географических объектов (*лес*), ритуальных мест (*перекресток*), помещений и их частей (*баня, дверь*), мифологических локусов (*рай*), свойств человека и животных (*оборотничество*), чисел (*чет–нечет*), цветов (*красный цвет*), обрядов и обрядовых действий (*ряжение*), игр (*игры народные*), речевого поведения (*молчание*), различных событий (*болезнь*) и т.д.

Толкование содержит разноплановую экстралингвистическую информацию, раскрывающую культурное содержание лексической единицы, например:

АЛКОНОСТ (*из греч. ἀλκιδών*) – мифическая райская птица, описанная в средневековых византийских и славянских легендах. Пробраз А. содержится в древнегреческом мифе об Алкионе, превращенном богами в птицу зимородка. На русских лубочных картинах А. изображается полуптицей-полуженицей с большими перьями различной окраски. Женскую голову А. венчает корона, а в руках А. – райские цветы. Рядом с А. часто изображается птица сирий, отличающаяся от А. только отсутствием венца-короны, но имеющая, как и у А., сияние вокруг головы. А. обитает на райской реке Евфрат [15. Т. 1. С. 100].

Следует особо отметить, что при обилии энциклопедических сведений статьи СДЭС не богаты иллюстративным речевым материалом и, как показывает приведенный пример, могут вообще не включать его. Дело в том, что для этой научной школы язык лишь один из равноправных кодов культуры. Однако авторы последующих словарных проектов, заявленных как этнолингвистические, придают большее значение данной составляющей, которая способна отражать «живое» видение реалий народной жизни носителями языка.

Так, данный тип представляет «Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь» (1997)¹ [16]. Этот лексикон, будучи несопоставимым по объему с СДЭС, тоже тяготеет к энциклопедичности: в предваряющих статьях даются сведения об истории заселения описываемого района, его фольклорно-этнографических и языковых особенностях, картографируются свойственные ему локальные культурные типы. Авторы, сталкиваясь с классическим противоречием между компрессией статьи и необходимостью вложить в нее максимум информации, пытаются совместить в рамках разработанной ими статьи сторонний взгляд исследователя («чужака») и записи живой речи диалектоносителей, раскрывающие особенности восприятия информантами их собственной культуры. Однако внимание диалектологов сосредоточено на довольно узком спектре культурных черт: семейной и календарной обрядности, молодежных и детских развлечений, играх, т.е. тех фактах, которые при всей этноспецифичности доступны наблюдению и осмыслению и без языковых данных. Речевой материал (преимущественно мемораты, несказочная проза, детский фольклор) выступает всего лишь способом **воспроизведения** прежнего, не существующего ныне состояния культуры, однопорядковым, например с рисунками, фотографиями и кинохроникой:

БЛИНЫ ПЕКЧИ: *Такою шайку принесут, шайку, там чё накладыт, там всякой сажы, сковороду. Вот один нальёт, а другой – как подишольт вот эту сковороду снизу, палкой, дак на людей это всё. ‘Блины пекёт, – говорили, – испёкся блин!’ Вот как скажут, другой, этот ишелнёт и выльёт, на ково попадёт. Всё по сторонам, попадёт на девок. У иных платьца хорошие обольёт. Дак уж о святках, пожалуй, и гонобили се тако хорошее одевать» [ЛАФ, д. Панино, СИС 23:3]² [16. С. 46].*

Для концепции данного словаря характерно функциональное равноправие рассказов диалектоносителей и исследовательских комментариев. В итоге словарная статья нередко перетекает в очерк, куда могут

---

¹ Продолжает и расширяет данные принципы подачи материала издание «Рязанская традиционная культура первой половины XX в. Шацкий этнодиалектный словарь» (2001) [17].

² Здесь и далее мы не стали купировать паспортизацию локалов, приведенную в словарных статьях.

вводиться несколько устных свидетельств разных информантов по поводу одного и того же культурного факта (реалии). Это дает его стереоскопическое видение и иллюстрирует территориальную вариативность («диалектность», по Н.И. Толстому [18.С. 29]) самой культуры.

Например:

ПОДШУЧИВАНИЯ И РОЗЫГРЫШИ: *Большинство подшучиваний над детьми основано на их естественной доверчивости к словам и действиям взрослого. Для ребенка младшего возраста характерно некритичное восприятие всего, что исходит от старшего. Однако по мере взросления это качество становится препятствием для выработки собственного опыта. Поэтому подшучивания и розыгрыши чрезвычайно важны для формирования таких необходимых качеств, как предусмотрительность, скептицизм, умение анализировать ситуацию и т.п. Скажем, ребенку предлагали залезть под стол и спрашивали: «Мама у тебя есть?» Он отвечал: «Есть». – «Папа у тебя есть?» – «Есть». – «А ум у тебя есть?» – «Есть». – «Был бы у тебя ум, не сел бы под стол» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68 об.] Или, спросив у малыша: «Хочешь Москву увидеть?» – и получив утвердительный ответ, подходили к нему и, обхватив его голову ладонями, приподнимали до уровня глаз взрослого. «Вот так вот за уши подымут, да и: “Видишь Москву?”» Ребенка держали до тех пор, пока не добивались ответа [ЗТН, д. Поповская; МИФ 23:93].*

Понятно, что главной целью подобных подколов было не стремление унижить или поиздеваться над несмышленышем, а побудить его к активному противодействию, поставить перед необходимостью постоянного критического анализа возникающей ситуации [16. С. 284].

Такое устройство словаря объясняется тем, что главной своей задачей авторы видят не выделение лингвокультурных концептов, а создание наиболее подходящей **системы описания и подачи фактического материала**. Предстающие в речевых иллюстрациях концепты не подвергаются исследовательской интерпретации. В качестве заглавных слов выступают наиболее частотные и вариативные «единицы употребления (прагмемы)», соотносимые с «реалиями или акциями (обрядами, играми, праздниками)» [17. С. 8] и их компонентами.

Например:

БЫКА ПРОДАВАТЬ. *Ряжение «быком» и сценки с его участием наиболее распространены на территории, прилегающей к Кириллов-*

скому и Белозерскому районам, где «бык» – один из центральных персонажей святочного ряжения. <...> Основной смысл сценки – демонстрация достоинств «быка», его «продажа» и разделка его «туши» («шкурание»), нередко сопровождавшаяся демонстрацией обнаженной натуры. <...> Другой тип ряжения «быком» заключался в запугивании девушек и детей более или менее искусно сделанным чучелом быка, которое воспринималось как личина «черта» или «сатаны» [16. С. 48–49]. **ВОЛЧОК.** Среди любимых старинных посиделочных развлечений была игра «в волчок». Игра с ним представляла из себя разновидность древней игры в кости («в зернь»). <...> Волчок делали в форме кубика с гранью около полутора сантиметров и пирамидальной или конусообразной ножкой высотой около одного сантиметра. Ручку волчка могли вырезать из того же куска дерева [16. С. 62–63].

Направление, связанное с созданием лингвокультурологических словарей, интенсивно разрабатывается и представителями томской диалектологической школы (Н.А. Агаповой, Т.Б. Банковой, О.И. Блиновой, А.С. Савенко, Е.А. Юриной и др.). В его рамках выделяется позиция О.И. Блиновой, расширяющей проблемное поле диалектной лингвокультурологии за счет вопросов народной речевой культуры (НРК) [19–23].

НРК выступает как «совокупность речевых средств, представляющих собой результат длительного отбора и совершенствования лучшего, что выработано сотнями поколений говорящих на данном языке» [20. С. 78]: фигуры речи, поэтическая техника, образные единицы всех уровней языка, приёмы и др. Даже не заявленные в качестве лингвокультурологических диалектные словари, созданные на основе объемных картотек, способны зафиксировать все эти явления [24–27].

При таком понимании сущности лингвокультурологии главной зоной словарной статьи становятся отражающие живое функционирование элементов НРК текстовые и метатекстовые иллюстрации, объем которых существенно преобладает над долей культурологических комментариев, входящих в лаконичное толкование. В середине 1990-х гг. томская диалектологическая школа поставила задачу разнонаправленной параметризации одного говора¹. Все вышедшие в свет лексиконы могут

---

¹ Эта задача решается на материале сибирского старожильского говора с. Вершинино Томского района Томской области.

рассматриваться как эмпирическая база для исследования НРК. К примеру, в «Словаре антонимов сибирского говора» (2003) показан прием антитезы:

НАСИЛЬНО

Против воли, силой, не учитывая желания.

ПО ЛЮБВИ

По взаимному согласию, добровольно.

В другу село увозили, если замуж брали. По любви замуж выходили. Насильно никого не отдавали; Мы ешию ма^дленьки были, кода де^вку насильно замуж выдавали; Ну, сама невеста, котора плачет, котора идёт (замуж) по любви. Хорошо раньше же не всех по любви отдавали; Насильно выдавали за богатых; Приехали сватать, насильно [26. С. 151].

«Словарь образных слов и выражений народного говора» (2001) зачастую дополняет краткое толкование заглавного слова яркими контекстами, включающими те или иные элементы НРК:

КОЗЕЛ. Самец козы. *В сравн.* а) Об упрямом человеке. – *Давай садись! Как^д ты нерушина: скажешь – упира^тся, что козёл (Кож).* б) О чем-л., по форме или свойству напоминающем козла. – *Машиин никаких не было. Делали козлы – четыре ножки, походит на козла (Яр.). Козлы, стоят они связанные между собой, две ножки твёрдо стоят, с места не шевелишь, как козёл стоит упрямый (Тип).* [25. С. 127].

Та же картина возникает в «Мотивационном словаре сибирского говора» (2009):

ОТРЕПЬЯ, мн. Остатки после обработки льна трепанием. *А когда белый станет [лён], высушишь, тода мять, трепать. Всю ночь потрепешь, руки в кровь. Отрепья остаются после, когда потрепешь; Потом подсушим на печке и трепать... Отрепья после трепанья; Измяли лён, начинают трепать... Трепало, края востры... Истреплют его, получается лён чистый. Отрепья, потрепья; Потом трепать его, чесать. Изгребья – треплют его, и похл^дпки отлетают, а отрепья – они почище. Кода чесать станут, это и изгребья, а потрепелешь – отрепья; Лён сорвут, потом разостелют, потреплют... А лён драли несколько раз, первый раз получают отрепья; Отрепья – са-*

мый последний сорт. Когда отреплют, тогда чешут; Трепало, истреплют, потом чесать шить. Отрепья после мялки. Ага, отрепешь [27. Т. 1. С. 364–365].

Еще более значима роль диалектных текстов для лингвокультурологической параметризации народной культуры в заявленном «Словаре сибирских обрядов» Т.Б. Банковой. Реализация данного проекта предполагает отбор только обрядовой лексики, функционирующей в среднеобских говорах, и ее семантическое, энциклопедическое, этнографическое описание. Принципиально, что способом толкования лексем должен стать лингвокультурологический комментарий, «который учитывает всю совокупность данных, почерпнутых из диалектных текстов» [28. С. 202], т.е. полностью опирается на дискурсивные сведения. Например:

ЛЕНТА ◊ **выплетать ленту**. Ритуал проводится во время девичника (см. девичник, расплетать косу). Ленту (ленты) выплетает брат или сестра невесты. Их клали на тарелку, затем брали на память подруги невесты-проводочки (см. проводочка). Выплетенная из косы лента символизировала прощание с девичьей красотой, невинностью, молодостью. *Брат косу расплетает, ленту, вынет; Брат али сестра косу расплетает, ленты красивые вынимат; Ленты, выплетенные из косы, кладутся на тарелку; Ленточку обязательно подруги берут, на память, это во время девичника было; Косу расплетают, проводочки ленты берут, плачут над ей.*

Итак, в современной российской лексикографии стал востребованным такой инструмент, как «лингвокультурологический комментарий». При этом на теоретическом уровне специфика данного комментария пока дифференцирована не строго. Во всех лексиконах «нового типа» он обладает и разным весом, и разной «глубиной раскрытия», и способами задания [29–31].

Как правило, в предисловии к очередному словарю авторский коллектив подменяет определение жанра «лингвокультурологический комментарий» перечислением включаемых в объем данного понятия разнородных элементов. Приведем красноречивый пример: само заглавие «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (2006) [32] подчеркивает значимость этого раздела в лексиконе В.Н. Телия. Од-

нако и здесь только приведены конструктивные элементы комментария. Это этимологическая и страноведческая справки и собственно культурологический комментарий, который описывает: (а) связь различного содержания фразеологизма с мифологическими, религиозными, фольклорными, литературными пластами культуры; (б) корреляцию фразеологизма с кодами культуры; (в) источники фразеологизма, т.е. номинации вторичного характера – метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, сравнения; (г) функцию фразеологизма в концептосфере культуры в качестве знака, символа, эталона или стереотипа. В конкретных словарных статьях состав этих элементов варьирует в зависимости от характера культурной информации, зашифрованной в толкуемой единице.

С подходом В.Н. Телия частично совпадает наполнение культурологического комментария в «Словаре русской пищевой метафоры» под ред. Е.А. Юриной [33]. Краткая этимологическая справка может дополняться информацией об осознании носителями языка внутренней формы лексемы и об источнике прецедентных выражений, включающих данное слово. Энциклопедические сведения отсылают к истории и функционированию реалий гастрономической сферы и связанных с ними обычаев, поверий и т.д. При этом в конкретных статьях объем сообщаемых сведений может различаться в несколько раз. Например:

ПАМПУШКИ – одна из разновидностей русских хлебобулочных изделий. Обычно они подаются к борщу. Слово *пампушка* происходит от немецкого *Pfannkuchen* «блин, оладья». В России пампушки стали известны как блюдо одесской кухни. Их традиционно изготавливали из сдобного дрожжевого теста (на яйцах, масле и молоке). Готовое тесто разделявали на «булочки» величиной с грецкий орех, которое обмакивали в масло, варили на пару и допекали в печи до легкого подрумянивания [33. С. 109].

АПЕЛЬСИН является популярным фруктом в современной русской кухне. Прежде всего, употребляется самостоятельно, используется для приготовления варенья, джемов, сока. Из кожуры апельсина готовят цедру, настои, ликёры, апельсиновое масло.

Слово апельсин заимствовано в русский язык из голландского, в котором *appelsien* означает буквально «яблоко из Китая». Португальские мореплаватели в XVI в. привезли апельсины в Европу из Китая, а

в России они стали известны только в XVIII в. В 1714 г. князь А.Д. Меншиков построил дворец с большими оранжереями, в которых стали выращивать эти плоды. Долгое время апельсины считались изысканным фруктом, доступным только обеспеченным людям.

Благодаря наличию в апельсинах комплекса витаминов и других биологически активных веществ их рекомендуют для профилактики и лечения заболеваний печени, сердца и сосудов, обмена веществ.

Во многих русских сказках упоминаются «золотые яблоки», зреющие в заморских садах и похищаемые смелой жар-птицей. Эти плоды часто наделяются омолаживающими и другими чудесными свойствами. Прообразом этих яблок были, вероятно, апельсины и мандарины. Выражение *мы делили апельсин* возникло из одноименной песни, прозвучавшей в мультфильме «Веселая карусель», где животные делили апельсин между собой по долькам: *«Мы делили апельсин. Много нас, а он один. Эта долька для ежа. Эта долька для чижа...»* [Там же. С. 128].

Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова [34], разрабатывая способ представления в словаре культурных смыслов диалектных фразеологических единиц, причисляют к ним: а) характеристику денотативной отнесенности фразеологизма; б) особенности эталонов и ценностных стереотипов, составляющих основание образного значения фразеологизмов; в) характеристику системных связей фразеологических единиц; г) факты метаязыковой рефлексии в контекстах их употребления; д) возрастную, гендерную, социальную, территориальную информацию, зашифрованную во фразеологизмах; е) включение семантики фразеологической единицы в широкое культурное пространство посредством обычаев, ритуалов, обрядов, фольклора и т.д. Однако примеры реализации предложенной разновидности лингвокультурологического комментария авторы не приводят.

Итак, активное развитие лексикографического направления, в котором делается акцент на включении в словарную статью массивной внеязыковой части, свидетельствует о востребованности такой словарной продукции. Как всякое становящееся явление новый тип лексикона пока еще не имеет четких структурных характеристик. Представляется, что такое положение дел продиктовано и тем обстоятельством, что расплывчатыми остаются границы самого поля «культуроремкой лексики». В результате словники могут быть заданы принципиально жестким онтологическим основанием (типа «метафоры»),

«фразеологизмы», «обрядовая лексика») и т.д. или же оказаться несколько аморфным множеством «лексем с культурной коннотацией (культурным компонентом)». Ясно, что во втором случае и экстралингвистическую информацию типизировать труднее.

Разрабатываемый сегодня конститутивный элемент словарей нового типа – так называемый «лингвокультурологический комментарий» – предстает как дифференцированная зона статьи, которая (чаще всего) не предполагает иллюстративных речений.

Литература

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки славянской культуры», 1996. 288 с.
2. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
3. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для вузов. М. : Академия, 2001. 202 с.
5. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 599 с.
6. *Блинова О.И.* Теория → словарь → теория → словарь... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
7. *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 5. С. 397–405.
8. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Д.К. Зеленин диалектолог // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 70–83.
9. *Даль В.И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок. 1500 ил. М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. 348, [4] с.: ил.
10. *Потебня А.А.* Этимологические заметки // Живая старина. СПб. : Отделение этнографии ИРГО, 1891. Вып. III. С. 117–128.
11. *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1913. 562 с.
12. *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии: С приложением шести вотяцких сказок // Сборник Д.К. Зеленина. Пг., 1915. XLIV, 640 с. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 42).

13. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
14. Рут М.Э. Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 241–250.
15. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.
16. Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М. : ИЭА РАН, 1997. 432 с.
17. Гилярова Н.Н., Морозов И.А., Слепцова И.С., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань : РОНМЦНТ, 2001. 488 с.
18. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 27–40.
19. Блинова О.И. Концепция «Словаря образных единиц сибирского говора» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 5–14.
20. Блинова О.И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 78–82.
20. Блинова О.И. Олицетворение (к формированию научных понятий лингвокультурологии) // Образование, язык, культура на рубеже XXI в.: материалы Междунар. науч. конф. Уфа, 1998. Ч. 2. С. 99–101.
21. Блинова О.И. Областной словарь в лингвокультурологическом аспекте // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 77–83.
22. Блинова О.И. Зооморфизм как явление народной речевой культуры // Славистика: синхрония и диахрония : сб. статей к 70-летию И.С. Улуханова. М., 2006. С. 570–577.
23. Блинова О.И. Народная речевая культура: статус и аспекты исследования // Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. науч. конф., 25–27 марта 2010 г. Томск, 2010. С. 8–14.
24. Арьянова В.Г., Блинова О.И., Богословская З.М., Васильева Э.В. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья : в 2 т. Томск : Изд-во Том.ун-та, 1982–1983.
25. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2001. 307 с.
26. Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2003. 240 с.
27. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора : в 2 т. / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009–2010.
28. Банкова Т.Б. О символическом значении слова в «Словаре сибирских обрядов» // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 199–202.

29. Заграевская Т.Б. Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях конца XX – начала XXI века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. Филология, № 3. С. 90–98.

30. Герд А.С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии : сб. ст. / под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб., 1997. С. 191–203.

31. Городецкий Ю.Б. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 5–22.

32. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006. 784 с.

33. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2015. 428 с.

34. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131.

ETHNOLINGUISTIC, ETHNODIALECTAL AND LINGUACULTURAL DICTIONARIES AS A NEW STAGE OF LEXICOGRAPHY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 50–67.

DOI: 10.17223/22274200/14/3

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: ethnolinguistics, linguacultural studies, lexicography, dialect, linguacultural commentary.

The research subject is modern ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries of the Russian language. Their appearance in recent decades has been considered to be a result of developing the theoretical foundation of interdisciplinary linguistic directions of Russian linguistics. Alongside this, the basis of “culture-filled” dictionaries is dialectal lexicons by V.I. Dahl, V.N. Dobrovolsky, D.K. Zelenin, and others. These lexicons include not only language data, but also different information about the domestic and spiritual culture of Russian peasants. Dialectal dictionaries of a classical type are still valuable as sources of ethnographic data.

The aim of the study is the interpretation of conceptual and formal-substantive typological features of new dictionaries integrating linguistic and cultural knowledge. The author of the article uses a basic scientific description method with its observation, classification and interpretation techniques.

The analysis is focused on the correlation of properly linguistic data and extralinguistic ones as well as on the allocation of the latter in different zones of the vocabulary entry.

The study has revealed that non-linguistic information in the early “culture-filled” dictionaries is predominantly placed in the interpretation or in the speech illustration zone. At the same time, the comparison of lexicons created by representatives of different linguistics schools has detected a perceptible variation of the volume of the illustra-

time speech material – from its almost total absence in the five volumes of *Slavic Antiquities* through inclusions of memoirs and children's folklore into the ethnodialectal dictionary *Spiritual Culture of North Belozerie* to a significant expansion of authentic recordings of dialect speakers' informal conversations in the conditions of natural communication (with no compilers involved) in the series of the Middle-Ob dialect dictionaries.

With time, more and more editions started developing and introducing a special parameter of the vocabulary entry – a linguacultural commentary. Nowadays, it can be of different importance, “depth of disclosure” and formal-semantic organization because recognized schools of Russian lexicography fill it with various structural elements. Their linguistic part is most often represented by etymology and motivation of lexical units. As for the cultural study section, it turns out to be vaguer and introduces ethnographic, encyclopedic and country study data as well as information about conceptual meanings, archetypes and cultural codes enciphered in the headword. This state of affairs is dictated by the vague borders of the field “culture-filled vocabulary”.

References

1. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turogicheskii aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola “Yazyki slavyanskoy kul'tury”.
2. Teliya, V.N. (1999) *Pervocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury* [Priorities and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Vorob'ev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow: RUDN.
4. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.
5. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethno-linguistic research]. Moscow: Indrik.
6. Blinova, O.I. (2012) *Theory → Dictionary → Theory → Dictionary. Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).
7. Tolstoy, N.I. (1982) *Nekotorye problemy i perspektivy slavyanskoy i obshchey etnolingvistiki* [Some problems and prospects of Slavic and general ethnolinguistics]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 41(5). pp. 397–405.
8. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (1979) *D.K. Zelenin dialektolog* [D.K. Zelenin, a dialectologist]. In: Bayburin, A.K. & Chistov, K.V. (eds) *Problemy slavyanskoy etnografii* [Problems of Slavic ethnography]. Leningrad: Nauka.
9. Dahl, V.I. (2005) *Bol'shoy illyustrirovannyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisanie: ok. 1500 il.* [Big illustrated dictionary of the Russian language: modern writing: approx. 1500 ill.]. Moscow: Astrel': AST: Tranzitkniga.

10. Potebnya, A.A. (1891) Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. *Zhivaya starina*. III. pp. 117–128.

11. Zelenin, D.K. (1913) *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadneneznykh soglasnykh v svyazi s techeniyami pozdneyshey velikorusskoy kolonizatsii*. *Izдание Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Great-Russian dialects with inorganic and non-transitional softening of back consonants due to the course of the later Great-Russian colonization. Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tip. A.V. Orlova.

12. Zelenin, D.K. (1915) *Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii: S prilozheniem shesti votyatskikh skazok* [Great-Russian tales of Vyatka Province: With the addition of six Udmurt tales]. In: *Sbornik D.K. Zelenina* [Collection of D.K. Zelenin]. Petrograd: Tip. A.V. Orlova..

13. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka.

14. Rut, M.E. (2002) *Etnograficheskie materialy v dialektnom slovare: problemy podachi* [Ethnographic materials in the dialect dictionary: Problems of presentation]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. I (VII). pp. 241–250.

15. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2002) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

16. Morozov, I.A. et. al (1997) *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozerya: Etnodialektnyy slovar'* [The spiritual culture of the Northern Belozerye: Ethno-dialectal dictionary]. Moscow: IEA RAS.

17. Gilyarova, N.N. et. al (2001) *Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan traditional culture of the first half of the 20th century. Shatsk ethnodialectal dictionary]. Ryazan: RONMTSNT.

18. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. pp. 27–40.

19. Blinova, O.I. (2010) Kontseptsiya “Slovary obraznykh edinits sibirskogo govora” [The concept of “Dictionary of figurative units of the Siberian dialect”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (11). pp. 5–14.

20. Blinova, O.I. (2005) *Narodnaya rechevaya kul'tura skvoz' prizmu leksikograficheskogo teksta* [Folk speech culture through the prism of the lexicographic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (47). pp. 78–82.

20. Blinova, O.I. (1998) [Personification (to the formation of scientific concepts of cultural linguistics)]. *Obrazovanie, yazyk, kul'tura na rubezhe XXI v.* [Education, language, culture at the turn of the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Ufa: Eastern University. pp. 99–101. (In Russian).

21. Blinova, O.I. (2002) *Oblastnoy slovar' v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Regional dictionary in the linguistic-cultural aspect]. In: Dahl, V.I. & Varga, T.F. *Ot*

slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka [From the dictionary of V.I. Dahl to the lexicography of the 21st century]. Vladivostok: Far Eastern State University.

22. Blinova, O.I. (2006) Zoomorfizm kak yavlenie narodnoy rechevoy kul'tury [Zoomorphism as a phenomenon of folk speech culture]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Slavistika: sinkhroniya i diakhroniya: sb. statey k 70-letiyu I.S. Ulukhanova* [Slavic Studies: Synchrony and diachrony: collection of articles on the 70th anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow: Azbukovnik.

23. Blinova, O.I. (2010) [Folk speech culture: Status and aspects of research]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian Speech Culture and Text]. Proceedings of the 6th International Conference. 25–27 March 2010. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 8–14. (In Russian).

24. Ar'yanova, V.G. et. al (1982–1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': Govory Srednego Priob'ya: v 2 t.* [Motivational dialect dictionary: Dialects of the Middle Ob: in 2 vols]. Tomsk: Tomsk State University.

25. Blinova, O.I., Martynova, S.E. & Yurina, E.A. (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of folk dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

26. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' antonimov sibirskogo govora* [Dictionary of antonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

27. Blinova, O.I. & Sypchenko, S.V. (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora: v 2 t.* [The motivational dictionary of the Siberian dialect: in vols]. Tomsk: Tomsk State University.

28. Bankova, T.B. (2004) About symbolical connotation of the word in the “Dictionary of Siberian rites”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 199–202. (In Russian).

29. Zagraevskaya, T.B. (2012) The theory of dictionary in Russian original concepts of the close of the XX-th beginning of the XXI centuries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 1(3). pp. 90–98. (In Russian).

30. Gerd, A.S. (1997) K opredeleniyu ponyatiya “slovar'” [On the definition of the concept of “dictionary”]. In: Gerd, A.S. & Sergeeva, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Problems of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

32. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [Big Russian phraseological dictionary: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press kniga.

33. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

34. Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 119–131. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.512.141'374.823

DOI: 10.17223/22274200/14/4

А.М. Ишегулова

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию «Академического словаря башкирского языка». Автором проведен обзор основных словарей башкирского языка и обоснована актуальность многотомного лексикографического труда. Описывается образец структуры его словарной статьи. Рассматриваются особенности перевода заглавных слов на русский, английский и турецкий языки. Особое внимание отводится толкованию мифологических, этнографических терминов, которые помогают раскрыть духовную культуру башкирского народа.

Ключевые слова: лексика, лексикография, башкирский язык, академический словарь.

В рамках антропоцентрической парадигмы в современном языкознании развивается и приобретает особое значение лингвокультурология. В этой дисциплине язык рассматривается не только как средство общения, но и как память и история народа; изучается его материальная и духовная культура, опыт познавательной действительности; раскрываются его мировоззрение и психология; исследуются знания об окружающем мире и т.п. Необходимым элементом такого приобщения к культурным ценностям народа – носителя изучаемого языка являются различные словари.

Башкирская лексикография прошла большой и сложный путь, она накопила значительный опыт в создании словарей различных типов. Весомый вклад в изучение башкирской лексики внесли такие видные языковеды, как И.М. Агишев, К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.Г. Биишев, А.М. Бикмурзин, М.И. Дильмухаметов, Н.К. Дмитриев, Г.Д. Зайнуллина, Н.Х. Ишбулатов, З.К. Ишмухаметов, У.М. Каюмова, Т.Х. Кусимова, Н.Х. Максютובה, С.Ф. Миржанова, У.Ф. Надергулов, Р.Н. Терегулова, С.Г. Сабирьянова, Б.С. Саяргалеев, Н.Ф. Суфьянова, З.Г. Уразбаева, З.Г. Ураксин, У.М. Яруллина и др. Они составили «Башкирско-русский словарь» [1, 2], «Русско-башкирский словарь» [3–5], «Словарь башкирских говоров» в 3 томах [6–8], «Словарь баш-

кирского языка» в 2 томах [9], «Диалектологический словарь башкирского языка» [10], «Толковый словарь современного башкирского литературного языка» [11]. Помимо этого языковедами Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН подготовлены и изданы более 60 словарей разного типа, объема и назначения (например, по сельскому хозяйству (2001), пчеловодству (2001, 2008), педагогике и психологии (2002), народной медицине (2005), животноводству (2006), этнолингвистике и этнокультуроведческой лексике (2002, 2003, 2006), словарь для работников библиотек, издательств и информационных служб (2006), по медицине (2007), лесному делу (2007), экономике (2007), физкультуре и спорту (2009), словарь для работников культуры (2009), по мифологии (2002, 2010, 2011) и др. Словари отличаются последовательным существенным пополнением словариков, улучшением качества обработки материала, расширением и уточнением толкований значений слов. Так, в наиболее значительных по объему «Русско-башкирском словаре» 1948 г., подготовленном под редакцией Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Г. Баишева, содержится 40 000 слов; в словаре 1964 г. (отв. ред. К.З. Ахмеров) – 46 000 слов; в двухтомном словаре 2005 г. (ред. З.Г. Ураксин) – более 60 000 слов, объединяющих помимо общеупотребительных слов также разговорную, просторечную лексику, фразеологические выражения и активную часть научной терминологии; в «Башкирско-русском словаре» издания 1958 г. имеется 22 000 башкирских слов, в «Башкирско-русском словаре» 1996 г. – 32 000 слов; в двухтомном толковом словаре 1993 г. (ред. А. Г. Бишев) – более 55 000 слов и фразеологизмов, терминов, диалектной и устаревшей лексики [12. С. 32].

Большая словарная работа способствовала формированию обновленной терминологии, развитию машинного (компьютерного) фонда, корпусной лингвистики башкирского языка. В последние 40–50 лет наряду со значительными по объему терминологическими и двуязычными словарями были подготовлены и изданы лексикографические работы по отдельным семасиологическим и словообразительным явлениям языка: словари синонимов (1966, 1985, 2000, сост. З.Г. Ураксин), омонимов (1966, 1986, сост. М.Х. Ахтямов), антонимов (1973, 2009, сост. М.Х. Ахтямов), паронимов (2001, сост. К.Г. Ишбаев, З.К. Ишкильдина), фразеологических единиц (1973, 1989, 1996, 2006, сост. З.Г. Ураксин, Ф.А. Надршина, Х.Г. Юсупов),

морфем (1992, 1994, 2004, 2005, 2008, сост. М.Х. Ахтямов, З.Г. Уразбаева, Ф.Г. Хисамитдинова, А.М. Ишегулова); опубликованы ономастические материалы: словари-справочники личных имен (1976, 1982, 1991, С.Х. Тупеев), топонимов (1980, 1992, 1994, 2000, 2001, 2002, 2005, 2006, 2008, 2009, сост. А.А. Камалов, Р.З. Шакуров, З.Г. Ураксин, М.Ф. Хисматов, Ф.Г. Хисамитдинова, З.А. Сиразитдинов, Н.Ф. Суфьянова, Ю.Х. Юлдашбаев); выпущены новые виды словарей: функционально-когнитивные (2000, 2002, 2003, 2007), частотные (1995, 1997, 2002, 2006, сост. З.А. Сиразитдинов), идеографический (2005, сост. М.Г. Усманова) [12. С. 32–33]. Современное развитие башкирского языка, социальные, экономические культурные и иные изменения в обществе поставили перед башкирскими лингвистами проблему составления большого лексикографического труда, более полно отражающего лексику башкирского языка. Сознвая культурное и научное значение подобного словаря и назревшую необходимость его создания, опираясь на обширную лексикографическую литературу, сотрудники отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН в 2006 г. приступили к составлению 10-томного «Академического словаря башкирского языка». Словарь издается под редакцией чл.-кор. Академии наук Республики Башкортостан, доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой. В 2011–2017 гг. были изданы 9 томов десятитомника, в 2018 г. увидит свет последний, 10-й том словаря. К этой ответственной работе привлечены научные сотрудники Л.А. Бускунбаева, М.Р. Валиева, А.М. Ишегулова, Л.К. Ишкильдина, Г.Р. Каримова, Р.Н. Каримова, Р.Т. Муратова, Ш.В. Нафиков, З.А. Сиразитдинов, Р.А. Сулейманова, Г.Н. Ягафарова.

Основной целью «Академического словаря башкирского языка» является максимально полный охват существующей лексики башкирского языка, представленной в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, показ многовекового богатства языка башкирского народа [Там же. С. 34]. В «Академический словарь башкирского языка» включен на равных правах материал разных языковых подсистем. Словарь содержит более 70 000 тыс. слов, включая общераспространенные слова (например, *ағас* 'дерево', *акса* 'деньги', *аскыс* 'ключ' и др.); наиболее распространенные диалектизмы, представляющие интерес с точки зрения исто-

рии, культуры и мировосприятия этноса (например, *абызэтэй* 'старший брат отца или матери', *алмау* 'закон', *калда* 'загон' и др.); устаревшие слова, не используемые сегодня в речи, но по-прежнему сохранившиеся в языке как свидетели древних эпох, истории (например, *абыз* 'просвещённый человек', *агута* 'чиновник', *алай* 'полк', *дархан* 'кузнец', *толар* 'древняя юрта', *элэм* 'знамя' и др.); сложные слова и словосочетания, обозначающие единое понятие (например, *агарын китеу* 'побледнеть', *азан калыу* 'растеряться', *бал корто* 'пчела', *кыңгырау сәскә* 'колокольчик' и др.); неологизмы, возникшие с помощью словообразовательных средств самого башкирского языка, а также новые слова и понятия, появившиеся в языке в самые последние годы (*йәнһүрәт* 'мультфильм', *көйәрмән* 'болезньщик', *апокалипсис*, *ва-банк*, *нано*, *смартфон*, *скайп* и др.); узкоспециальные слова, относящиеся к важнейшим терминологическим подсистемам (например, *винчестер*, *картридж*, *принтер*, *сервер* и др.); фразеологизмы, устойчивые обороты речи (например, *алма кеүек* 'красив и здоров', *баш казығы* 'беда, несчастье', *кабык канат* 'хвостун', *теңкәгә тейеу* 'надоедать, докучать' и др.); названия племен, родов, родовых подразделений и их атрибутика (например, *азнай*, *алатоба*, *калмак*, *кой-ошкан* и др.). Помимо этого в многотомный словарь включено огромное количество мифологических слов и понятий (например, *албаҫты* 'албасты, чудище', *бапак* 'бука', *дәлдәл* 'сказочный крылатый конь', *кот койоу* 'магический способ лечения испуга', *ялмауыз* 'чудожище, дракон' и др.), этнографических терминов (например, *арсыи* 'личная охрана (при царе, султানে, хане)', *килен һөйөү* 'обряд посвящения невесты в невестки свекровью', *серге кагыу* 'угощение после свадьбы тех, кто не был приглашен' и др.), выражающих башкирскую духовную культуру.

В словаре заглавное слово дается полужирным шрифтом, затем в квадратных скобках приводится этимологическая справка, раскрывающая происхождение языковой единицы. Далее заглавные слова переводятся на русский (Р.) (как государственный язык Российской Федерации), английский (И.) (как один из международных языков общения) и турецкий (Т.) (как один из широко распространенных тюркских языков) [12. С. 35]. Затем раскрывается значение слова и после знака □ дается перевод на русский язык. После перевода приводятся авторские примеры, а за знаком ■ дается иллюстративный материал (цитаты из художественных, публицистических или фольклорных

текстов), которые служат дополнительным средством характеристики слова, подтверждают его стилистическую характеристику. Символом ● отмечены пословицы и поговорки. Например,

АУЫЗ [боронго төрки яғыз] (Р.: рот; И.: mouth; Т.: ağız) и.¹

1. Өскө һәм асқы янактарзан башлап йотколокка тиклем булған кыуышлыктан торған тауыш биреү һәм азыкланыу ағзаһы. □ Рот, уста. прост. Пасть. *Зур ауыз. Уймак ауыз. Ауыз эсе.* ● *Алма беш, ауызыма төш.* Әйтем. *Ауызы бешкән өрөп эсер.* Мәкәл. *Ауызың кыйыш булһа, көзгөгә үпкәләмә.* Әйтем.

2. күсм. Кеше, берәү. □ Человек, кто-л. *Фалән кешенең ауызынан ишетәү.* ● *Ил ауызына иләк каплап булмай.* Әйтем.

3. күсм. Ғаиләләге, өйзәге кешеләр. □ Рот, едок. *Ғаиләлә алты ауыз. Тағы бер ауыз өстәлдә.*

4. һауыт-һабаның асык урыны. □ Горло, горлышко. *Көришәк ауызы. Шешә ауызы.*

5. Эсе кыуыш нәмәнен асык урыны. □ Отверстие, лаз, лазейка, устье. *Баз ауызы. Мәмерйә ауызы. Оң ауызы.* ■ *Усак ауызына куйған сәйнүк шыжлап та өлгөрмәне, өйөр айғыры... тынышһызлана башланһы.* 3. Ураксин. *Мәмерйә ауызы тар, унан Миңлегол ғына иңкәймәй утә ала, ә бер нисә азымдан түшәмә бейегәйә башлай.* Б. Рафиков.

6. Ток, кеҫә һымак нәмәләрзең бәйләнә йәки ябыла торған өскө өлөшө. □ Верхняя несшитая часть мешка, кармана и т. д. *Токсай ауызы. Кеҫә ауызы.*

7. Урман, кыуак һ. б. башланған йәки бөткән урыны, сите. □ Опушка. *Урман ауызы. Әрәмәлек ауызы.* ■ *Кыш уртаһы. Урман тып-тын. Беренән-береһе көслә, мыкты кәүзәлә өс ир-егет, әйтерһең, әкиәти батырзар – кыска, ясы саңғы... кейеп алып, калын кар өстөнән урман ауызына якынлаша.* Г. Якупова. ● *Урман ауызы тар булыр, кыззар ауызы бал булыр.* Әйтем [12. С. 377–378].

Фразеологические единицы помещаются после объяснения всех значений слова, с нового абзаца, за знаком ◆ и представляют собой самостоятельный раздел словарной статьи. Перевод фразеологических единиц на русский язык осуществляется описательным путем или же подбором русских эквивалентов. Например:

¹ Принадлежность слова к той или иной части речи, и. – исем – имя существительное.

◆ **Ауызыңа бал да май!** Якшы хәбәр килтергән кешегә әйтелә. □ букв. В рот тебе мёд да масло (*говорят тому, кто принёс добрую весть*). **Ауызыңдан ел алһын!** Ышаныузар буйынса, ошо һүзәр ярзамында карғыштың, тел-гештең, нахак һүзәрзең тәһсирен туктатып була. □ Говорят тому, кто принес дурную весть. *соотв.* Типун тебе на язык. *досл.* Пусть из рта возьмёт ветер. По поверьям, этим выражением можно остановить действие проклятия, злословия. ■ [*Раушания:*] *Кеше ышанмастай хәбәрзе ысын булһа ла һөйләмә, тизәр...* Ауызыңдан ел алһын, балам. Р. Камал [12. С. 379].

К фитонимам и зоонимам даются международные научные названия на латинском языке (лат.). Например:

АКҢЫРҒАК (акһырғағы) (Р.: чемерица Лобеля; И.: false helleborine; Т.: Papaz külahı) *и. бот.*¹

Ләлә һымактар ғаиләһенә караған, йыуан тамырлы, эре кабырсак япраклы, йәшкелт һары йәки кара кызыл төстәге һепертке сәскәлә, дымлы ерзә үсә торған күп йыллык ағыулы үлән. □ Чемерица Лобеля (лат. *Veratrum Lobelianum*). *Ак акһырғаҡ. Кара акһырғаҡ. Акһырғаҡ тамыры.* ■ *Какланганда дауа миңә какы, ишимә һыуы, ыулы акһырғаҡ.* Ф. Туғызбаева [Там же. С. 215].

АКЫЯ (Р.: снегирь; И.: bullfinch; Т.: şakrakkuşu) *и. зоол.*

Алакас турғайзар ғаиләһенә караған, турғайзан зурырак кош. Ата коштоң башы, канаттары һәм койроғо йымылдак кара, аркаһы күкһел хоро, корһағы, койрок төбә өстән дә, астан да ак, түше кызыл. Инә коштоң түше көрәнһыу хоро; кызылтүш, кантүш. □ Снегирь (лат. *Pyrhula pyrrhula*). ■ *Акыя ылыслы һәм аралаш урмандарза, кышкыһын төрлө урында, кеше торлағына яқын йәшиәй. Уның кызылт көрән тәнле акһыл зәңгәр 4–6 бөртөк йоморткаһы була.* Э. Ишбирзин [Там же. С. 220].

Омонимы, т.е. слова, одинаковые по произношению и написанию, но разные по смыслу, указываются римскими цифрами и разрабатываются в разных словарных статьях:

АЯКСЫ I (Р.: тамада; И.: toastmaster; Т.: sofrа reisi) *и.*

1. һый, кунак мәжлесен алып барыусы; табынсы. □ Тамада. *Аяксы булыу.* ■ *Мәжлестәге «хезмәт бүленеше» лә (табын хужаһы, өлөшсө*

¹ бот. – ботаника, зоол. – зоология.

(ит тураусы), көрәгәсе, аяксы, курайсы, йырсы, йомошсо), урынлашыу тәртібе лә (түргә абруйлы аҡһакалдарзы, ил ағаларын ултыртыу) – ырыусылык йәмғиәтенә хас «хезмәт бүленеше»нә, йәшәлгән йәш, ил алдында күрһәткән хезмәткә, йәмғиәттәге урынға нигезләнгән иерархияның бер сағылышы ул. Ә. Сөләймәнов.

2. Кунактарға кымыз һ.б.эсемлектәрзе ташыусы. □ Подносчик кумысы и др. напитков для гостей. ■ *Аяксы көрәгәһен күтәрәп ижау менән кешеләрзе эсера-эсера килә. М. Кәрим. Алайһа, тамсы ла капмам был юлы, һөйөкләм, – тип хәлдә төзәтергә тырышам. – Табынға ла ултырмам, аяксы булып кына йөрөрмөн. Й. Солтанов.*

АЯКСЫ II (Р.: женщины, помогающие готовить свадебные угощения; И.: cook; Т.: аҫғи кadinlar) и. диал.¹

Мәжлескә, туйға аш-һыу әзерләүзә кат-нашкан катын-кыз. □ Женщины, помогающие готовить еду для свадьбы [12. С. 408].

Мифологические, этнографические термины не являются однословными, они могут включать в себя как лексемы, так и целые выражения. Поэтому для перевода, для точной передачи значения этих терминов, авторы использовали описательный способ. Например:

НАСАР КҮЗ (Р.: дурной глаз; И.: evil eye; Т.: kem gos, nazar) и. миф.

Күз карашы менән күз тейзереүсе; яман күз. □ Дурной глаз; глаз, способный нанести сглаз. *Насар күззән һаклануы. Насар күззән мал да ауырый, гөл дә корой. ■ Миләш тәлгәштәрән ишек башына элән куйһаң, насар күззән һәм насар көстәрзән һаклай.* Экспедиция материалдарынан [13. С. 528].

ТӘҢКӘ ТАШЛАУ (Р.: ритуальное опускание монеты в воду; И.: one of Bashkir wedding rituals; Т.: dugunde gelinin dereye para atma gelenegi) и. этн.²

1. Яңы төшкән килендең тәу башлап һыу алғанда шишмәгә акса калдырыу йолаһы. □ Ритуальное опускание невестой в воду монетки с целью умиротствования духа воды. ■ *Килән һыу юлына барғанда тәңкә ташлай.* Экспедиция материалдарынан.

2. Йәш киленде бейеткәндә аяғының астына тәңкә ыргытыу йолаһы. □ Обычай бросания монеты под ноги танцующей невесты.

¹ диал. – диалектное слово, миф. – мифология.

² этн. – этнография.

■ *Киленде батмуска баҫтыралар бейеткәндә, батмусына тәңкә ташлайзар.* Экспедиция материалдарынан.

3. Егеттең кәләште алып киткәндә акса, кәңфит һибеү йолаһы.

□ Обычай бросания мелких монет женихом (во время проводов невесты). ■ *Капканан сыкканда, тәңкә ташлау йолаһы үткәрелә.* «Башкорт мифологияһы»нан [14. С. 764].

При составлении томов авторы опирались на материалы картотек толкового и диалектологического словарей, имеющих в Институте истории, языка и литературы УФИЦ РАН, на материалы изданных словарей, наиболее широко употребляемых в практике (двуязычные, тематические, терминологические, фразеологические, этимологические, орфографические), разных по структуре и функциональному назначению, что обеспечивает комплексный подход к слову как единице языка и речи. Также активно использовались материалы Машинного фонда башкирского языка, включающего генеральную картотеку, лексикографическую, экспериментально-фонетическую, грамматическую, диалектологическую базы, каталоги рукописных и старопечатных книг (<http://mfbl.ru>).

Все слова в словаре расположены в алфавитном порядке, без объединения в гнезда. К терминам подобраны новые примеры. Источником примеров послужили тексты башкирского народного творчества, художественные произведения башкирских писателей (поэтов), научная, научно-популярная литература, экспедиционные материалы.

Переводы слов требовали от авторов-составителей хорошего знания нескольких языков и наличия фоновых знаний, а также достаточной эрудиции. Для перевода терминов привлекались материалы специальных словарей, в первую очередь электронных, которые находятся в открытом доступе. «К таковым относятся онлайн-словари, которые имеются на сайтах dic.academic.ru (в сервисе заложено около 90 языков), электронный словарь Мультитран (<http://www.multitrans.ru>). Очень удобным, понятным и доступным ресурсом являются продукты компании АБВУУ Lingvo. В базе данной программы заложено достаточно большое количество переводных словарей, программа очень удобна для нахождения как эквивалентов отдельных слов, так и устойчивых выражений, содержащих искомое слово. Очень информативными также являются ресурсы сайта Википедия (<https://ru.wikipedia.org>), где можно получить энциклопедические знания по тому или иному вопросу, найти перевод отдельных

слов, особенно терминологического характера (технические термины)» [15. С. 253].

Помимо этого, в приложении к каждому тому приводятся общепотребительные в современном башкирском языке аббревиатуры, перечень топонимов (гидронимы, оронимы, ойконимы), антропонимов, список названий организаций, предприятий и учреждений. Приведем примеры из первого тома словаря, включающего лексические единицы на букву А:

– названия населенных пунктов – Ағизел (кала) ‘Агидель (город)’, Абзак ‘Абзак’, Айыусы ‘Аюсы’ и др.;

– названия рек и озёр – Абай *күл* ‘Абай оз.’, Ағизел *й.*¹ ‘Белая/Агидель рч.’, Азнакай *күле* ‘Азнакайкуль оз.’, Асылыкүл *күл* ‘Асылыкуль оз.’, Ашказар *й.* ‘Ашкадар рч.’ и др.;

– названия гор – Абарашбаш *түбә* ‘Абарашбаш верш’, Абдракбаш *тау* ‘Абдракбаш гора’, Абдулла *каяхы* ‘Абдуллакая скал.’ Аблай *тау* ‘Аблай гора’ и др.;

– антропонимы: мужские имена – Абадулла ‘Абадулла’, Абдрахман ‘Абдрахман’, Абадулла ‘Абадулла’, Абдулгата ‘Абдулгата’, Абдулғужа ‘Абдулғужа’ и др., женские имена – Абызбикә / Абызбикә ‘Абызбика’, Айбикә ‘Айбика’, Айгөл ‘Айгуль’, Айгүзәл ‘Айгузель’, Айсын ‘Айсын’, Айым ‘Айым’ и др.;

– названия организаций, учреждений, предприятий – «Ағизел» башкорт сәнғәт эйберҙәре кәсебе дәүләт унитар предприятиһе ‘Государственное унитарное предприятие Башкирские художественные промыслы «Агидель»’, «Алексеевка» совхозы дәүләт унитар ауыл хужалығы предприятиһе ‘Государственное унитарное сельскохозяйственное предприятие совхоз «Алексеевский»’ и др.

Таким образом, в многотомном издании впервые в истории башкирской лексикографии представлен наиболее полный перечень слов и выражений – свод башкирской лексики.

Надеемся, что коллективный труд найдет своего пользователя и будет полезным как для отечественного, так и для иностранного читателя и специалистов-языковедов, а также послужит хорошим пособием для тех, кто интересуется историей и культурой башкирского народа.

¹ й. – йылға (родник).

Литература

1. *Башкирско-русский словарь*. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 804 с.
2. *Башкирско-русский словарь* / под ред. З.Г. Ураксина. М. : Дигора: Русский язык, 1996. 865 с.
3. *Русско-башкирский словарь* / ред. Н.К. Дмитриев, К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1948. 958 с.
4. *Русско-башкирский словарь* / отв. ред. К.З. Ахмеров. М. : Сов. энцикл., 1964. 987 с.
5. *Русско-башкирский словарь* : в 2 т. / под ред. З.Г. Ураксина. Уфа : Башкир. энцикл., 2005. Т. 1 : А–О. 808 с., Т. 2 : П–Я. 680 с.
6. *Словарь башкирских говоров*. Т. 1: (Восточный диалект) / ред. Н.Х. Максютова, Н.Х. Ишбулатов. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР, 1967. 300 с.
7. *Словарь башкирских говоров*. Т. 2: (Южный диалект) / ред. Н.Х. Максютова. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР, 1970. 326 с.
8. *Словарь башкирских говоров*. Т. 3: (Западный диалект) / ред. Н.Х. Максютова. Уфа: Китап, 1987. 232 с.
9. *Словарь башкирского языка* : в 2 т. / ред. А.Г. Бишев и др. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1 : А–М. 861 с.; Т. 2 : Н–Я. 814 с.
10. *Диалектологический словарь башкирского языка* / ред. М.И. Дильмухаметов и др. Уфа : Китап, 2002. 432 с.
11. *Толковый словарь современного башкирского языка* / отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа : Китап, 2004. 528 с.
12. *Академический словарь башкирского языка* : в 10 т. Т. 1: (Буква А) / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2011. 432 с.
13. *Академический словарь башкирского языка* : в 10 т. Т. 6: (Буквы Л–Ө) / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2014. 944 с.
14. *Академический словарь башкирского языка* : в 10 т. Т. 8: (Буква Т) / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2016. 832 с.
15. *Нафиков Ш.В., Ягафарова Г.Н.* Особенности перевода заглавных слов при составлении многотомного толкового-переводного словаря башкирского языка // *Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика* : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Гудманяна, С.И. Сидоренко. Киев, 2017. С. 251–256.

THE ACADEMIC DICTIONARY OF THE BASHKIR LANGUAGE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 68–79.

DOI: 10.17223/22274200/14/4

Alsyu M. Ishgulova, Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: 1104-alsu@mail.ru

Keywords: vocabulary, lexicography, Bashkir language, academic dictionary.

This article is devoted to the description of *The Academic Dictionary of the Bashkir Language*. The dictionary was created by the staff of the Department of Linguistics of the Order of the Badge of Honour *Institute of History, Language and Literature* of the *Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, edited by the corresponding member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Philological Sciences, Professor F.G. Khisamitdinova. At present, Volumes 1–9 of the ten-volume dictionary have been prepared and published. The last, tenth, volume of the dictionary is in print.

The article presents an overview of the major dictionaries of the Bashkir language. The author of the article substantiates the relevance of a multi-volume lexicographical work. A sample of the dictionary entry is described. *The Academic Dictionary of the Bashkir Language* contains more than 70,000 words, it includes common words, the most common dialect words, obsolete words, compound words and phrases, neologisms, special purpose words, idioms, names of tribes, clans, tribal units and their attributes, mythological and ethnographic terms.

The author notes that when compiling the corpus of the dictionary linguists relied on the materials of the files of explanatory and dialectological dictionaries available at the Institute of History, Language and Literature; on the materials of the most popular published dictionaries (bilingual, thematic, terminological, phraseological, etymological, spelling ones), different in structure and functional purpose, providing a comprehensive approach to the word as a unit of language and speech; on the materials of the Machine Corpus of the Bashkir Language, including the general card index, lexicographical, experimental-phonetic, grammatical, dialectological bases, catalogs of manuscripts and old-printed books (<http://mfbl.ru>).

The features of the translation of headwords into Russian, English and Turkish are considered. It is noted that the translations of the terms required a good knowledge of several languages, background knowledge and sufficient erudition from the author-compiler. Special attention is paid to the interpretation of mythological and ethnographic terms that help reveal the spiritual culture of the Bashkir people.

The author notes that this multi-volume work will be useful for specialists-linguists, and will also serve as a good guide to those interested in the history and culture of the Bashkir people.

References

1. Akhmerov, K.Z. (ed.) (1958) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
2. Uraksin, Z.G. (ed.) (1996) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow: Digora: Russkiy yazyk.
3. Dmitriev, N.K. et. al (eds) (1948) *Russko-bashkirskiy slovar'* [Russian-Bashkir dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
4. Akhmerov, K.Z. (ed.) (1964) *Russko-bashkirskiy slovar'* [Russian-Bashkir dictionary]. Moscow: Sov. entsikl.
5. Uraksin, Z.G. (2005) *Russko-bashkirskiy slovar'*: v 2 t. [Russian-Bashkir Dictionary: in 2 vols]. Ufa: Bashkir. entsikl.

6. Maksyutova, N.Kh. & Ishbulatov, N.Kh. (eds) (1967) *Slovar' bashkirskikh govorov* [Dictionary of Bashkir dialects]. Vol. 1. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Upravleniya po pechati pri Sovete Ministrov BASSR.

7. Maksyutova, N.Kh. (ed.) (1970) *Slovar' bashkirskikh govorov* [Dictionary of Bashkir dialects]. Vol. 2. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Upravleniya po pechati pri Sovete Ministrov BASSR.

8. Maksyutova, N.Kh. (ed.) (1987) *Slovar' bashkirskikh govorov* [Dictionary of Bashkir dialects]. Vol. 3. Ufa: Kitap.

9. Biishev, A.G. et. al (eds) (1993) *Slovar' bashkirskogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of the Bashkir language: in 2 vols]. Moscow: Rus. yaz.

10. Dil'mukhametov, M.I. et. al (eds) (2002) *Dialektologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Dialectological Dictionary of the Bashkir Language]. Ufa: Kitap.

11. Uraksin, Z.G. (ed.) (2004) *Tolkovyy slovar' sovremennogo bashkirskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Bashkir Language]. Ufa: Kitap.

12. Khisamitdinova, F.G. (ed.) (2011) *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka: v 10 t.* [Academic Dictionary of the Bashkir language: in 10 vols]. Vol. 1. Ufa: Kitap.

13. Khisamitdinova, F.G. (ed.) (2014) *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka: v 10 t.* [Academic Dictionary of the Bashkir language: in 10 vols]. Vol. 6. Ufa: Kitap.

14. Khisamitdinova, F.G. (ed.) (2016) *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka: v 10 t.* [Academic Dictionary of the Bashkir language: in 10 vols]. Vol. 8. Ufa: Kitap.

15. Nafikov, Sh.V. & Yagafarova, G.N. (2017) *Osobennosti perevoda zaglavnykh slov pri sostavlenii mnogotomnogo tolkovogo-perevodnogo slovary bashkirskogo yazyka* [Features of the translation of headwords in the preparation of a multivolume explanatory translation dictionary of the Bashkir language]. In: Gudmanyan, A.G. & Sidorenko, S.I. (eds) *Spetsial'nyy i khudozhestvennyy perevod: teoriya, metodologiya, praktika* [Special and Literary Translation: Theory, Methodology, Practice]. Kiev: Agrar Media Grup.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.17223/22274200/14/5

В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина

К КОНЦЕПЦИИ ПОЛНОГО СЛОВАРЯ НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ МАКРОСТРУКТУРИРОВАНИЯ¹

Рассматриваются положения концепции разрабатываемого авторами «Полного словаря народной фразеологии», касающиеся формирования словника и его структурирования. Показаны преимущества принципа лексикографической полноты при отборе материала, представлена методика систематизации фразеологизмов по стержневому слову и особенности алфавитно-гнездового способа организации материала. Приводятся фрагменты словарного текста как примеры реализации концепции на материале фразеологизмов разных типов.

Ключевые слова: дифференциальный словарь народных говоров, диалектный словарь полного типа, фразеологизм, образное сравнение, фразеологический словарь, макроструктура словаря, словник, словарная статья.

Фразеология русских народных говоров (архангельских, донских, новгородских, орловских, пермских, псковских, сибирских) изучается диалектологами и фразеологами в лексико-грамматическом, функциональном, историко-этимологическом и лингвокультурологическом аспектах [1–4], получает комплексное системное лингвистическое описание [5–7], систематизируется по тематическому и идеографическому принципу [8–9]. В теоретико-методологических работах решаются проблемы диалектной фразеологии: оптимизация макроструктуры диалектного фразеологического словаря, содержательное наполнение каждой параметрической зоны словарной статьи, способы отражения в словаре этнокультурной специфики народной фразеологии [10–13]. Лексикографы-практики, решая конкретные проблемы словарной репрезентации фразеологических диалектизм, воплощают свои авторские концепции в специализированных фразеологических трудах: «Фразеологический словарь русских говоров Сибири»

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

[14], «Материалы для фразеологического словаря новгородских фразеологизмов» [15], «Фразеологический словарь пермских говоров» [16], «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» [17], «Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья» [18], «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовии» [19] и др. Широко представлена фразеология и в диалектных словарях общего типа, репрезентирующих целостные лексико-фразеологические системы архангельских [20], вологодских [21], карельских [22], новгородских [23], псковских [24] и других народных говоров. Уникален свод фразеологизмов, лексикографированных наряду с диалектной лексикой составителями «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) [25].

Как отмечает С.А. Мызников, необходимость создания такого труда, который объединил бы накопленные за многие десятилетия «собираательской» деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии, отчетливо проявилась в конце 50-х гг. прошлого века, а с начала 60-х гг. начинается подготовка и издание «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), который к настоящему моменту представлен 49 выпусками (А-Х) и включает в себя диалектные слова и фразеологизмы, зафиксированные в XIX–XX вв. на всей территории распространения русского языка [26. С. 17]. Однако даже при такой широте охвата материала фразеологический словник СРНГ требует значительного расширения. Во-первых, за более чем полувековой период разработки и издания СРНГ появилось множество фундаментальных диалектных словарей, а также собраний местного фольклора малых жанров, включающих пословицы и поговорки. Этот материал, по предварительным данным, может более чем в два раза обогатить исходный фразеологический словник СРНГ. Во-вторых, за указанный период теоретические постулаты фразеологии были значительно усовершенствованы: уточнены взгляды на фразеологизм как объект лексикографического описания, разработаны принципы региональной и стилистической квалификации фразеологических единиц (ФЕ), появились возможности объективного культурологического и историко-этимологического комментирования диалектных фразеологизмов. Наступило время теоретического и практического обобщения этого опыта в виде полного словаря народной фразеологии, где объектом описания станет максимальное собрание устойчивых словосочетаний диалектного пространства России [27]. Это и является целью мас-

штабного лексикографического проекта, который реализуется членами фразеологического семинара профессора В.М. Мокиенко (СПбГУ). Дискуссионные вопросы разрабатываемой фразеологической концепции, как и в целом диалектной фразеологии, касающиеся макроструктурирования словаря, а именно формирования словника и его организации, будут представлены в данной статье вместе с возможными вариантами их решения, открытыми для обсуждения.

Принципы формирования словника

Раскрывая дифференциальный принцип формирования словника для СРНГ, Ф.П. Филин писал во Введении к словарю: «...какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в Словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если оно не является словом современного литературного языка» [25. Т. 1. С. 6]. Если при описании лексики в СРНГ такой способ оказался продуктивным, то при обработке фразеологии он, на наш взгляд, не всегда себя оправдывал, так как многие зафиксированные в народных говорах ФЕ являются лишь диалектными вариантами общенародных устойчивых словосочетаний и, разрабатывая эти территориально ограниченные варианты в отрыве от общеупотребительных, лексикограф лишает себя возможности показать диапазон варьирования фразеологической единицы, адекватно отразить соотношение регионального и общенародного во фразеологическом фонде русского языка.

Руководствуясь такими соображениями, в своих фразеологических проектах («Большой словарь русских поговорок» [28], «Словарь псковских пословиц и поговорок» [29], «Большой словарь русских народных сравнений» [30]) мы отказываемся от строго дифференциального принципа формирования словника в пользу полного описания регионального языкового материала, принципы которого выдвинуты Б.А. Лариным и воплощены в «Псковском областном словаре с историческими данными» [24] и «Архангельском областном словаре» [20], где разрабатывается вся (независимо от ее происхождения) лексика и фразеология, зафиксированная в речи диалектоносителей. Развивая идеи Б.А. Ларина, в новом словаре мы представим диалектные ФЕ на еще более широком общерусском фразеологическом фоне за счет использования материала, извлеченного из собраний русского фольклора, произведений художественной литературы, фиксаций жи-

вой фразеологии медиатекста разных видов и жанров, материала сленговых словарей и картотек, а также наших собственных записей современной речи и данных анкетирования, проводившегося по специальным авторским программам [31. С. 72].

Отказавшись от дифференциального принципа отбора материала, считаем логичным скорректировать и первоначально заявленное название нового лексикографического проекта – «Полный словарь фразеологии русских народных говоров», явно перекликающегося с названием дифференциального «Словаря русских народных говоров». Вполне соответствующей положением концепции была бы, например, формулировка «Полный словарь народной фразеологии» (ПСНФ) при условии широкого и не строго терминологического понимания народной фразеологии как части «народного языка» во всем богатстве его проявлений и вариаций [32. С. 149]. В этой связи нельзя не отметить, что и Ф.П. Филин, редактор СРНГ, не исключает возможности «поступиться дифференциальным принципом»: «Во всех случаях, – пишет он, – когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [25. Т. 1. С. 6].

Для фразеологизмов расположение «на грани» диалектного и общенародного еще более характерно, чем для слов, и составители СРНГ в ряде случаев переходят эту грань в пользу смещения к общенародному, чтобы не исключать выражения, актуальные для областной речи. Такие обороты сопровождаются пометами [*разг.*], [*простонар.*], [*простореч.*], [*народно-поэт.*]. Однако чаще межсистемные связи диалектного и общенародного либо недооцениваются, либо принципиально не эксплицируются в СРНГ. Так, широко употребительные в просторечии обороты даются как территориально ограниченные: *накося выкуси* (Арх., Ленингр., Ульянов.) [25. Т. 19. С. 342], *сдавать назад* (Тобол.) [25. Т. 37. С. 51], *спускать собак* (Обл.) [Там же. Т. 40. С. 287–288], *в наклонку* (Моск., Ленингр., Сиб.) [Там же. Т. 19. С. 329] и т.п. Географическими пометами сопровождаются фразеологизмы, в большей степени свойственные жаргону и современной, в том числе жаргонизированной разговорной речи: *крутить/ скрутить вола* (Шуйск. Влад.) [Там же. Т. 38. С. 157], *лафа отошла кому-л.* (Тамб., Пск., Твер.) [Там же. Т. 16. С. 293], *дать накачку кому-л.* (Арх., Ленингр., Перм.) [Там же. Т. 19. С. 312] и т.п.

В «Большом словаре русских поговорок» (БСРП) [28] мы представляем эти обороты с учетом их фиксаций не только областными словарями, но и более широким кругом источников, что позволяет снять географические пометы. При этом на использование фразеологических единиц (далее ФЕ) и носителями говоров указывают диалектографические источники, например СРГМ – «Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия)» [33]:

Спускать / спустить собак (собаку) *на кого*. Прост. Начинать ругать, отчитывать кого-л., ругаться, браниться. ЗС 1996, 510; Ф 2, 179; СРГМ 2002, 125. Снять географические пометы здесь позволяет фиксация оборота в словарях А.И. Федорова (Ф)¹, В.И. Зимина и А.С. Спирина (ЗС) без указания ареала.

Построенная с опорой на опыт БСРП концепция «Полного словаря народной фразеологии», как уже отмечалось, предполагает дальнейшее расширение круга источников материала и активное привлечение интернет-дискурса для верификации статуса оборотов по линии «региональное – общерусское», что будет отражено в зоне паспортизации источников¹: **Лафа отошла кому**. Разг. Кончилась чья-л. привольная, беззаботная и обеспеченная жизнь, везенье. СРНГ, 16, 293; БСРП, 353; <http://omsknews.ru/?p=14040> (2003); Красноярский рабочий, 18.02.2005; <https://www.fishingsib.ru> (2006); <https://forums.drom.ru/toyota> (2009); <https://otvet.mail.ru/question/96900454> (2014). В формате базы данных, создание которой тоже планируется для репрезентации словарных материалов, пользователи смогут познакомиться и с контекстами, позволившими лексикографам квалифицировать обороты как общерусские. Например, для данной словарной статьи отобраны текстовые иллюстрации из газеты «Красноярский рабочий» (18.02.2005): *С 90-х годов «отошла лафа» для танкиста и с поездками в Москву. Он её спасал от гибели, она же сегодня, деля барыши, гуляя и шутя, напрочь забыла о нём*; посты пользователей форумов по интересам – автомобилистов и рыболовов: *Вчера опять цену подняли, 92-й теперь 15.90. Уже 16.40 сегодня. Лафа отходит походу* (3 июня 2009 г.) (<https://forums.drom.ru/toyota...-verso/t1151056662-p21.html>); *Суббота утро: за 2,5 часа – 5 щук, 5 судаков, 4 окуня общим весом 21 кг на*

---

¹ Источники материала в анализируемых словарных статьях приводятся в оригинальном оформлении. Сокращения расшифровываются в общем списке сокращений.

троих. В воскресенье лафа отошла, на то же количество любителей половить – рыбы в 2 раза меньше (11 сентября 2006 г.) (<https://otvet.mail.ru/question/96900454>), а также интернет-проекта otvet.mail.ru: *Комментарии нельзя оставлять уже? Всё, лафа отошла?* (Вопрос 2014 г.) **Крутить / скрутить вола.** *Жарг. угол. 1. также Шуйск. Влад. (1912–1914); Разг.* Обманывать, рассказывать небылицы. ТСУЖ, 33, 93; СРНГ, 38, 157; Рыбаков, 1987; Соловьев, 1989. 2. Лгать на допросе, дезориентировать следователя. СРВС 3, 189; Мильяненко, 96; ББИ, 46; БСРП, 96. Функционирование оборота в уголовной среде подтверждают многочисленные жаргонные словари. Ввести помету *Разг.* при первом значении позволяют контексты употребления ФЕ в художественной текст: «*Лопаты на стройке, кладовщика не было...*» – «*Не крутите вола! – расвирепел Столпер. – Отвечайте: почему вы защищали Криворучко?*» (А. Рыбаков. «Дети Арбата») и кинодискурсе: *Только не надо мне крутить вола! Я по образованию юрист, учился очень хорошо. В момент заключения брака опекунство прекращается* (к/ф «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви», 1989 г., реж. и автор сценария С. Соловьев). На межъязыковом звуковом сходстве (*вол* – англ. *wall*) и ассоциативных связях глагола *крутить* с реалиями автомобильной сферы базируется ремотивация оборота в акте языковой игры: *Крутить вола* (Заголовок рекламного поста об автомобилях модельного ряда Great Wall на Российском автомобильном портале (2012 г.): <http://www.nporrtu.ru/blog/krutit-vola/>). При установлении статуса оборота такие семантические трансформации рассматриваются как свидетельство повсеместного распространения ФЕ, ведь автор, воплощая свой лингвокреативный замысел, рассчитывает на его расшифровку, которая возможна лишь при наличии исходного оборота во фразеологическом запасе адресата – современного носителя языка – пользователя интернета.

Вопрос об отражении фразеологических трансформаций в ПСНФ требует особого рассмотрения, но, на наш взгляд, разработка трансформов при исходном фразеологизме в отдельной параметрической зоне, завершающей словарную статью, позволила бы полнее отразить особенности современного функционирования ФЕ. Для данного фразеологизма наполнение параметрической зоны трансформаций могло бы выглядеть следующим образом: ** *Трансф.* Крутить вола. *Шутл.* О пользовании автомобилем модельного ряда Great Wall. <http://www.nporrtu.ru/blog/krutit-vola/> (2012). < На основе звукового сходства *вол* – *wall* и ассоциаций: *крутить* – *руль, крутящиеся колеса*.

Еще один аргумент в пользу выбора словаря полного типа для представления диалектного материала – это возможность адекватного отражения механизмов первичного фразеобразования.

Так, в дифференциальном «Словаре русских народных говоров» читаем: **Баклуша**, и, ж. 1. Молодой, неотвердевший слой древесины под корой дерева. Костром., 1852. Нижегород. $\diamond$ Бить баклуши. Скалывать с дерева верхний слой древесины для изготовления из него деревянной посуды. Костром., 1820. [25. Т. 2. С. 62]. Не найдя в статье фразеологизма *бить баклуши* в значении ‘бездельничать’, читатель ошибочно может связать его возникновение с этим производственным процессом. При третьем значении слова *баклуша* (‘круглая, толщиной в вершок осиновая палочка длиной в 6–7 вершков для игры в бабки на льду’ [Там же]), с которым этимологически связано развитие фразеологического значения ‘бездельничать’, общенародный фразеологизм отсутствует в соответствии с концепцией дифференциального словаря. (Как известно, в самых разных языках фразеологические синонимы со значением ‘бездельничать’ не образуются на основе ассоциаций с полезной, пусть даже и легкой работой, а структурно-семантическая модель «бить + *x* = бездельничать» подтверждает, что в основе фразеологизма *бить баклуши* лежит игровая мотивировка, ср.: рус. диал. *бить шабалу*, *бить сачка*, бел. *бібікі біць*, укр. *байдики бити* и др. [34. С. 39–40].)

Словарная репрезентация диалектных вариантов ФЕ, реализуемая в дифференциальном словаре в отрыве от общерусских инвариантов (**Обивать** <...> ~ **Обивать баклуши**. Бездельничать. Сидишь без дела и баклуши обиваешь. Ряз., 1969 [25. Т. 22. С. 57]), не способствует адекватной передаче парадигматических отношений в системе русской фразеологии, не раскрывает вариационный диапазон ФЕ, не позволяет применить к ним исходную этимологическую версию.

В «Полном словаре народной фразеологии» все диалектные варианты ФЕ будут объединены в рамках макростатьи при общерусском инварианте, что даст возможность решить все обозначенные выше лексикографические задачи: **Бить баклуши**. Разг., Неодобр. Бездельничать, праздно проводить время; слоняться без дела. ДП, 501, 824; ФСРЯ, 36; БТС, 55; Соколова 2009, 34. < *Баклуша* в народных играх (в городки, бабки и т.п.) – деревянная чурка, которую нужно *сбить*, *выбить* из кона; такие игры считались забавой, праздным времяпрепровождением, поэтому и стали символом безделья. БМС, 40. **Бить в**

баклуши. *Обл.* То же. Мокиенко 1980, 67. **Гнуть баклуши.** *Арх.* То же. АОС 9, 166. **Колотить баклуши.** *Прибайк.* То же. СРГП 2, 75. **Обивать баклуши.** *Кар., Ряз.* То же. СРНГ 22, 57; Мокиенко 1980, 67; СРГК 4, 80. **Околачивать баклуши.** *Арх., Ворон.* (1967). То же. АОС 1, 97; СРНГ 23, 134.

«Полный словарь народной фразеологии» представит весь спектр фразеологической вариантности, в проявлениях которой можно будет наблюдать особенности народных говоров на разных языковых уровнях.

Фонетическом:

Прижать к ногтю кого. *Прост.* Подчинить себе кого-л. СРНГ 21, 6; БМС 1998, 407; ЗС 1996, 209, 227; ДП, 834, 853. **Прижать к нѣттю кого.** *Пск.* То же. ПОС 21, 390. СРНГ 21, 6.

Словообразовательном:

Играть в прятки. *Разг.* Обманывать кого-л., скрывать, утаивать что-л. от кого-л. ФСРЯ, 179; ЗС 1996, 503. **Играть в спрятки.** *Сарат.* (1959). То же. СРНГ 33, 96. **Играть в прятышки.** *Сарат.* (1959). То же. СРНГ 33, 96.

Морфологическом:

Во всю прыть. *Разг.* Очень быстро; во весь опор (бежать, ехать, мчаться). ФСРЯ, 367. **Во весь прыть.** *Нарым.* (1948). То же. СРНГ 33, 74.

Особенно широко представлено лексическое варьирование с использованием как общерусских, так и диалектных лексических единиц, объединенных с инвариантным компонентом отношения синонимии или тематической близости:

Зуб на зуб не попадает у кого. *Прост.* Кто-л. чувствует озноб, дрожит от холода, страха. ФСРЯ, 176; ДП, 272; ЗС 1996, 73. **Зуб на зуб не докрянется у кого.** *Кар.* То же. СРГК 1, 474. < *Докрянуться* – попасть, коснуться чего-л. **Зуб на зуб не дотыкает у кого.** *Арх.* То же. СРНГ 8, 157. < *Дотыкать* – попадать, касаться. **Зуб на зуб не приходит у кого.** *Сиб.* То же. ФСС, 83. **Зуб на зуб не застаёт у кого.** *Киров.* То же. СРНГ 26, 127. **Зуб на зуб не стыкается у кого.** *Костром.* (1913). То же. СРНГ 11, 354; 42, 113. **Зуб на зуб не сходится у кого.** *Арх.* (1960). То же. СРНГ 43, 68.

Квантитативные (различающиеся количеством компонентов) варианты ФЕ представляют собой результаты творческой деятельности народного языкового сознания по усилению экспрессивности оборотов за счет расширения и детализации его образной структуры:

Обувать / обусть в лапти кого. *Прост. Шутл.-ирон.* Обманывать кого-л. БМС 1998, 331; БТС, 689; ДП, 650. **Обувать / обусть в кривые лапти кого.** *Новг. Шутл.-ирон.* То же. НОС 6, 116; Сергеева 2004, 230. **Обувать / обусть в чёртовы лапти кого.** *Прост. Неодобр.* То же. БТС, 689, 1476. **Обманули и в лапти обули кого.** *Народн. Шутл.-ирон.* То же. Соколова 2009, 373.

Фразеосемантические варианты (значения ФЕ, зафиксированные на различных территориях), объединенные в семантической структуре ФЕ и отраженные в одной словарной статье, представят региональные интерпретации фразеологического образа, денотативный диапазон и эмотивно-оценочный потенциал оборота:

Чёрная немочь. 1. *Прост.* Эпилепсия. Ф 1, 325. 2. *Сиб.* (1812). Лихорадка. СРНГ 21, 86. 3. *Камч.* Проказа. СРНГ 21, 86. 4. *Амур., Забайкал., Сиб., Тобол.* (1896), *Бран.* Неприятный, вредный, творящий зло человек. СРНГ 21, 86. 5. *Амур., Вост.-Сиб. Бран.* Медведь. ФСС, 121; СФС, 201. 6. *Перм., Прикам. Шутл.* Суп из сухих грибов. МФС, 64. 7. *Перм., Прибайк., Прикам., Сиб.* Восклицание, выражающее досаду, раздражение, возмущение в чей-л. адрес. ФСС, 120; СФС, 201; МФС, 64.

«На современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно», – пишет Т.И. Вендина и призывает диалектологов интенсифицировать изучение диалектов, «собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохраняется в русской народной речи» [35. С. 44]. Что касается фразеологического материала, то наряду с фиксацией того, «что еще живо и сохраняется», важно зафиксировать и то, как осваивается диалектоносителями фразеология книжного происхождения в эпоху «утраты специфически диалектного». Принцип лексикографической полноты, реализуемый в отборе и параметризации материала, обеспечит отражение этой тенденции и, таким образом, позволит получить лексикографический «срез» современного состояния фразеологии народных говоров.

На примере статей, подготовленных для ПСНФ, покажем некоторые способы адаптации в диалектной среде фразеологизмов библейского происхождения.

– Переосмысление внутренней формы ФЕ (значения 3 и 4) под влиянием других диалектных и общенародных ФЕ:

Зуб за зуб. 1. *Прост.* Без всяких уступок друг другу (о перебранке, ссоре, драке). ФСРЯ, 167; БМС 1998, 217; ДП, 262. < Восходит к Биб-

лии. 2. *Курск*. О начале ссоры. БотСан., 96. 3. *Ср. Урал*. (1964). О людях, обсуждающих кого-л. с насмешками, издевательствами. СРНГ 11, 353. 4. *Волг*. О человеке, дрожащем от холода. БСРП, 258. (Ср.: большое количество диалектных фразеологизмов со значением ‘зубоскалить, насмехаться над кем-л., пустословить’ построено на образном стержне *зуб*: *баляскасть зубами, лоскотать зубами, околачивать зубами, мыть зубы, брать на зубы* кого-л., что-л. [28. С. 259–261] и т.п.; ассоциации, на которых построены ФЕ *зуб на зуб не попадает, клацать зубами, щелкать зубами* [Там же. С. 258–259] и т.п. переносятся на фразеологизм *зуб за зуб*).

– Образование ФЕ на базе библейского текста:

Прост как голубь, а хитр как змей. *Твер*. О простом на вид, но хитроумном человеке. ТПП, 51. < Трансформированная сентенция из Библии: *Будьте мудры как змии и просты как голуби*.

– Фонетическая мимикрия со сдвигом значения:

Содом и гомон. *Пск*. Шум, гам, веселье. ПОС 7, 77. < Трансформация выражения *Содом и Гоморра* (из библейского мифа о городах Содоме и Гоморре в Древней Палестине, которые за грехи их жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением). ФСРЯ, 445; БМС 1998, 539.

Обороты, сферой происхождения которых является классическая литература (*кисейная барышня, подковать блоху, есть еще порох в пороховницах* и др.) также функционируют в диалектных зонах, что уже отражено в статьях «Большого словаря русских поговорок» [Там же. С. 30, 44, 524]. В народной речи ФЕ литературного происхождения активно варьируются на лексическом уровне, подвергаются структурно-семантическим трансформациям:

Оставаться / остаться (очутиться, оказаться, сидеть) у разбитого корыта (при разбитом корыте). *Разг*. Остаться ни с чем, потерять все нажитое, приобретенное (обычно – как справедливая расправа за неверные поступки, излишние притязания). Ф 1, 257; БТС, 707; ФСРЯ, 208. СПП, 47; СРНГ 46, 60; Соколова 2009, 585. < Выражение возникло на основе «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. БМС 1998, 307. **Остаться на баенном корыте.** *Кар*. То же. СРГК 4, 256. < **Баенный** – банный.

Ср. также:

Разбитое корыто. *Пск. Неодобр.* О бедном, полностью разрушенном хозяйстве. СПП, 47; ПОС 15, 297.

Приезжать / приехать к разрушенному корыту. *Прибайк.* Приехать в полностью разрушенное хозяйство. СРГП 1, 154.

Репрезентация такого взаимодействия общерусского и регионального, литературного и диалектного требует особого внимания к этнокультурному аспекту мотивировки фразеологизма. Так, оборот *вертеться (кружиться, крутиться) как белка в колесе*, восходящий к басне И.А. Крылова «Белка», зафиксирован в говорах Мордовии в следующей вариации: *корячиться как белка в колесе*, а на территории Тверской области – *вертеться как белка в мешке* [30. С. 42]. На первый взгляд в эту вариационную модель вписывается и выражение *как белка на точиле* – ‘о человеке, находящемся в беспрестанных хлопотах, в постоянной суете’, зафиксированное в донских говорах [36. С. 39]. Однако в данном случае мы имеем дело с актом диалектного лингвокреатива, построенного на «омонимии по денотату» [37. С. 20] или просто фактом народно-этимологического переосмысления внутренней формы и соответствующей трансформации ФЕ: ср.: точило – круглый плоский точильный камень, вращающийся в вертикальной плоскости; «Белка» – народное название популярного в СССР ножа с выкидным лезвием, на рукояти которого изображена белка.

Принцип лексикографической полноты при формировании словника ПСНФ будет реализовываться не только по линии диалектное – общенародное (с выбором в пользу последнего), но и применительно к определению объема фразеологии. Так, в словарь войдут не только экспрессивные устойчивые обороты, хотя экспрессивность мы относим к категориальным признакам ФЕ [38. С. 4], но и в меньшей степени обладающие данным свойством образные народные термины типа *дедушкин табак* – ‘гриб-дождевик’, *ванька мокрый* – ‘комнатное растение бальзамин’, не только ФЕ-словосочетания (*точить балясы; нести околесицу*) и обороты со структурой незамкнутого предложения, требующие обязательного распространения (*в глазах мёд, а на сердце лёд* у кого; *голова дома, а ум в гостях* у кого), но и часть так называемых коммуникативных ФЕ (*пошла писать губерния; грянул гром среди ясного неба* и т.п.), которые чаще выводятся из состава фразеологии [39. С. 18–19]. Синтаксическая структура законченного предложения не дает оснований для исключения таких единиц из состава словника ПСНФ, если они являются всего лишь наименованиями ситуаций, т.е. выполняют номинативную функцию в акте коммуникации.

Что касается устойчивых сравнений (компаративных фразеологизмов), то принцип полноты словника реализуется на этом материале посредством отбора не только сравнений-идиом (*как в воду канул, как аршин проглотил* и т.п.), устойчивость которых, как отмечает Л.А. Лебедева, является результатом их многовекового употребления [40. С. 4–5], но и народных сравнений, характеризующихся меньшей степенью устойчивости, но базирующихся на этнокультурно детерминированных ассоциациях (*идти как на барицину, плестись как Ивашкин лапоть, сгорбиться как кочерга, ежиться как береста на углях* и т.п.). Таким образом, лексикографически воплощаются идеи В.М. Огольцева и Л.А. Лебедевой о проницаемости границ между устойчивыми и свободными сравнениями [40. С. 4–5; 41. С. 6–7].

Такой подход к отбору материала, реализуемый в новом лексикографическом проекте, по нашим предварительным данным, позволит количественно более чем в два раза превзойти фразеологический словник «Словаря русских народных говоров»: в ПСНФ будет описано более 140 000 фразеологизмов [27].

Разрабатывая такой объемный и неоднородный фразеологический массив, составители ПСНФ столкнутся с целым рядом проблем, касающихся систематизации материала, которые будут рассмотрены ниже.

Принципы расположения материала

Как известно, большинство отечественных паремиологических словарей и сборников, вслед за В.И. Далем [42], построено по тематическому принципу. Авторы фразеологических словарей, вслед за А.И. Молотковым и его коллегами [43], традиционно используют алфавитное расположение материала. Для наших словарных проектов мы избрали стержневой принцип систематизации ФЕ с алфавитно-гнездовой организацией словника: фразеологизмы группируются под стержневыми словами в лексикографические блоки (гнезда), которые располагаются в алфавитном порядке заголовков – стержневых слов. Такими словами, как правило, становятся имена существительные (в качестве стержня выбирается первое из них по порядку следования), при отсутствии существительного – первое имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие или одна из служебных частей речи:

НА

НАБАТ

НАБЕГ
НАБЕГАТЬСЯ
НАБЕЛКИ
НАБИВКА
НАБИРОЧКА
НАБИРУХА
 < ... >

ОБА
ОБАБОК
ОБАКУЛЫ
ОБАЛДЕТЬ
ОБВАРКА
ОБВЕРТАН
ОБГОН
ОБГУЛ
 < ... >

Внутри блока ФЕ, объединенных под стержневым словом, соблюдается строго алфавитный порядок расположения оборотов с каждой падежной формой, которые также выстраиваются по алфавиту. Например, для стержня ОБЕД: *обед, обеда, обедам, обедами, обедах, обеде, обедев, обеду, обеды*:

ОБЕД
Бирючий обед. < ... >
В обед сто лет [*чему*]. < ... >
В обед сто лет: то ли будет то ли нет. < ... >
Волчий обед. < ... >
Горячий обед. < ... >
Делать обед [*кому*]. < ... >
Дружков обед. < ... >
 < ... >
Всё вчера до обеда *кому*. < ... >
До обеда дела нет. < ... >
Оставлять/ оставить без обеда *кого*. < ... >
С обеда солнышко свернёт. < ... >
 < ... >
В [самые] обеда. < ... >
Караулить чужие обеда. < ... >

Обеды бегут. < ... >

Отправлять / отправить (справлять / справиться, ладить / сладить) обеды. < ... >

< ... >

Инновационной для данного проекта является разработка под общим стержневым словом некомпаративных фразеологизмов и народных сравнений (ранее они становились объектом описания в отдельных словарях [28, 30]). Новый подход, реализуемый на данном этапе макроструктурирования словаря, потребовал унификации приемов параметризации материала:

ЧУЛОК

Три чулка с языка [снять у себя]. *Разг. Устар.* Много и долго уговаривать кого-л. БМС 1998, 630.

Чулки новы, а пятки голы у кого. *Народн. Ирон.* О бестолковом человеке. ДП, 459.

Красный чулок. *Пск. Пренебр.* О женщине лёгкого поведения. СПП, 80. Ср. **синий чулок.**

Лупиться как чулок. *Пск.* Об интенсивно облезавшей (от ожога при излишнем загорании) коже. СПП, 121.

Мамин чулок. *Прост. Бран.* О неуклюжем, неповоротливом и избалованном молодом человеке. Мокиенко 2003, 143.

Ни чулок ни валенок. *Прибайк.* О ком-л., о чем-л. посредственном, не отличающемся положительными качествами. БСРП, 743.

Синий чулок. *Разг. Устар. Неодобр.* О педантичной женщине, лишённой обаяния и женственности и поглощенной лишь научными интересами. ФСРЯ, 530; БТС, 1486. Ср. **красный чулок.**

Алфавитное расположение материала внутри гнезда потребовало уточнения нашей позиции по вопросу о границах компаративных фразеологизмов и их лексикографической репрезентации – в форме одноэлементных (*как снег*) или двухэлементных оборотов (*белый как снег*). Анализируя данное сравнение и признавая его структуру одноэлементной, В.М. Огольцев отмечает, что образный стержень здесь обозначает не только предмет сравнения, но и признак, лежащий в основе сравнения, представленный в самом общем виде. Частный же признак избирается говорящим индивидуально, но не выходит за пределы общего, закрепленного общественным сознанием признака [44. С. 81]. Однако в лексикографической практике [29, 30, 40] эти частные признаки, как правило, эксплицируются посредством введе-

ния компонентов, отражающих основание сравнения, с тем чтобы облегчить структуру словарных статей, которая могла бы разрастись до нескольких десятков значений. Так, при трактовке сравнения с образным стержнем *снег* как одноэлементного статья ПСНФ включала бы 53 значения. Признание двухэлементности народных сравнений стало основанием их разработки в самостоятельных словарных статьях «Полного словаря народной фразеологии», например следующих:

Белый (бел) как (что) снег. *Разг.* О чём-л. ослепительно белом, очень чистом (одежде, материи, соли, мебели, здании и т. п.). БАС 6, 90; 13, 1471; Ог., 130; ПОС 1, 166; СПП, 115. < Сравнение известно и другим языкам. Ср. чеш. *bílý jako sníh*.

Бледный (бледен, белый) как снег. *Разг.* Об очень бледном (от страха, нервного шока или волнения) человеке. Ог., 130.

Насбираться как снег. *Том.* О большом скоплении людей. СРНГ 20, 152.

Растаять как снег. *Сиб.* 1. О чём-л. (напр., продуктах питания) полностью израсходованном, истраченном. 2. О ком-л. (людях или животных) бесследно исчезнувшем, пропавшем. ФСС, 183.

В живой речи нередко можно наблюдать эллиптирование компаративных оборотов, которое фиксируется и в словарях народных говоров. Унифицируя лексикографические параметры в ПСНФ, мы восстанавливаем эллиптированный компонент сравнения по контексту или толкованию и выносим его в вокабулу как факультативный. Ср. в Псковском областном словаре: **Как кочерыга.** Не имея возможности двигаться; сгорбившись. *Вон я села, как кьчарыгъ, при бalezни сваей. Печ.* [24. Т. 16. С. 33]. **Как кот в мешке застёбанный.** О нерешительном, вялом человеке. *А ухажор мой был как кот в мишке застёбанный. Гд.* [Там же. С. 10]. В ПСНФ: [**Сидеть/сесть**] как **кочерыга.** *Пск.* О неподвижном, прикованном к постели человеке. ПОС 16, 33; СПП, 100. [**Нерешительный**] как **кот в мешке застёбанный.** *Пск.* О нерешительном, робком человеке. ПОС 16, 10.

Однако существует немало случаев, когда в реальном функционировании компаративного оборота место эллиптированного основания сравнения занимает компонент, обозначающий субъект сравнения, и именно в таком составе оборот приобретает определенную устойчивость: *голова как арбуз, нос как руль, глаза как полтинники, уши как лопаты* (чаще всего такие обороты отражают внешность человека). Для таких случаев предлагается сохранить в заголовке статьи реаль-

ную форму бытования фразеологизмов, при этом заключив в скобки и не выделяя жирным шрифтом компонент, не входящий в структуру компаративного фразеологизма, понимаемую как «основание сравнения + как + предмет сравнения»: (Голова) *у кого как арбуз*. Таким образом, внимание читателя переключается на графически выделенный образный стержень оборота, под которым данный оборот и размещается. Что касается восстановления основания сравнения, то оно осложняется неоднозначностью, комплексностью, содержательной емкостью этого эллиптированного компонента, которая отражается в толковании:

(Волосы) *у кого как кудель*. *Народн.* 1. О чых-л. густых светло-жёлтых, мягких, сухих и волнистых волосах. 2. О чых-л. очень густых, кудрявых, взлохмаченных, трудно расчёсываемых волосах. БСНС, 316.

(Походка) *у кого как у аиста*. *Неодобр.* О чьей-л. мерной, неторопливой манере ходить, широко и неестественно прямо расставляя длинные и худые ноги [БСНС, 17].

Если же присутствие субъекта сравнения поддерживается в составе оборота рифмой, что свидетельствует о еще более высокой степени спаянности компонентов, то заключенный в скобки компонент выделяется полужирным шрифтом, как и вся заголовочная единица, но скобки все же указывают на его статус, а обороты располагаются соответственно в гнездах под образными стержнями САЖА, АРБУЗ, НИТКА, КРЮК:

(Дела) как сажа бела.

(Пузо) как у арбуза.

(Лытки) как нитки.

(Руки) как крюки.

Таким образом, даже при определенном отступлении от единообразного оформления заголовочной единицы такой аспект параметризации ФЕ, как репрезентация образного стержня, находит здесь последовательное воплощение.

Стержневой принцип систематизации материала обеспечивает реализацию еще нескольких важных лексикографических параметров в дополнение к тем, которые представляют в словарных статьях исходную форму, вариантность, стилистическую и ареальную принадлежность оборота, его семантику, в том числе полисемию и др. Помимо этих эксплицитных параметров, выделяемых Г.Н. Складневской [45.

С. 12–13], в ПСНФ в рамках сформированного по стержневому принципу блока (гнезда) фразеологизмов имплицитно будут представлены ассоциативный потенциал, реализующийся в мотивировках ФЕ, и фразеомобразовательная активность стержневых слов, о которой можно будет судить по наполняемости гнезда.

Имплицитные лексикографические параметры, как отмечает Г.Н. Скляревская, представляют информацию о разрабатываемой в словаре единице в опосредованной, косвенной форме, и информация эта может быть выявлена только посредством определенного анализа текста словаря [Там же. С. 13]. Так, функционально-семантический и историко-этимологический анализ фразеологизмов, объединенных под общим стержневым словом, позволит выявить этнокультурный компонент их мотивировки, таким образом, можно говорить и об имплицитной лингвокультурологической параметризации как каждого фразеологизма, так и их образного стержня, который может быть именем лингвокультурного концепта, реконструируемого в том числе по данным фразеологии.

При историко-этимологическом анализе фразеологизмов может использоваться лингвокультурологический комментарий стержневого слова, который при гнездовой подаче материала размещается не в каждой словарной статье, а при заголовке гнезда:

САЖЕНЬ

** Сажень – старинная русская единица измерения расстояния, упоминается в письменных памятниках начиная с XI в. Соборным уложением 1649 г. введена как официальная государственная единица измерения «казённая сажень» (216 см). В народе использовались и другие виды сажени: малая ~ 142,4 см, маховая ~ 177,8 см, простая ~ 152,8 см, греческая ~ 230,4 см и др. Одной из самых длинных была косая сажень, равная примерно 249 см, т.е. расстоянию от конца большого пальца вытянутой правой ноги по диагонали человеческого тела до конца указательного пальца поднятой вверх левой руки. Сажень вышла из употребления после введения в России метрической системы мер (декрет Временного правительства от 30 апреля 1917 г.). Фразеологизмы с компонентом *сажень* построены на гиперболе. Прилагательное *косовая* (*косовый*) в сочетании с *сажень*, возможно, появилось по звуковой ассоциации с названием единицы измерения «касаба», принятой в мусульманских странах (399 см – до 1830 г., 355 см. – после 1830 г.).

Идти косовым саженом. 1. *Дон. Шутл.-ирон.* Двигаться в обход, окружным путем. СДГ 2, 82. 2. *Волг.* Шагать широко, размашисто. БСРП, 591.

Видеть на три сажени в землю. *Народн.* Быть пронизательным. Жиг. 1969, 212.

В коую сажень. *Разг.* О человеке очень высокого роста. ФСРЯ, 405.

Косая сажень в плечах. *Разг.* О широкоплечем, богатырского сложения человеке. БМС 1998, 511; ФСРЯ, 405; Соколова 2009, 92.

Косовая сажень. *Дон.* Величина размаха рук. СРНГ 15, 63.

Сажень с вершком. *Новг.* О человеке очень высокого роста. НОС 10, 5; Сергеева 2004, 140; НОС 2010, 1054. < *Вершок* – старинная мера длины (44,45 мм).

Таким же образом может семантизироваться и стержневой компонент-диалектизм:

ТЕТЁРА

** **Тетёра** (*Арх., Кар., Пск.*) – самка тетерева.

Глухая тетёра. 1. *Арх.* Самка глухаря. АОС 9, 127. 2. *Пск. Бран.* О женщине, не расслышавшей чего-л., не реагирующей на замечания, просьбу и т.п. СПП 2001, 73. 3. *Арх., Кар., Пск. Бран.* О глухом, ничего не слышащем человеке. АОС 9, 127; СРНГ 44, 100; ПОС 6, 191; СРГК 4, 524; 6, 456. Ср.: Глухая тетеря (ТЕТЕРЯ).

Деревеньская тетёра. *Арх. Презр.* О простом, необразованном или глупом, бестолковом человеке из деревни. АОС 11, 46.

Идти [тихо] как тетёра. *Пск.* О чьих-л. очень тихих, неслышных, осторожных шагах. СПП, 118.

В формате базы данных гнезда легко могут группироваться по тематическому принципу в соответствии с их заголовочными словами, таким образом, станет доступным для анализа мотивационный потенциал тех или иных объемных фрагментов природной среды и социальной сферы, ставших источниками русской фразеологии, что также будет представлять определенную ценность для лингвокультурологии.

Таким образом, реализация представленной лексикографической концепции позволит решить актуальную для отечественной диалектологии, фразеологии, фразеографии и лингвокультурологии задачу создания инновационного словаря народной фразеологии, воплощающего результаты новых исследований фразеологии и объединяющего диалектные материалы, накопленные и опубликованные в разных

регионах России. Инновационный характер словаря проявится, прежде всего, на уровне его макроструктуры и будет обеспечен за счет выбора принципов формирования словника и его организации. Новое понимание принципа лексикографической полноты, предложенное авторами, стержневой принцип систематизации фразеологизмов и алфавитно-гнездовой способ их расположения в словаре позволяют воплотить новые лексикографические параметры, значительно увеличить объем словника и представить диалектное фразеологическое пространство России во всех его взаимосвязях и пересечениях с общенародной фразеологией.

Список сокращений

Амур. – амурское; *АОС* – Архангельский областной словарь (№ 20 в списке литературы); *Арх.* – Архангельская область; *БАС* (Большой академический словарь) – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965; *ББИ* – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.; *Бел.* – белорусское; *БМС* – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии (№ 34 в списке литературы); *БотСан.* – Ботина Л.Г., Санжарова В.П. Материалы для диалектного фразеологического словаря (село Будки Курской области) // Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. Вып. 272: Вопросы фразеологии. 1975. № 8. С. 82–119; *Бран.* – бранное; *БСНС* – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений (№ 30 в списке литературы); *БСПП* – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок (№ 28 в списке литературы); *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.; *Волг.* – Волгоградская область; *Ворон.* – Воронежская область; *Вост.-Сиб.* – восточно-сибирское; *Гд.* – Гдовский район Псковской области; *Диал.* – диалектное; *Дон.* – донское (по р. Дону); *ДП* – Даль В.И. Пословицы русского народа (№ 42 в списке литературы); *Ж.* – женский род; *Жарг.* – жаргонное; *Жиг. 1969* – Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. М., 1969. 448 с.; *Забайкал.* – Забайкалье; *ЗС* – Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.; *Ирон.* – ироническое; *Камч.* – Камчатка; *Кар.* – Карелия; *Киров.* – Кировская область; *Костром.* – Костромская область; *Курск.* – Курская область; *Ленингр.* – Ленинградская область; *Милюяненков* – Милюяненков Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб.: Ред. журн. «Дамы и господа», 1992. 318 с.; *Мокиенко 1980* – Мокиенко В.М. Славянская фразеология (№ 38 в списке литературы); *Мокиенко 2003* – Новая русская фразеология. Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 с.; *Моск.* – Московская область; *МФС* – Прокошева К.Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. 114 с.;

Народн. – народное; *Народно-поэт.* – народно-поэтическое; *Нарым.* – нарымское; *Неодобр.* – неодобрительное; *Нижегор.* – Нижегородская область; *Новг.* – Новгородская область; *НОС* – Новгородский областной словарь (№ 23 в списке литературы); *Обл.* – областное; *Ог.* – Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. М. : Рус. яз., 1984. 173 с.; *ПСНФ* – Полный словарь народной фразеологии (проект); *Перм.* – пермское; *Печ.* – Печорский район Псковской области; *ПОС* – Псковский областной словарь с историческими данными (№ 24 в списке литературы); *Презр.* – презрительное; *Пренебр.* – пренебрежительное; *Прибайк.* – прибайкальское; *Прикам.* – прикамское; *Прост., простореч.* – просторечное; *Простонар.* – простонародное; *Простореч.* – просторечное; *Пск.* – Псковская область; *Разг.* – разговорное; *Рус.* – русское; *Рыбаков 1987*: Рыбаков А.Н. Дети Арбата. М. : Сов. писатель, 1987. 478 с.; *Ряз.* – Рязанская область; *Сарат.* – Саратовская область; *СДГ* – Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов н/Д : Ростовский-на-Дону гос. ун-т, 1975–1976; *Сергеева 2004* – Сергеева Л.Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Вел. Новгород : НовГУ, 2004. 307 с.; *Сиб.* – сибирское; *Соколова 2009* – Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск : ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.; *Соловьев 1989* – С.А. Чёрная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви [Текст фильма]. URL: <http://www.vvord.ru/tekst-filma/Chyornaya-roza---yemblem-pechali--krasnaya-roza---yemblemalyubvi/5>; *СПП* – Словарь псковских пословиц и поговорок (№ 29 в списке литературы); *Ср. Урал.* – Средний Урал; *СПВС* – Собрание русских воровских словарей: в 4 т. / сост. и примеч. В. Козловского. New York, 1983; *СПГК* – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (№ 22 в списке литературы); *СПГМ* – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (№ 33 в списке литературы); *СПГП* – Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986–1989. Вып. 1–4.; *СПНГ* – Словарь русских народных говоров (№ 25 в списке литературы); *СФС* – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск : Наука, 1977. 207 с.; *Тамб.* – Тамбовская область; *Твер.* – Тверская область; *Тобол.* – Тобольская губерния; *ТПП* – Тверские пословицы и поговорки / сост. Л.В. Брадис, В.Г. Шомина. Серия «Тверской фольклор». Тверь : Тверской областной гос. Дом народного творчества, 1993. 60 с.; *Трансф.* – трансформированное; *ТСУЖ* – Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова. М. : Интер-ОМНИС : РОМОС, 1991. 207 с.; *Угол.* – уголовный жаргон; *Укр.* – украинское; *Ульян.* – Ульяновская область; *Устар.* – устаревшее; *Ф* – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. / под ред. А.И. Федорова : в 2 т. Новосибирск : Наука, 1995; *ФЕ* – фразеологическая единица; *ФСРЯ* – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Рус. яз., 1967. 543 с.; *ФСС* – Фразеологический словарь русских говоров Сибири (№ 14 в списке литературы); *Шуйск. Влад* – Шуйский уезд Владимирской губернии; *Шутл.* – шутливое; *Шутл.-ирон.* – шутливо-ироническое.

Литература

1. *Сергеева Л.Н.* Глагольная фразеология говоров Новгородской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 17 с.
2. *Захаров Б.Ф.* Историко-генетическая характеристика некоторых диалектных фразеологизмов // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2009. № 4. С. 142–153.
3. *Брысина Е.В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград : Перемена, 2003. 293 с.
4. *Пак М.К.* Диалектная фразеология как источник этнокультурной информации (на материале архангельских говоров) // Аванесовские чтения : тез. докл. Междунар. науч. конф. / под общ. ред. М.Л. Ремневой, М.В. Шульги. М., 2002. С. 212–213.
5. *Федоров А.И.* Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск : Наука, 1980. 192 с.
6. *Арсентьев Д.З.* Фразеология одного орловского говора в системном аспекте (на материале говора деревни Каменка Знаменского района Орловской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1986. 16 с.
7. *Подюков И.А.* К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья // Живая речь Пермского края : материалы и исследования. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 103–114.
8. *Никитина Т.Г.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 68–82.
9. *Кобелева И.А.* Идеографическая репрезентация фразеологии в словарях русских народных говоров // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Орел, 2005. С. 413–417.
10. *Зубова Ж.А.* О некоторых особенностях представления фразеологических единиц в словаре устойчивых сочетаний орловских говоров // Язык в слове, фразеологизме, тексте. Орел, 2015. С. 126–128.
11. *Китарисова С.О.* К вопросу о составлении словаря фразеологических диалектизмов Рязанской области // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 1. С. 163–165.
12. *Сергеева Л.Н.* Диалектная фразеология: проблемы описания // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии : материалы Междунар. науч. симпоз. (3-и Жуковские чтения). Великий Новгород, 2004. С. 491–496.
13. *Шапалова Л.И.* О способах подачи фразеологизмов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» // Проблемы региональной лингвистики. Ярославль, 1996. С. 74–76.
14. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.
15. *Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород : НовГУ, 2004. 307 с.
16. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.

17. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : СыктГУ, 2004. 312 с.
18. Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья / науч. ред. Н.Г. Баканова. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2006. 296 с.
19. *Семенкова Р.В.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовии. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 332 с.
20. *Архангельский* областной словарь / ред. О.Г. Гецова. Т. 1–17. М. : МГУ, 1980–2017.
21. *Словарь* вологодских говоров. Вып. 1–12 / науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда : ВГПИ, Русь, 1983–2007.
22. *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб. : СПбГУ, 1994–2005.
23. *Новгородский* областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т, 1991–2000. Вып. 1–13.
24. *Псковский* областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : СПбГУ, 1967–2016. Вып. 1–26.
25. *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–49. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016.
26. *Мызников С.А.* Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2. С. 15–22.
27. *Мокиенко В.М.* Русская народная фразеология в лексикографическом освещении. URL: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/proekt-rnf-17-18-01062.htm> (дата обращения: 09.03.2018).
28. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.
29. *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.
30. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
31. *Мокиенко В.М.* Принципы Ларинской лексикографии в трехтомном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 70–84.
32. *Ларин Б.А.* О народной фразеологии // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 149–162.
33. *Словарь* русских говоров на территории Мордовской АССР: (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р.В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
34. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
35. *Вендина Т.И.* Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23: Специальный выпуск. С. 44–49.
36. *Словарь* донских говоров Волгоградской области: около 17 000 слов / под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград : Издатель, 2011. 703 с.

37. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
38. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высш. шк., 1980. 270 с.
39. Жуков В.П. Русская фразеология. М. : Высш. шк., 1986. 310 с.
40. Лебедева Л.А. Словарь устойчивых сравнений русского языка. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1996. 161 с.
41. Огольцев В.М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1994. 510 с.
42. Даль В.И. Пословицы русского народа. М. : Худож. лит., 1957. 992 с.
43. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Рус. яз., 1967. 543 с.
44. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 159 с.
45. Спярееская Г.Н. Идея лексикографической параметризации и ее реализация в Современном толковом словаре живого русского языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 11–17.

TO THE CONCEPT OF A COMPLETE DICTIONARY OF POPULAR PHRASEOLOGY: PROBLEMS OF MACROSTRUCTURING

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 80–106.

DOI: 10.17223/22274200/14/5

Valery M. Mokienko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru

Tatiana G. Nikitina, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2007@yandex.ru

Keywords: differential dictionary of folk dialects, complete dictionary of dialects, idiom, figurative comparison, phraseological dictionary, macrostructure of dictionary, glossary, dictionary entry.

* The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 17-18-01062, implemented at Saint Petersburg State University).

A Complete Dictionary of Popular Phraseology is a new largest lexicographical project which is being developed by lexicographers of Saint Petersburg University.

The relevance of the project is due to the need for a theoretical and practical generalization of experience of Russian dialect phraseography and drawing up an innovative dictionary on this basis.

The innovative nature of the dictionary manifests itself, among other things, on the level of macro-structuring – by choosing the principles of formation of the glossary and its organization.

The authors refuse the differential approach to the selection of dialect material and implement the concept of a complete dialect dictionary in a new interpretation: dialect phraseology will be presented in the dictionary against a nationwide phraseological background through the use of the material of fiction, folklore, media text, slang dictionaries, records of modern speech and survey data. This will allow to adequately re-

flect the paradigmatic relations in the system of Russian phraseology and to reveal the range of variations of phraseological units.

In accordance with the principle of lexicographical completeness, not only idioms but also figurative comparisons, composite folk terms and a part of communicative phraseological units will be included in the dictionary.

The new dictionary will implement the core-word principle of systematization of the material with an alphabetic-cluster organization of the glossary. Phraseological units are grouped under core words into lexicographical clusters, which are arranged in alphabetical order of headings – core words.

The innovative aspect of macro-structuring of the dictionary is the development of non-comparative idioms and figurative comparisons under a common core-word, which required the harmonization of the parameterization of material.

The parametric zones of the dictionary entry represent the original form of the idiom, variant, stylistic, areal, semantic characteristics of the phraseological unit. In addition to these explicit parameters, the associative potential and idiom-formation activity of the core-word will be implicitly represented by the alphabetic-cluster arrangement of the material.

Functional-semantic and historical-etymological analysis of phraseological units united under a common core-word will reveal the ethno-cultural component of their motivations. Thus, we can talk about the implicit linguacultural parameterization of each idiom and each core-word, and this word can be the name of a linguocultural concept, reconstructed, among other, from the material of phraseology.

Thus, the innovative techniques of macrostructuring will significantly increase the volume of the dictionary, implement new lexicographical parameters and represent the dialect phraseological space in all its relations and interactions with the nationwide phraseology.

References

1. Sergeeva, L.N. (1978) *Glagol'naya frazeologiya govorov Novgorodskoy oblasti* [Verbal phraseology of Novgorod Oblast dialects]. Abstract of Philology Cand. Dis. Leningrad.
2. Zakharov, B.F. (2009) Istoriko-geneticheskaya kharakteristika nekotorykh dialektnykh frazeologizmov [Historical and genetic characteristics of some dialect phraseological units]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo fonda*. 4. pp. 142–153.
3. Brysina, E.V. (2003) *Etnokul'turnaya idiomatika donskogo kazachestva* [Ethnocultural idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd : Peremena.
4. Pak, M.K. (2002) [Dialect phraseology as a source of ethnocultural information (on the material of Arkhangelsk dialects)]. *Avanesovskie chteniya* [Avanesov Readings]. Abstracts of International Conference Moscow: Maks Press. pp. 212–213. (In Russian).
5. Fedorov, A.I. (1980) *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk: Nauka.
6. Arsent'ev, D.Z. (1986) *Frazeologiya odnogo orlovskogo govora v sistemnom aspekte (na materiale govora derevni Kamenka Znamenskogo rayona Orlovskoy oblasti)* [Phraseology of one Oryol dialect in the systemic aspect (on the material of the

dialect of the village Kamenka, Znamensky district, Oryol Oblast)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Oryol.

7. Podyukov, I.A. (2007) К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья [To the problem of describing the lexical and phraseological composition of the Russian dialects of the Southern Kama region]. *Zhivaya rech' Permskogo kraja: materialy i issledovaniya*. 2. pp. 103–114.

8. Nikitina, T.G. (1995) К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря [To the classification scheme of the ideological phraseological dictionary]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 68–82.

9. Kobeleva, I.A. (2005) [Ideographic representation of phraseology in the dictionaries of Russian folk dialects]. *Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma* [Information potential of a word and phraseological unit]. Proceedings of the International Conference. Oryol: Oryol State University. pp. 413–417. (In Russian).

10. Zubova, Zh.A. (2015) [On some features of the representation of phraseological units in the dictionary of set phrases of Oryol dialects]. *Yazyk v slove, frazeologizme, tekste* [Language in word, phraseological unit, text]. Proceedings of the International Conference. Oryol: Oryol State University. pp. 126–128. (In Russian).

11. Kiparisova, S.O. (2017) On the issue of compiling dictionary of Ryazan Region phraseological dialectisms. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Kostroma State University*. 23(1). pp. 163–165. (In Russian).

12. Sergeeva, L.N. (2004) [Dialect phraseology: problems of description]. *Slovarnoe nasledie V.P. Zhukova i puti razvitiya russkoy i obshchey leksikografii (3-i Zhukovskie chteniya)* [Dictionary Legacy of V.P. Zhukov and the development of Russian and general lexicography (3rd Zhukov Readings)]. Proceedings of the International Symposium. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. pp. 491–496. (In Russian).

13. Shapovalova, L.I. (1996) О способах подachi фразеологизмов в “Словаре моголевско-смоленских пограничных говоров” [On the methods of presenting phraseological units in the “Dictionary of the Mogilev-Smolensk border dialects”]. In: *Problemy regional'noy lingvistiki* [Problems of regional linguistics]. Yaroslavl: [s.n.]. pp. 74–76.

14. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

15. Sergeeva, L.N. (2004) *Materialy dlya ideograficheskogo slovarya novgorodskikh frazeologizmov* [Materials for ideographic dictionary of Novgorod idioms]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.

16. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of the Perm dialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.

17. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

18. Bakanova, N.G. (ed.) (2006) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Baikal region]. Irkutsk: Irkutsk State University.

19. Semenkova, R.V. (2007) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Respubliki Mordovii* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Republic of Mordovia]. Saransk: Mordovia State University.

20. Getsov, O.G. (ed.) (1980–2017) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vols 1–17. Moscow: Moscow State University.

21. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Is. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, Rus'.

22. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Is. 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

23. Strogova, V.P. (ed.) (1991–2000) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. Is. 1–13. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.

24. Lutovinova, I.S. et al. (eds) (1967–2016) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Is. 1–26. Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg State University.

25. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 1–49. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

26. Myznikov, S.A. (2011) The dialectal academic lexicography and linguistic geography. *Filologicheskaya regionalistika*. 2. pp. 15–22. (In Russian).

27. Mokienko, V.M. (2016) *Russkaya narodnaya frazeologiya v leksikograficheskom osveshchenii* [Russian folk phraseology in lexicographical coverage]. [Online] Available from: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/proekt-rmf-17-18-01062.htm>. (Accessed: 09.03.2018).

28. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.

29. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings]. St. Petersburg: Norint.

30. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [Big dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.

31. Mokienko, V.M. (2012) Principles of Larin's lexicography in the three-volume *Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian language*. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 70–84. (In Russian).

32. Larin, B.A. (1977) *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [The history of the Russian language, and general linguistics]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 149–162.

33. Semenkova, R.V. (ed.) (1978–2006) *Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoy ASSR: (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya): v 8 t.* [Dictionary of Russian dialects in the territory of the Mordovian ASSR: (Dictionary of Russian dialects in the territory of the Republic of Mordovia): in 8]. Saransk: Mordovia State University.

34. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii: Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology: Historical and Etymological Reference Book]. St. Petersburg: Folio-Press.

35. Vendina, T.I. (2017) A dialect word – yesterday, today and tomorrow. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Kostroma State University*. 23. pp. 44–49. (In Russian).
36. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti: okolo 17 000 slov* [Dictionary of the Don dialects of Volgograd Oblast: about 17,000 words]. Volgograd: Izdatel'.
37. Stepanov, Yu.S. (1975) *Osnovy obshchego yazykozvaniya* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
38. Mokienko, V.M. (1980) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vyssh. shk.
39. Zhukov, V.P. (1986) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Vyssh. shk.
40. Lebedeva, L.A. (1996) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* [Dictionary of set comparisons of the Russian language]. Krasnodar: Kuban State University.
41. Ogol'tsev, V.M. (1994) *Kratkiy slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* [A concise dictionary of set comparisons of the Russian language]. Izhevsk: Udmurt State University.
42. Dahl, V.I. (1957) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Khudozh. lit.
43. Molotkov, A.I. (ed.) (1967) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
44. Ogol'tsev, V.M. (1978) *Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii* [Set comparisons in the system of Russian phraseology]. Leningrad: Leningrad State University.
45. Sklyarevskaya, G.N. (2017) The Idea of Lexicographical Parametrization and its Implementation in the Modern Explanatory Dictionary of the Live Russian Language. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 1. pp. 11–17. (In Russian).

УДК 811.511.1

DOI: 10.17223/22274200/14/6

И.А. Подюков

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

Представлено описание различных групп коми-пермяцкой мифологической лексики и фразеологии – номинаций мифологических персонажей и событий, мифологизированных явлений природы, названий обрядовых атрибутов и акций. В анализ включены как оригинальные, так и заимствованные мифонимы. Свод мифологически окрашенных названий позволяет рассмотреть особенности этномышления коми-пермяков, мифологические представления которых составляют значимый элемент этнического культурного кода. Лексикографическое описание мифонимов позволит раскрыть особенности духовной культуры коми-пермяков, их культурно-языковые контакты с другими народами.

Ключевые слова: мифологическая и обрядовая лексика и фразеология, культурные заимствования, словарь, коми-пермяцкий язык.

По словам Р.О. Якобсона, «язык является составной частью культуры... функционирует как ее подструктура» [1. С. 379]. Культура (в том числе и воплощённая в формах живого языка) имеет дело со знаками особой, семиотической природы, поэтому лексикографирование ее единиц имеет свою специфику. Семантика этих знаков – не номинативные значения и не оценочные характеристики, а культурные смыслы, представляющие в образной или символической форме осознание человеком окружающего мира, своего места в нём. Этнокультурные, мифологические, этнолингвистические словари способствуют выявлению многообразия этнокультурных ориентаций современного мира. Потребность в словарном описании этнокультур связан с необходимостью осознания норм, ценностей, идеалов, символов той или иной этнической группы, с решением проблем этнокультурного образования и межкультурной коммуникации. Проект словаря коми-пермяцкой мифологической лексики и фразеологии, разрабатываемый

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 17-14-59001 «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры».

в ходе этнолингвистического исследования коми-пермяцкого языка, направлен на описание самобытной культуры коми-пермяков Прикамья, представителей финно-угорской группы уральской семьи языков, в ее языковом отражении.

Мифологическая лексикография, имеющая уже достаточно богатый опыт, представлена рядом словарей, в которых для описания обрядов, обычаев и верований на равных правах использованы собственно лексикографический и энциклопедический подходы. После появления словаря Н.И. Толстого «Славянские древности» намечалась разработка аспектных этнокультурных словарей, обращенных к мифологически окрашенным аспектам традиционной народной культуры. Русские диалектные демонимы Прикамья представлены в материалах разрабатываемого Демонологического словаря Пермского края и Этнолингвистического словаря мифологических рассказов Пермского края [2. С. 15–21]. Народная хрононимика описана в этнолингвистическом словаре «Русский народный календарь» О.В. Атрошенко, Ю.А. Кривошаповой, К.В. Осиповой [3]. Словарные статьи по донской народной хрононимике и демонимике, по мифологически окрашенной фитонимике, терминологии обрядовой одежды будет содержать создаваемый «Этнолингвистический словарь донского казачества» [4. С. 129–132]. Создаются словари, иллюстрирующие особенности тюркских мифологий – «Этнолингвистический словарь татарского языка» Ф.И. Салимова и Р.Ф. Салимова [5], в котором дано описание лексики обрядов, связанных с рождением ребенка, свадьбой, смертью и погребением; представляющий синтез мифологического и толкового словарей «Мифологический словарь башкирского языка» Ф.Г. Хисамитдиновой [6]. Последний содержит описание около 5000 слов и выражений, отражающих понятия и термины башкирской мифологии (имена и эпитеты мифических персонажей, названия явлений природы и стихий, растений и животных, наименования обычаев и ритуалов). Наконец, появляются проектные разработки учебного мифологического словаря [7. С. 183–187].

Наработанная практика показывает, что мифологический словарь, фиксируя следы древнего мифического мышления в языке, описывает предметы и явления фантастического и внешнего мира как культурные реалии, совмещая при этом качества энциклопедии и толкового словаря. В его состав включаются названия сакральных объектов и признаков и связанной с ними фразеологии, поверия и легенды о про-

исхождении мифологически осмысленной реалии (растения, животного, стихии), описание магических функций и ритуальных применений их в обрядах, народной медицине и т.п. Особое внимание обращается на заглавные слова, которые выступают как маркированные в народной культуре представления и образы, как имена культурных концептов. В словаре дается не только описание толкуемой лексемы, но и структурирование соотносимых с ней культурных смыслов и круга представлений, связанных с описываемой реалией, с выполняемыми ею культурными функциями. По мысли ряда исследователей, в силу своей значимости описываемая единица для полноты интерпретации должна быть энциклопедически охарактеризована по образному основанию и соотнесена с древнейшими формами осмысления мира и представлениями, имеющими архетипическую природу [8. С. 19–22]. На основе анализа контекстов употребления данной единицы определяются функции, выполняемые ею в культуре, сами контексты сопровождаются кратким комментарием (кем, кому, в каких обстоятельствах произносятся). В словарных статьях описываются отличия этих номинаций, ситуации их применения. В словарь, следовательно, включаются такие параметры, как этимологический, фольклорный, культурологический, прагматический. Специально отмечаются основные устойчивые мотивы, сопутствующие тем или иным мифологическим персонажам, устойчивые характеристики описываемых реалий. Культурная семантика и функционирование наименования описываемой реалии иллюстрируются включенными в состав словаря текстами, а его специфика иллюстрируется аналогами и образными эквивалентами, существующими в других лингвокультурах.

В описании мифологической лексики народов коми сделаны лишь первые шаги. Объяснение мифологических понятий и имен содержится в электронной энциклопедии по мифологии коми [9]. Статьи энциклопедии посвящены персонажам, предметам, магическим действиям и включают лингвистические данные по каждому образу (происхождение, значение, параллели в других языках), отмечаются их распространённость в обрядах, в фольклоре и народном искусстве, что иллюстрируется подборкой мифологических текстов. Мифологические представления коми-пермяков активно фиксируются, однако описаны пока недостаточно. Подвергаясь значительной деформации,

редукции и русификации, они тем не менее остаются и в наше время значимым элементом этнического культурного кода.

В разрабатываемом словаре будет учтен имеющийся опыт этнокультурного лексикографирования и предпринята попытка разноаспектного (включающего семантический, прагматический, ареальный параметры) словарного представления коми-пермяцкой мифологической лексики и фразеологии. Планируется также освещение ее этимологии и мотивированности в целом, описание особенностей современного функционирования описываемых мифологизмов.

В настоящей статье основное внимание обращено на характеристику лексико-фразеологического материала, который используется при формировании словаря, его состава. Словарь будет построен на описании различных классов мифологически отмеченной лексики и фразеологии – хрононимии (названий праздников, метеорологических и сакральных событий, значимых в хозяйственном, социальном и религиозном отношении); демонимов; терминов, обозначающих этапы, устойчивые ситуации, участников обрядов (родинного, свадебного, похоронно-поминального, календарных, хозяйственных, магических); названий обрядовой пищи, ритуальных предметов. Этот материал можно считать безэквивалентным, так как он маркирует специфичные для коми-пермяцкой этнической культуры реалии, хотя отдельные мифологически окрашенные номинации коми-пермяцкой духовной культуры заимствованы из русской народной культуры, созвучны образам и сюжетам культурных традиций других народов.

Значительное место в составе словаря будет отведено однословным и составным мифонимам. Мифологические персонажи до настоящего времени включены в бытовую и обрядовую сферы жизни носителей коми-пермяцкой культуры. Устойчивы табуистические запреты на упоминание банника (*баняись*) в бане («иначе угоришь, не вернёшься из бани»), «хозяина» подполья (*джоджульсь*) («иначе картофель будет портиться»), водяного (*ваись*) у воды, лешего (*вõрьсь*) в лесу. Активность данной группы мифонимов подчеркивает тот факт, что мифологические персонажи различных локусов имеют разветвленные ряды номинаций. Так, водяные духи называются *Водяной нылка*, *Ва бес*, *Куйим чуня тётка* («*Ыджыт юрын эм куйим чуня тётка. Йирыс – өддьон пыдын места речка вылас. Омут сэтõн. Водяной нылка оло сэтõн. Этадз тай шуõны. Эз меным явитчылы. Рыбакэзлõ вõли явитчалõм. петõм, да эты кузя юрсия пõ котрасьны*

пондём. Дерт, пöди, абу бур одзын, умоль одзын сiя» – «В большом омуте есть тётка с тремя пальцами. Йир – очень глубокое место на речке. Омут там. Водяная девушка живёт там. Так говорят. Не показывалась [она] мне. Рыбакам показывалась она. Вышла [она], и с такими длинными волосами, мол, бегать стала. Конечно, наверное, не перед добром, перед плохим она [показывается]» – Мысы, Гайнский район). Именование водяного духа родственницей связано с табу (ср. русское диалектное *тетка* 'о лихорадке'). Эвфемическое название лешего *Татишöмыс* (букв. «такой-то») также используется как обереговое: «*Татишöмыс кыдз вöрас петас, дак он тöд, кыччö вошитсьны*» – Мысы, Гайнский район («Леший-то как в лесу появиться, то не знаешь, куда деваться»). В коми-пермяцкой демониимике отмечены заимствованные из русского языка (скорее всего, также для табуизации) обозначения духов природы и собственные названия: *лешак, вор морт, вор дядь, киззя-виззя*. Если именование *дядь* выступает как типичный случай задабривания духа причислением его к своим родственникам, то номинация *киззя-виззя* (букв. «пуговики в ряд») создана как переосмысление реального исторического факта. Владевшие обширными территориями коми края Строгановы вплоть до начала XX в. практически не допускали коми-пермяцких крестьян в лес ни на промысел, ни на разработку древесины, используя лесные угодья прежде всего для развития своих заводов (для охраны лесных массивов был учрежден большой штат лесных смотрителей-объездчиков). Переосмысление образа лесничего в лешего ощущается в массе описаний внешнего вида последнего. Так, в быличках о лешем «хозяин» показывается в четырехугольной красной шапке, на коне, в мундире: «*Леший на белой лошади, грудь в ремнях, если покажется – это к беде, или пожар будет*» (д. Васькова, Юрлинский район); «*Случай был. Я пашу, а леший по полю идёт. У него пинжак, пуговики. Я не забоялся, по бороздке иду: «Куда ты, Еврей Евреевич?» Он говорит: «Вот, мужика ищу». Сам одет – пинжак, пуговики зеют, огнем горят*» (Таволожанка, Юрлинский район). Относительно редко встречающееся у коми-пермяков название одного из лесных духов – *Ветряная мать* («*Старик... знал, видимо, он. Пришёл он, и спрашивает, у вас, мол, телёнок пропал? Потерялся, мол. Он сказал, надо, мол, сказать: Иван Иванович, Вэтрэная (Ветряная) Мать и Виктор Иванович, отпустите, мол, моего телёнка обратно...*», д. Несоли, Косинский район). Название соотносится с отмеченными в свое время

Куста Карьялайненем природными духами, известными также эстонцам, мордве, марийцам, чувашам (в чувашской сказке *мать Ветра* помогает обездоленным), венграм (у которых кроме *Матери ветра* также есть *Дочь ветра*, *Сын ветра*, *Король ветра* – персонажи, о которых нельзя плохо говорить) [10. С. 49].

В словаре будет представлено описание образных мотивов, сопутствующих тем или иным мифологическим персонажам: *Лешак туй* ‘дорога лешего’ (по суеверным представлениям, место в лесу, где легко заблудиться), *Дюттян лешак* ‘качели лешего’ (наклоненное дерево), *Чача лешак* ‘игрушка лешего’ (дерево с несколькими вершинками), *Дом лешего* (дупло на дереве), *Костер лешего* (по быличкам, леший любит греться у огня и часто разводит костры, которые при появлении людей отдаляются от них), *Свадьба лешего* (ураганный ветер, буря в лесу). Лингвистически такие мотивы представляют устойчивые сочетания, наделенные внутренней формой и представляющие мифологическое явление в действии, в пространственно-временной конкретизации. Целесообразно включение в состав словаря мифологических слов и фразеологизмов, которые используются только как средство экспрессии. Таково название злого духа старинной дохристианской веры *куль*, закрепившееся в неодобрительных характеристиках *дыш куль* («ленивый черт»), *нёйтём куль* («некрасивый черт»), *мисьтём куль* («немый черт»), *горзись куль* (букв. «плачущий черт» – бранно о громко плачущем). Название чёрта, дьявола *Дяв*, *Дявыв* используется в высказываниях типа *Дявыс тёдö!* («чёрт знает»): как и в современном русском языке, фразеологизмы с упоминанием нечистого духа выражают преимущественно отрицательные эмоции. Вторичная семантика мифонимов (характеристика человеческих недостатков, иррациональных ситуаций и пр.) так или иначе задается их первоначальным значением, мотивируется способностью мифонима в свернутом виде отражать миф.

Специфическое место в коми-пермяцкой культуре занимает категория «родителей» – наделенных сверхъестественными качествами недавно умерших членов семьи *Важжес* (*Важжес рөдительяс*) (букв. «старые», «старые родители»), *Виль важжес* («новые старые»), которые считаются помощниками и покровителями конкретной семьи и обязательно поминаются в дни индивидуальных поминок на кладбище. Кроме них, коми-пермяки до сих пор поминают духов, называемых *Важ важжес* («древние старые», букв. «старые-престарые»).

К ним причисляются первооснователи населенных пунктов, чужь, библейские персонажи, безвестные воины, погибшие в годы Гражданской войны: они, в отличие от покровителей семьи-родителей, рассматриваются не просто как помощники, а как мифологические предки, которым необходимо поклоняться. Свидетельство культа умерших – выражение *Дзёбны кулёмос* ‘похоронить умершего’ (букв. «спрятать»; не просто предать погребению, а прибрать на место как нечто, составляющее ценность и в известное время могущее опять понадобиться).

Чрезвычайно специфичная и объемная часть мифологического словаря – хронимы. Вслед за рядом исследователей, в частности О.В. Атрошенко, Ю.А. Кривошаповой, К.В. Осиповой [3], мы используем для обозначения общенародных и диалектных названий праздников, временных отрезков и «точек» календарного времени этот родовой термин вместо видового «геортоним». Геортонимы часто используются в функции хронимов, и разведение этих понятий затрудняет особое, конкретное восприятие времени в народной культурной традиции: слабая отделенность его от события.

Словарь демонстрирует разнообразие названий собственных праздников коми-пермяков (*Пикан лун*, *Пиканный день*, праздник отражает особое отношение к траве-борщевнику *пикану* – «поющей траве», из которой изготовлялись многоствольные дудки типа флейт; весенний поминальный праздник перед Троицей *Пестера праздник* – название мотивировано обычаем приносить поминальную пищу в честь умерших родителей обязательно в плетеных заплечных корзинах из бересты). Кроме того, существуют свои названия и для усвоенных православных праздников. Так, праздник Троица называется и *Тройча (Троица)*, и *Береза лун* (букв. «День берёзы»), суббота перед Пасхой – *Дюттян лун* (букв. «День качелей»: «*Весной-то тожно поминуют, дюттян луныс бõрын Ыджыт лун; после дня качелей Великий день*»). Последнее название ориентируется на обязательный атрибут, ключевой символ праздника, подчеркивает значимость качелей как способа символического перехода из одного мира в другой. Не случайно качели сооружались особым образом: неженатыми парнями, накануне Светлого Воскресенья, до наступления рассвета; веревка для них должна быть свита из новой пряжи. Любопытно, что ежегодно в отдельных странах Европы и сейчас отмечается международный день качания на качелях (4 августа: приурочен к окончанию лета) [11].

Следует отметить постепенное возвращение отдельных старых праздников типа *Сарчик* (*Сарчик приносит весну* – конец мая) с главными обрядовыми действиями *ловить сарчика*, *хоронить сарчика*. Птица сарчик (трясогузка, *плишка*) раньше других прилетает на север Пермского края и «приносит весну». *Сарчик* соответствует празднику трясогузки *Вурицих Хатл* у манси (букв. «день трясогузки»; приходится также на конец мая). По народной этимологии, слово *сарчик* восходит к *царчик*, в котором суффикс *-чик* уподобляет птицу маленькому царю. В реальности слово скорее всего является тюркским заимствованием, ср. татарское *сыерчык* ‘скворец’. Птица воспринимается как воплощение души умершего, под трясогузками подразумевались предки, в облике птиц прилетавшие на родину. Считалось, что если на праздник пришло большое количество людей и много было угощений, то предки остались довольны и обеспечат хороший урожай.

Живы в современной традиции коми-пермяков праздники *Турун вежан лун* (*День смены травы*), *Вёл празник* (Лошадиный праздник), местнотимый праздник (д. Урья, Кочевский район) *Мёс празник* (букв. «Коровий праздник» – приходится на Макарьев день, 7 августа: «*Макарьяйс локтё эд ни, сия и эм Мёс празник, седьмого августа. Гуляйтисё, стряпайтисё, пивоесё керлісё, сурресё. Юрбитлісё, воллісё мёд деревнясь мый. Эстён Урьяас, ю вылё ся, ой быт юрбитасё, сэсся речка вылё лэдзчённы асьяпоннас, суалёны ваын*) («Макарий подходит ведь уже, он и есть Коровий праздник, седьмого августа. Гуляли, стряпали, пиво делали. Молились, приходили и из других деревень. Здесь на Урье, на речку потом, всю ночь молятся, потом на речку идут утром, стоят в воде» – Урья, Кочевский район). Неясно, почему праздник в честь преподобного Макария Унженского был соотнесен с коровами, хотя день почитания этого животного у других европейских народов также приходится на разные сроки (у славян *Коровьим праздником* считается Власьев день, 24 февраля, в Баварии, Австрии и Швейцарии октябрь – время перегона коров с альпийских пастбищ) [12]).

Хрононимы нередко являются свидетельством древних культов и верований. Так, название *Гаг лун* (букв. «День червяка», праздник, отмечаемый в июне) отражает обычай задабривания-чествования огородного вредителя: «*Гаг лунас эз садитлё*) («В день червяка не сажали [в огороде]» – Архипово, Кочевский район). Выражение сходно с названиями дней после теплой и дождливой Троицы типа отмеченных

в русских говорах Прикамья хрононимов *Мошкариня*, *Вшивая неделя* [13. С. 176].

Отдельные праздники и связанные с ними обычаи ушли в прошлое. Так, единичные факты проведения обряда *Инь вежан лун* («День смены жены») фиксировались в 40-е гг. прошлого века (праздник отмечался в начале января, в ряде мест после Покрова, был особо почитаем среди жителей деревни Пыстогово Кочевского района). Мужчины из соседних деревень обменивались на срок до месяца своими женами (обычно в ходе святочных обрядовых бесчинств, но чаще в тех случаях, когда в семьях не рождались дети). Подобные реликтовые обычаи обменного брака, регулирующие семейную жизнь, известны и другим народам [14. С. 127–129].

В состав словаря будут включены мифологически окрашенные номинации из природного мира. Название божьей коровки *Ен бабушка* (ср. коми-зырянское *бабыв*, *бабича* ‘бабочка’) соотносится с русским диалектным *бабка* (Поволжье), где использовано не столько название старейшины рода, матери отцов и матерей, сколько известное многим мифологиям соотнесение бабочки с душой. Название «обусловлено представлением о переселении души умершего (бабушки) в насекомое» [15. С. 105], строится на отнесении насекомых к божьим, т.е. приближенным к Богу, существам (ср. сербохорватское *божја овчица* ‘о божьей коровке’, архангельское *Божий коник* ‘кузнечик’). Мифологически осмысленные и в других традициях объекты природы в культуре коми-пермяков могут получить специфическое осмысление. Волшебное растение папоротник, например, воспринимается как наделенное демоническими свойствами: «*Ӧддьӧн торкны мортъез папоротникнас. Иван лунас сия светитӧ. Ӧктыльӧмась*». («Людей очень портят папоротником. В Иванов день он цветет. Собирали» – Жемчужный, Гайнский район). Такое негативное восприятие травы известно и в других культурах (в некоторых уголках Англии уверены, что папоротник от дьявола, и называют его *devil brush*, *devil's bush* – «щетки, кусты дьявола») [16].

В словаре будут описаны номинации, отмечающие особенности коми-пермяцкой обрядовой практики. Обряд, как известно, разворачивается из мифа, является его инсценировкой (значения обрядовых действий заложены в мифе, хотя сами по себе могут и не осознаваться). Коми-пермяцкое выражение *Кӧч кутны* (букв. «зайца поймать») используется в значении ‘закончить косить участок луга последним’ и

совпадает с русской обрядовой игрой «ловить зайчика» (архангельское) – остатком древнего обряда дожинок («Когда остается последний нескошенный участок, говорили: «Девки, имайте зайчика»; кто последний раз «коснет», тот поймал» – Азаполье, Мезенский р-н, Архангельская область) [17]. В европейской народной традиции заяц также известен как один из духов, олицетворяющих плодородие (чаще под образом зайца скрывался хлебный дух, ср. немецкое *Hase* как одно из названий последнего снопа [18. С. 446], архангельское *зайка* ‘последний несжатый колосок’).

Для отдельных культурных комплексов характерно обилие заимствованных форм. Так, восприятие из русской традиции деталей свадебного обряда привело к усвоению терминов типа *чолтан новйотны* (‘благословлять молодых хлебом – о родителях’, букв. «носить каравай»); сакральность свадебного хлеба подчеркивает название караваев *челтан*, которое, как считается, является славянским и этимологически связано с *чело*). К полукалькам относятся терминологические глагольные сочетания типа *обедайттон ветлотны* (букв. «обедая, ходить»; аналог пермского диалектного обрядового термина *ходить по обедам* – о прощальном обходе невестой с подружками перед свадьбой своей родни; сочетание подчеркивает особую значимость в традиции родовых связей). Выражение *знамьё сетны* (букв. «дать задаток-знак») связано с вручением подарка жениху в знак согласия выйти за него замуж. «Знаменем» могли быть головной платок, который невеста повязывала на руку жениху, расшитое полотенце. Повязывание «знамени» (именно этот платок надевали невесте после снятия венка и заплетания бабьей косы) осмыслялось как символическое скрепление союза молодых. Немало заимствований и в похоронной терминологии.оборот-полукалька *Дари удны* ‘причастить, напоить перед смертью святой водой’ (букв. «угостить дарами») содержит русское *дары*, которым называется причастие (обычно *дары*, или *Божьи дары*, представляют вино, напиток с кусочками просфоры, символ плоти и крови Иисуса Христа).

Отражающие христианскую обрядность праздники, рассказы о сверхъестественных существах и событиях насыщены деталями, которые свидетельствуют о сохранении у коми-пермяков традиционных (языческих в своей основе) верований. «Коми-пермяки по сути трансформировали христианство, изменив его содержание и форму. Христианство коми-пермяков – это политеистическое язычество с

вкраплениями христианской обрядовой традиции» [19. С. 187]. Проклятье, пожелание кары в загробном мире *Калёной стоббес куталны* (букв. «калёные столбы хватать») («...зоньслö шудма, понан пö калёной стоббесö куталны» – «...Сыну сказала, будешь, дескать, калёные столбы хватать» – Коса, Косинский район) строится на устойчивой идее очистительного адского огня и содержит указание на атрибуты ада, на идею возмездия на том свете за грехи. По материалам А.Н. Соболева [20. С. 174–185], по текстам народных духовных стихов грешника в аду ждут *одр огненный, столы огненные, котлы, вертела, клещи, каленая сковорода, каленые угли, каленые плиты, раскаленные столбы*. Еще один образ того света отражен в коми-пермяцком бранном выкрике *Мун вакрамеш*, где, очевидно, содержится посыл в ад (*кромешный ад*). Искусственное *вакрамеж* образовано от русского *кром*а «край» и *ва* коми «вода», следовательно, содержит идею разделяющей тот и этот свет реки (в мифологии коми-зырян известной как *сир ю* «смоляная река», *сир биа ю* «смоляного огня река», *пöсь ю* «горячая река»). Огонь, огненная река наделялись очистительной силой и самостоятельно представляли тот свет: «*Умрешь, надо огненную-то реку перейти. Если сможешь, все, в реку пойдешь, если нет – в ад будешь. Как перейти, то и говорят, надо много одежды не давать покойнику-то. Некоторые ведь много ложат да че. Говорят, и легко одевать, чтобы он мог идти, и пускают еще ниточку. Вот по этой ниточке, говорят, он и переходит огненную реку-то. Грехи переносит*» (Гавино, Юсьвинский район). Образ огненной реки, а также огненного озера отмечен и в ряде других мифологий, в частности, по древнеиранским представлениям, душа грешника после суда срывается с моста и падает в огненную реку [21].

Мифологические коннотации, таким образом, свойственны разным тематическим группам лексики и фразеологии коми-пермяцкого языка. Очевидны самобытность, этническая окрашенность мифонимов, содержащих представления коми-пермяков о жизни, смерти, времени, о природе и ее стихийных силах. Она проявляется в связи названий обрядовых персонажей, атрибутов и акций с древними финно-угорскими культами птиц, животных, растений. Оригинальными становятся в коми-пермяцкой культурно-языковой среде и многие заимствованные мифонимы, проходя своеобразную переработку в стихии народной коми-пермяцкой речи: одновременно с языковыми преобра-

зованиями в них меняется и содержательная сторона. Православные религиозные представления у коми-пермяков, как и собственные, восходящие к язычеству, наделяются умиловительным, предохранительным и продуцирующим смыслом, актуализируют тему поклонения умершим предкам, которые символизируют единство рода и наделяются свойствами божества. Словарное описание позволит в компактной форме представить архаические слои коми-пермяцкой народной культуры, отразить закрепленные в национально-самобытной лексике и фразеологии особенности этнического сознания и мировосприятия.

Литература

1. *Якобсон Р.О.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 369–420.
2. *Русинова И.И.* Проблема лексикографического описания лексических и фразеологических единиц семантической сферы «Народная магия» (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 15–21.
3. *Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В.* Русский народный календарь. М. : АСТ-Пресс Книга, 2015. 544 с.
4. *Мироненко И.Ю.* Смертный узел: материалы к этнолингвистическому словарю донского казачества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 129–132.
5. *Салимов Ф.И., Салимов Р.Ф.* Электронный этнолингвистический терминологический словарь татарского языка. Казань, 2014. URL: <http://ethnoling.antat.ru> (дата обращения: 10.09.2017).
6. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
7. *Коретина Л.Ф.* Лексикографическая разработка мифологического ономастикона для младших школьников // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. С. 183–187.
8. *Красных В.В.* Основные проблемы описания словаря и грамматики лингвокультуры (психолингвокультурологический подход) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 19–22.
9. *Мифология коми.* URL: <http://www.komisc.ru/illi/folk/myth/2.htm> (дата обращения: 05.09.2017).
10. *Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов / пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 264 с.
11. День качания на качелях. URL: <http://eko-jizn.ru/?p=15288> (дата обращения: 27.01.2018).
12. *Борн Ольга.* Коровий праздник. URL: <http://www.russianwomanjournal.com/culture3/102161011.htm> (дата обращения: 27.01.2018).

13. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Пермь : Пушка, 2006. Ч. 1. 368 с.

14. Коломиец О.П. Архаичные формы брака у чукчей в XIX – начале XX века. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1. С. 127–129.

15. Мельничук О.С., Білодід І.К., Коломїєць В.Т. и др. Етимологічний словник української мови. Київ: Наук. думка, 1982. Т. 1. 631 с.

16. Мифология / Папоротник. URL: <http://www.a700.ru/plants/149-paporotnik.html> (дата обращения: 27.01.2018).

17. Энциклопедия «Азаполь». URL: <http://1553.ru/projects/azap/page62.htm> (дата обращения: 27.01.2018).

18. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Политиздат, 1980. 832 с.

19. Головчанский Г.П. К вопросу о завершенности процесса христианизации коми-пермяков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. Вып. 6. С. 182–189.

20. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. 207 с.

21. Грайф Петер. Ад // Simbolarium. URL: <http://www.simbolarium.ru/simbolarium/sym-uk-cyr/cyr-a/ag/ad.htm> (дата обращения: 27.01.2018).

THE KOMI-PERMYAK MYTHOLOGICAL LEXIS AND PHRASEOLOGY AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 107–121.

DOI: 10.17223/22274200/14/6

Ivan A. Podyukov, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: podjukov@yandex.ru

Keywords: mythological and ritual lexis and phraseology, cultural borrowings, dictionary, Komi-Permyak language.

* The study was supported by the Russian Foundation for the Humanities (Project No. 17-14-59001).

The article presents a description of different groups of Komi-Permyak mythological vocabulary and phraseology: nominations of mythological characters and events, mythologised natural phenomena, names of ritual attributes and actions. The corpus of mythologically coloured names and statements, preserved in the language as an element of the archaic tradition, enables to consider the characteristics of Komi-Permyaks' ethnic mentality for their mythological concepts are still a significant element of the ethnic cultural code. The corpus includes original as well as borrowed (first of all, from the Russian language) mythonyms, which underwent language processing in the Komi-Permyak folk speech.

This article thoroughly considers different groups of mythologically coloured vocabulary and phraseology: folk chrononyms; demonyms; ritual terms that indicate stages, situations, participants of birth, wedding, funeral and commemorative, calendar, household, magic rites; names of ritual food and objects; names of symbolic ritual ac-

tions. The names of holidays, in particular, quite often serve as evidence of of the ancient Finno-Ugrian cults of birds, animals, plants (Pikan Day, a holiday at the end of summer connected with a special attitude to the cow-par snip plant *pikan* – “singing grass”; Pester holiday, a commemorative day before the Trinity Sunday, when some funeral food in over-the-shoulder birch-bark wicker baskets is brought to graves to commemorate the deceased parents; the Trinity Sunday; the Swing Day, a Saturday before the Easter). The loss of some folk holidays (such as the Wife’s Change Holiday) and attempts to revive old holidays such as the Sarchik, the Wagtail Day (at the end of May), the Day of the Grass Change, the Horse Holiday, the Cow Holiday are illustrated in detail by the conversational contexts.

Rite terminology vividly demonstrates the close relation of a rite and a myth, the development of a rite from a myth. For example, a Komi-Permyak phrase *Kyoch kutny* (literally “to catch a hare”) is used in the meaning ‘to be last to finish mowing a hay field’, which coincides with the Russian ritual game “to catch a leveret” (Arkhangelsk) and is played at the end of field work. Like in some European folk traditions, one of the spirits personifying earth fertility hides behind the “hare” in this phrase. In describing Biblical expressions that entered the Komi-Permyak language during the adoption of the Christian tradition, following a number of studies, combinations of these Biblical expressions with cultural forms going back to polytheistic paganism, typical of the Komi-Permyaks, is mentioned. Orthodox religious beliefs of the Komi-Permyaks, like their own, are endowed with propitiatory, preventive and productive meanings; they actualise the topic of the worship of the deceased forefathers who symbolise the unity of the clan and are endued with the qualities of a god. The lexico-phraseological material presented in the dictionary is generally non-equivalent; it marks realia specific for the Komi-Permyak ethnic culture. At the same time, particular mythologically coloured nominations of the Komi-Permyak spiritual culture are accordant to the images and plots of other peoples’ cultural traditions.

The suggested ethnolinguistic description of the least documented Finno-Ugrian languages provides insight into how spiritual culture is reflected in the language, and into the cultural-linguistic links of the Komi-Permyaks with the other nationalities of the Kama River region.

References

1. Jacobson, R.O. (1985) *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress. pp. 369–420.
2. Rusinova, I.I. (2012) The problem of lexicographic description of lexical and phraseological units of the semantic field “folk magic” (on the data of the dialects and mythological stories of the Perm Krai). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4. pp. 15–21. (In Russian).
3. Atroshenko, O.V., Krivoshchapova, Yu.A. & Osipova, K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar’* [Russian folk calendar]. Moscow: AST-Press Kniga.
4. Mironenko, I.Yu. (2011) “Mortal knot”: material for the ethno-linguistic dictionary of the Don Cossacks. *Problemy istorii, filologii, kul’tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3. pp. 129–132. (In Russian).

5. Salimov, F.I. & Salimov, R.F. (2014) *Elektronnyy etnolingvistiicheskiy terminologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka* [Electronic ethnolinguistic terminological dictionary of the Tatar language]. Kazan. [Online]. Available from: <http://ethnoling.antat.ru>. (Accessed: 10.09.2017).
6. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [The mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka.
7. Korepina, L.F. (2011) Lexicographical formulation of mythological onomasticon for pupils. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Vestnik PskovSU. Series "Socially-Humanitarian and Psycho-Pedagogical Science"*. pp. 183–187. (In Russian).
8. Krasnykh, V.V. (2014) Main problems of linguistic culture vocabulary and description of grammar (psychological, linguistic and culturological approach). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3 (45). pp. 19–22. (In Russian).
9. Komisc.ru. (n.d.) *Mifologiya komi* [Mythology of the Komi]. [Online]. Available from: <http://www.komisc.ru/illi/folk/myth/2.htm>. (Accessed: 05.09.2017).
10. Kar'yalaynen, K.F. (1996) *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.
11. Eko-jizn.ru. (n.d.) *Den' kachaniya na kachelyakh* [The Swing Day]. [Online]. Available from: <http://eko-jizn.ru/?p=15288>. (Accessed: 27.01.2018).
12. Born, O. (2011) *Koroviy prazdnik* [The Cow Holiday]. [Online]. Available from: <http://www.russianwomanjournal.com/culture3/102161011.htm>. (Accessed: 27.01.2018).
13. Chernykh, A.V. (2006) *Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e* [Russian folk calendar in the Kama region]. Pt. 1. Perm: Pushka.
14. Kolomiets, O.P. (2012) Arkhaichnye formy braka u chukchey v XIX – nachale XX veka. // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1. pp. 127–129.
15. Mel'nichuk, O.S. et. al (1982) *Etimologichnyy slovník ukrainskoy movi* [Etymological dictionary of Ukrainian]. Vol. 1. Kiev: Nauk. dumka.
16. Mythology. (n.d.) *Paporotnik* [Fern]. [Online]. Available from: <http://www.a700.ru/plants/149-paporotnik.html>. (Accessed: 27.01.2018).
17. Encyclopedia "Azapolie". (n.d.) *Senokos* [Hay time]. [Online]. Available from: <http://1553.ru/projects/azap/page62.htm>. (Accessed: 27.01.2018).
18. Frezer, D.D. (1980) *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [Golden branch: a study of magic and religion]. Moscow: Politizdat.
19. Golovchanskiy, G.P. (2009) K voprosu o zavershennosti protsessa khristianizatsii komi-permyakov [On the completion of the Christianization process of the Komi-Permyaks]. *Trudy Kamskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 6. pp. 182–189.
20. Sobolev, A.N. (1913) *Zagrobnyy mir po drevnerusskim predstavleniyam* [The Underworld according to Old Russian ideas]. Sergiev Posad: Tip. Vil'de.
21. Grayf, P. (n.d.) *Ad* [Hell]. [Online]. Available from: <http://www.simbolarium.ru/simbolarium/sym-uk-cyr/cyr-a/ag/ad.htm>. (Accessed: 27.01.2018).

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1.+81'371+81'374.72

DOI: 10.17223/22274200/14/7

Т.М. Воронина

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Объектом интерпретации и оценки являются такие компоненты ситуации речевой деятельности, как произносительные особенности речи; форма речи, особенности изложения; содержание речи; цель говорящего; особенности личности, характера человека, проявляющиеся в его речи. О значимости прагматического компонента оценки в семантике слов могут свидетельствовать также способы их идеографической группировки. Кроме того, в словарях нового типа реализуются дополнительные возможности лексикографической фиксации прагматических компонентов значений.

Ключевые слова: лексика со значением речи, прагматический компонент значения, интерпретация, идеографический словарь.

Речевая деятельность – один из важнейших видов деятельности человека: «Человек мыслится в русской языковой картине мира прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые» [1. С. 39], при этом речевые действия характеризуются особым статусом – они «выполняют роль посредника между ментальной и реальной деятельностью человека, образуя вместе с ними единый комплекс» [2. С. 4]. Не случайно виды речевых действий, их характеристики, способы представления в языке становятся предметом активного изучения (см., например, сб. «Логический анализ языка. Язык речевых действий» [3], словарные статьи «Нового объяснительного словаря синонимов» [4], работы М.Я. Гловинской ([5–7] и др.); в том числе рассматриваются те признаки единиц со значением речевой деятельности, которые связаны с особенностями их употребления, с

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

выражением отношения говорящего (или наблюдателя) к высказыванию, к адресату, к предмету речи, к коммуникативной ситуации в целом и т.д. В свете антропоцентрического подхода к языку исследователи указывают, что «прагматика и прагматическая оценка – область жизненно важных актуальных интересов человека» [8. С. 72]. Прагматические компоненты значения языковых единиц активно исследуются, хотя их инвентарь, способы экспликации и в особенности лексикографической презентации окончательно не разработаны: «Прагматическая информация (эмоционально-оценочная, национально-культурная, идеологическая, гендерная, социальная и др.) концептуально не осмыслена как объект лексикографического описания и представлена неполно, непоследовательно и зачастую спорна» [9. С. 8].

Безусловно, тесная взаимосвязь семантического, когнитивного и прагматического уровней в структуре языковой личности и разнообразие их реализаций в значениях слов с семантикой речи требуют особого подхода к лексикографированию подобных слов. Исследователи подчеркивают значимость выявления их прагматической специфики: «Описывая осуществленный другим лицом речевой акт (РА), говорящий далеко не всегда может претендовать на роль беспристрастного репортера; часто он вносит в свое описание ту или иную интерпретацию скрытых намерений субъекта РА, дает оценку уместности данного речевого действия или его содержания <...> Толкования языковых средств описания речевых актов, в первую очередь глаголов речи, должны предусматривать интерпретативный компонент» [10. С. 49].

Как видим, интерпретацию связывают с оценкой; хотя в современных исследованиях наблюдается сужение границ интерпретации, например в рамках московской семантической школы. Так, Ю.Д. Апресян говорит об особом лексикографическом типе интерпретационных глаголов, которые «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [11. С. 146]. Оценка, в свою очередь, являясь категорией сложной и многомерной, имеет давнюю традицию изучения, хотя вопросы объема, содержания этого понятия, типов оценок в языке и т.п. не имеют однозначного решения. Так, обычно в структуру оценки включают следующие компоненты: субъект, объект, основание оценки, саму оценку (см.: [12–15]); при более широком пони-

мании, в соответствии с которым «оценочное отношение – род ментального познавательного отношения между субъектом и объектом когниции», в структуре оценочного отношения выделяются субъект, объект, основание, модус, норматив и релятор оценки [8. С. 72]. При этом в оценке взаимодействует объективное и субъективное: «...субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки («нравится / не нравится»), а с другой стороны, на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки» [15. С. 16].

Рассмотрим подробно типы прагматических компонентов слов с семантикой речи и способы их представления в идеографических словарях русского языка.

Идеографические словари – это словари прежде всего активного типа: одна из их основных целей – показать, предоставить наиболее адекватные средства выражения того или иного смысла, отображения той или иной понятийной сферы. Акцентируя внимание на том, что активный словарь ориентирован на интересы говорящего, Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская отмечают: «В активном словаре, как в одноязычном, так и в переводном, мы ожидаем увидеть максимально полную информацию о слове и сведения коммуникативно-прагматического характера, способствующие успешному включению языковой единицы в процесс реальной коммуникации» [9. С. 11].

В состав многих групп слов, репрезентирующих речь, входит большое количество прагматически маркированных единиц. О значимости прагматического компонента оценки в семантике слов могут свидетельствовать сами способы группировки таких слов в идеографических словарях. Так, например, в четвертом томе «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой [16] среди глаголов со значением «Информация, передача, получение сообщения. Обмен информацией» выделяются как самостоятельные, в частности, такие группы и подгруппы: «Хвастливое обещание», «Резкая речь», «Неуместная, необдуманная речь», «Болтовня, пустословие», «Неполная, прерванная, ошибочная, неумелая речь». Эти группы выделены не только на основании дифференциальной семантики, но и на основе оценочного компонента значения, ср. обнаруживаемые в словарных дефинициях компоненты значений слов, входящих в подобные названия групп:

хвастливый '2. Содержащий в себе хвастовство, исполненный хвастовства'; *хвастовство* 'Неумеренное восхваление своих достоинств (часто мнимых), поступков и т. п.' (здесь и далее словарные дефиниции приводятся по [17]) – прагматические компоненты 'интенсивность' и 'рациональная оценка';

резкий '5. Лишенный мягкости, учтивости; дерзкий, грубый'; *грубый* '4. Отличающийся отсутствием необходимого такта' – компонент 'нормативная оценка';

пустословие 'Пустая болтовня, бесполезные разговоры'; *пустой* '4. *перен.* || Бессодержательный' – утилитарная и рациональная оценка.

В «Функционально-когнитивном словаре русского языка» Т.А. Кильдибековой и др. [18] также можно видеть подобные названия подгрупп слов сферы «Говорить», в которых явлены прагматические компоненты семантики: *говорить неприятные слова* – эмоциональная оценка с точки зрения адресата речи; *говорить неприличные, непристойные слова* – этическая оценка с точки зрения наблюдателя; *говорить бессмысленные, глупые слова* – рациональная оценка с точки зрения наблюдателя; *говорить / сказать что-л. публично* – социальный компонент, характеризующий ситуацию коммуникации; *велеть* – социальный компонент, характеризующий статусные отношения участников коммуникации и т.п.

В проекте «Большой комплексный словарь-тезаурус русского языка» под рук. Л.Г. Бабенко (его синоптическую схему см.: [19]) в денотативно-идеографической сфере «Речь» наряду с группами, сформированными по лексико-семантическому принципу («Характеристики речи», «Речевое сообщение», «Речевое общение», «Речевое воздействие»), выделена группа «Характеристика человека по особенностям речи», куда вошли слова типа *болтливый, велеречивый, ворчун, клеветник, молчальник, трещотка, хвастливый* и под., которые помимо дифференциальной семантики характеризуются также сильным оценочным компонентом. В составе других вышеназванных групп в сфере «Речь» также значительное количество прагматически маркированных единиц.

При этом надо учитывать, что, во-первых, прагматические характеристики могут касаться как речевого акта в целом, так и отдельных его элементов и параметров. Например, М.Я. Гловинская, говоря о важнейших, «сквозных» признаках, «которые являются специфическими для всех или многих глаголов со значением речевого акта» [6.

С. 18], к таким признакам относит оценку содержания, формы или самого факта сообщения. Во-вторых, речь может оцениваться с различных точек зрения – сенсорной, этической, утилитарной и др. (см. типы оценочных значений в известной классификации Н.Д. Арутюновой [12. С. 198–199]). И в-третьих, уже на основании частной оценки дается общая оценка (хорошо / плохо).

Анализ семантики и употребления слов со значением речи показал, что объектом интерпретации и оценки являются следующие компоненты ситуации речевой деятельности.

1. Речь может оцениваться с точки зрения особенностей ее звучания, произношения. Хорошо слышимая, различаемая во всех подробностях речь (*внятный, отчетливый, чеканный, четкий, членораздельный, явственный, ясный*) лучше воспринимается, привлекает внимание слушающего, способствует пониманию, т.е. оценивается положительно как в сенсорном аспекте, так и в интеллектуальном: *Высокий, как бы слегка крикливый тон, чрезвычайно **отчетливая** дикция, удивительное умение показать рельефно важные стороны предмета – все увлекало слушателей, постоянно будило их внимание...* (Л. Гумилевский. Зинин (главы из повести) // «Химия и жизнь», 1965) (здесь и далее примеры из [20]); *Извиняйся как следует: **четко, отрывисто, внятно!*** (В. Астафьев. Печальный детектив. 1982–1985). Наоборот, речь, с трудом воспринимаемая на слух, в которой звуки речи плохо выделяются, различаются, не противопоставлены друг другу (*невнятный, косноязычный, неотчетливый, неразборчивый, нечеткий, нечленораздельный, неясный*), оценивается отрицательно: *Валек в ответ пробормотал что-то **неразборчивое**. Леха еще раз внимательно всмотрелся в нас и, ничего не поняв, представил двух новых товарищей, пояснив, что они, как я и думал, с соседнего поселка* (З. Прилепин. Верочка. 2011). Интонационное однообразие речи, репрезентируемое лексемами *ворчать, брюзжать, бурчать, бухтеть, бубнить, дудеть, жужжать* и под., оценивается отрицательно, поскольку монотонность речи мешает ее нормальному восприятию (сенсорная оценка) и воспринимается как скучная, надоедливая (эмоциональная оценка): *Ему уже порядком надоел толстый приставучий человек, который о чем-то **брюзжит** над самым ухом и мешает* (А. Троицкий. Удар из прошлого. 2000); *<...> до мальчика доносился вялый, скрипучий и странно высокий и тихий для грузной фигуры голос, что-то нудно бубнивший бабушке про неумеренно до-*

рогой стол и слишком большое количество приглашенных <...> (А. Варламов. Купавна // «Новый мир», 2000). Параметр чрезмерной громкости речи, включенный в семантику глаголов *кричать, галдеть, вопить, горланить, орать* и под., также связан с отрицательной оценкой, поскольку слишком громкая речь раздражает слух; кроме того, в громком разговоре нескольких говорящих трудно расслышать и понять отдельные слова, фразы. Например: *Как всегда, он говорил прекрасно, только слишком орал, и мне показалось, что в театре его не научили говорить потише* (В. Каверин. Два капитана. 1938–1944); *Все галдят так, что у меня уши заложил*. *Что ж это за люди такие, они все время разговаривают!* (А.В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее. 2009). Чрезмерно ускоренный темп речи (*болтать, стрекотать, тараторить, тарахтеть* и под.) обычно вызывает неодобрение, так как такая речь трудно воспринимается и утомляет: – *Беда! Большие проблемы у нас, – затараторил Мустафа. – Подожди. Не трещи так быстро. Говори толком* [А. Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]. При этом скорость часто сочетается с громкостью, что подчеркивается внутренней формой – метафорическим уподоблением речи резким частым звукам, издаваемым животными или производимым работающим механизмом. Иногда быстрая речь может оцениваться положительно – если подключается гендерный компонент семантики и имеется в виду женская речь: *Мило щебетали очаровательные дочери Алекс и Жоржета* <...> (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца. 1988). С точки зрения особенностей выговора оценка всегда нормативная (т.е. речь осознается как неправильная, не соответствующая нормам произношения), однако не всегда отрицательная. Ср.: *гнусавить, гнусить, гундосить, картавить, шепелявить* – по преимуществу отрицательная; напротив, *пришепetyвать* – возможна положительная оценка, так как дефект речи выражен в незначительной степени, кроме того, на оценку влияет положительное отношение к человеку – субъекту говорения: *Круглое лицо ее смеялось, большой рот уютно пришепetyвал* (А.Н. Толстой. Хожение по мукам. Кн. 3: Хмурое утро. 1941); *грассировать* – оценка по преимуществу положительная за счет подключения эстетического компонента, произношение звука «р» с гортанным призвуком и обычно с удлинением, как произносят его французы, чаще всего оценивается окружающими как придающее выговору необычность, своеобразие: *Кто ее учил и чему – мы не знали; по-*

видимому, воспитание было чисто еврейское, но, посещая с Басей христианские дома, она научилась говорить по-польски и по-русски довольно чисто, только как-то *особенно, точно урчащая кошечка, грассируя* звук – р (В.Г. Короленко. Братья Мендель. 1915); неправильная, несвязная детская речь также оценивается положительно, здесь более значимыми оказываются положительные эмоции не столько по отношению к речи, сколько к самому ребенку: *Мы с упоением наблюдаем, слушаем, как лепечет наш маленький ребенок <...>* (В. Токарев. Мы старались дать зрителям надежду // «Театральная жизнь», 2004. 23 февр.).

2. Речь может оцениваться с точки зрения ее формы, особенностей изложения. С этической точки зрения осуждается использование в речи грубых слов и выражений (*брань, вульгарный, грязный, сквернословить* и под.); хотя возможно и положительное к ним отношение, основанное на телеологической оценке их как удачно употребленных в речи, если они выражают сильные эмоции, воспринимаются как «хлесткие», выразительные, способные воздействовать на собеседника (*крепкий, забористый, соленый, ядреный*): *Он любил устраивать красноармейские митинги: речи его нравились, говорил он просто, много шутил, употреблял иногда довольно-таки **крепкие, грубые** слова* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1. 1960). С этической точки зрения отрицательно оценивается и выражение отрицательного отношения, недовольства в слишком резкой форме (*гаркать, орать, крыть, хаять* и под.), так же как и неумеренная или незаслуженная похвала (*лесть, дифирамбы, пиарить, превозносить, славословие* и под.). В семантике подобных слов реализуется также такой прагматический компонент, как «вертикальные» статусные отношения участников коммуникации: *Шухов <...> вваливая клубы морозного пара, вошел внутрь и быстренько притянул за собой дверь (спеша, чтоб не крикнули на него: «Эй, ты, вахлак, дверь закрывай!»)* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича. 1961); *У отца были слабые струны, – он мог сомневаться, он был доверчивее, грубее, резче; он был проще, его можно было провести такому хитрецу, как Берия. <...> **Льстил, славословил** так, что старые друзья морились от стыда, – они привыкли видеть в отце равного товарища...* (С. Аллилуева. Двадцать писем другу. 1963). С эстетической и нормативной точки зрения оценивается чрезмерная усложненность, необычность формы высказывания (*витиеватый, вычурный, кудрявый, цветистый, кудрева-*

мый, цветастый). Речь, характеризующаяся такими признаками, сложна для восприятия. Она может оцениваться положительно как своеобразная, имеющая архаический оттенок или восточный колорит, а может оцениваться отрицательно как нарочитая, манерная, неестественная, как способ привлечь к себе внимание, ср.: *В таких случаях он начинал говорить несколько старомодным, витиеватым, но удивительно обаятельным для молодежи языком* (Д. Гранин. Искатели. 1954); *Первое письмо, полученное Грушенькой, было длинное, на почтовом листе большого формата, запечатанное большою фамильною печатью и страшно темное и витиеватое, так что Грушенька прочла только половину и бросила, ровно ничего не поняв* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. 1880). С нормативной точки зрения отрицательная оценка дается длительности речи. Существует некоторое представление об обычной длительности, на фоне которой слишком долгая речь (*витийствовать, длинноты, жуужжать, многословный, пространный, пережевывать, растянутый, разглагольствовать* и под.) оценивается как утомительная, скучная, а слишком краткая (*однословный, односложный, скупой, телеграфный*) – как неинтересная и малоинформативная, т. е. и в том и в другом случае подключается интеллектуальная оценка содержательной стороны речи: – *Разве Вы не видите, Олечка, что они все с ума сошли, о чем и что они говорят? И до каких пор будут разглагольствовать, говоруны проклятые* (О.А. Бессарабова. Дневник. 1917); *Сейчас так не пишут. Сейчас так длинно, пышно, развесисто, под Толстого, а у старика какой-то поганый телеграфный стиль* (Ю.В. Трифонов. Время и место. 1980); *Я у тебя много раз спрашивал как у тебя дела – и ты мне отвечаешь обычно односложно «нормально», «как обычно». без всякого продолжения, то есть действительно кажется как будто просто отмахнуться* [Переписка в icq между agd-ardn и Герда. 2008. 2 марта). Как видим, нормативная шкала длительности речи содержит представление об обычном, нормальном размере высказывания (хотя однословное выражение этой точки шкалы отсутствует), содержит безоценочное представление о размере высказывания меньше нормы (*краткий*) и больше нормы (*подробный*), и, наконец, оценочные представления о чрезмерно кратком или чрезмерно длинном высказывании. Несколько другая структура характерна для оценки такого качества изложения, как логичность: как нормативное осознается именно соответствие законам логики (*логичный, последовательный, связный,*

складный, стройный), а несоответствие (нелогичный, непоследовательный, противоречивый, путаный и под.) оценивается отрицательно, ср.: *В этой главе придется немного отступить от последовательного описания событий <...>* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. 1958); *Но вторая часть труда, этот сброд легенд, песней, ни с чем не вяжущихся эпизодов есть что-то вроде непоследовательной дрянной болтовни* (А.В. Дружинин. Дневник. 1845).

3. Рассмотрим отдельно оценку содержания речи. Отрицательная интеллектуальная и утилитарная оценка дается речи, которая характеризуется бедным содержанием, отсутствием значимой информации, лишением глубины мысли (бессодержательный, беспредметный, болтать, неинформативный, пустой, пустословить и под.); высказываниям, не соответствующим действительности и глупым, несерьезным по содержанию (болтать, бред, молоть, пороть и под.). Произнесение подобных речей противопоставляется способности говорить по делу, кратко и емко выражать мысли; кроме того, связывается с ситуациями праздного времяпрепровождения, противопоставляется полезной деятельности: – *Ему бы только болтать о пустяках, вот его дело. <...> Мы иной день не евши сидим, а он придет с разговорами только оскомину набивать* (А.Н. Островский. Не было ни гроша, да вдруг алтын. 1872). Сообщаемое может интерпретироваться и с эстетической и с телеологической точек зрения – когда что-л. сказано удачно, к месту / неудачно, не вовремя, ср.: *вернуть, выдать, отпустить / сказануть, брякнуть, загнуть*. С этической точки зрения отрицательно оценивается несоответствие сообщения действительности (*лгать, измышления, небылица, сплетничать, клеветать* и под.), интерпретируемое как намеренное введение кого-л. в заблуждение. Последний названный признак (цель говорящего) включен в семантику многих слов со значением речевой деятельности, поэтому также должен быть рассмотрен отдельно.

4. С точки зрения целей говорящего речь интерпретируется достаточно подробно. Параметр цели и ее оценки может быть основанием разграничения синонимичных лексем и рядов. Например: *шутить / пошутить, острить / сострить, острословить, разг. балагурить, разг. остроумничать, разг. хохмить / схохмить, разг.-сниж. прикалываться / приколоться* 'говорить / сказать что-л. не всерьез, с целью вызвать смех, веселье, ослабить напряжение в общении, поднять

настроение себе и окружающим, возможно, привлечь к себе внимание, произвести хорошее впечатление⁷ – все лексемы этого ряда выражают положительную оценку (эмоциональную, интеллектуальную, телеологическую), ср.: *Всегда радостный, он старался, чтобы и окружающие восприняли хотя бы часть этого настроения, старался подбодрить, порадовать, пошутить* (Прот. А. Головин. 2004 // «Журнал Московской патриархии», 2004. 27 сент.); – *Облако белое, – смеется Марвич. – Облако в клешах. Это он шутит, острит без злобы* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора. 1963); о том, что речевые действия с подобными целями оцениваются положительно, дополнительно свидетельствует то, что отрицательно оцениваются неудачные остроты, неумение шутить: *Только доктор был глуп и, естественно, не умел шутить: оттого все потом и вышло* (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). Исключение составляет глагол *остроумничать*, значение которого содержит отрицательную телеологическую оценку – ‘стараться острить, быть остроумным; употр. по отношению к людям, которые пытаются острить, но делают это неудачно’: *Кто только не остроумничал по поводу пристрастия молодых писателей, – главным образом, поэтов, – к «проклятой курноске», как говорил вечно думавший о смерти Петр Ильич Чайковский, и сколько было в этом юморе, нередко опускавшемся до откровенного зубоскальства, сколько было в нем близорукости и несправедливости!* (Г.В. Адамович. Одиночество и свобода. 1955).

Если цель говорящего – представить объект речи в смешном, жалком виде, выразить свое отрицательное отношение к нему, показать свое превосходство (*насмехаться, высмеивать / высмеять, глумиться, издеваться, разг. куражиться* и под.), таким речевым действиям дается отрицательная этическая оценка: *И теперь она сердито, всерьез возражала ему, защищая свою подругу: «Ты всегда насмехаешься над теми, кто мне близок»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1. 1960). Резко отрицательная этическая оценка дается речевым действиям, при которых цель говорящего – обвинить кого-л. в чем-л. предосудительном, добиться его наказания, при этом, возможно, получить выгоду для себя (*доносить, клеветать, очернить* и т. п.). Неискренняя похвала или согласие с целью добиться расположения собеседника (*льстить, захваливать, поддакивать, подпевать* и под.) также оцениваются отрицательно с этической точки зрения: – *Строишь ты, Звездочетова, из себя королеву. А эти, как дурочки, подпевают, при-*

служницы и рабыни. Не стыдно? Ну чего вы? Своей головы нет, что ли? (Л.Г. Матвеева. Продленка. 1987).

5. Наконец, оцениваться могут особенности личности, характер человека, проявляющиеся в его речи. Так, склонность человека много, долго говорить оценивается положительно или отрицательно с интеллектуальной точки зрения в зависимости от степени проявления такой склонности: *разговорчивый, говорливый, словоохотливый, разг. речистый* 'охотно и легко завязывающий разговор, умеющий поддержать разговор, при этом часто являющийся интересным, приятным, веселым, остроумным собеседником' – такой признак оценивается окружающими положительно; однако разговорчивость может вызывать и неодобрение, если человек говорит чрезмерно долго, пространно, повторяет одно и то же (*болтливый, многословный, разг.-сниж. трепливый*). Признак речи, выражающей решительность, отсутствие сомнений говорящего в себе, в своей правоте, в том, что сообщается, проявляющийся в легкости произнесения, написания (*уверенный, бойкий*) оценивается положительно, тогда как неуверенность, нерешительность говорящего, проявляющиеся в замедленности, затрудненности речи (*мямлить*), оцениваются отрицательно. Многие качества речи, связанные с личностью говорящего, оцениваются с нормативно-этической точки зрения. Так, например, осуждается склонность человека постоянно высказывать недовольство, в том числе в форме насмешки (*ворчливый, брюзгливый, сварливый, критиканствовать, придирчивый, привязчивый, желчный, злоязычный, разг. язва, разг.-сниж. пила* и под.). Эмоциональную отрицательную оценку, раздражение вызывает также человек, склонный постоянно и надоедливо жаловаться на что-л. (разг. *плакаться*, разг. *хныкать*, разг. *жалобщик*, разг. *нытик* и под.): Будяев бессовестно **Н**ЫЛ, повторяя как заведенный, что у него сердце не выдержит напряжения, пока я не сказал, разозлившись, что, если услышу об этом еще хоть слово, погоню его не только к нотариусу, но и в банк, и в департамент... (А. Волос. Недвижимость. 2000 // «Новый Мир», 2001). Склонность за глаза осуждать и осуждать других людей (*сплетничать, злословить, судачить* и т.п.) оценивается в обществе отрицательно, хотя если подобные разговоры носят несерьезный, незлой характер, то они могут вызывать снисходительное отношение, о чем говорит, например, возможность употребления глагола в форме первого лица: – *Ольга Петровна / доброе утро. Выглядите сегодня отлично. Мне очень нравит-*

ся / как вы работаете / я давно за вами наблюдаю. Заходите ко мне / поболтаем / **посплетничаем** (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман, к/ф. 1977). С этической точки зрения отрицательно оценивается неспособность хранить свои и чужие секреты: *разглашать, разносить*, разг. *выболтать*, разг. *болтун*, разг.-сниж. *трепло* и под. Неэтичным считается полагать себя умнее других и поэтому подавать непрошенные советы, показывая тем самым свое превосходство (*поучать, указывать, учить*). Статусные отношения собеседников естественным образом акцентируются в семантике слов со значением просьбы, однако дополнительную отрицательную оценку получает ситуация, когда говорящий просит о чем-л. назойливо, неотступно, часто стараясь разжалобить собеседника и подчеркнуть его значимость и способность помочь, а свое положение представить худшим, чем на самом деле: *клянуться*, разг. *клянчить*, разг. *канючить* и под.; такие речевые действия часто воспринимаются как унижающие говорящего, поэтому вызывают неодобрительное отношение.

Рассмотрим способы представления прагматических компонентов слов с семантикой речи на материале словарей и словарных проектов уральской семантической школы под руководством Л.Г. Бабенко.

В словарных статьях «Универсального идеографического словаря русского языка» [21] отсутствует специальная зона для прагматической информации, поэтому используются традиционные способы ее представления: пометы, иллюстрации и уточняющие комментарии в толковании. Приведем несколько примеров описания слов в составе группы «Речевое общение» (в составе дефиниций нами подчеркнуты репрезентанты семантических компонентов, связанных с характеристикой ситуации общения в целом или отдельных ее элементов, статусов участников общения, цели разговора и т.п.):

БОЛТОВНЯ. Разг. 1. Легкий, непринужденный разговор. 2. Бесполезные, пустые разговоры [Там же. С. 128].

ДЕБАТЫ; мн. *Книжн.* 1. Обсуждение какого-л. вопроса на собраниях, высказывание мнений при обсуждении чего-л. 2. Публичная дискуссия по общественно значимым вопросам, в которой участники стремятся доказать свою точку зрения аудитории, а не друг другу [Там же. С. 137].

ПРЕПИРАТЬСЯ. Разг. *Неодобр.* Спорить (в устной форме), высказывая многократные возражения друг другу, обычно по какому-л. незначительному поводу [21. С. 138–139].

ПРЕРЕКАТЬСЯ. Препираться (чаще с кем-л. более старшим, с начальником и т.п.) [21. С. 139].

В проекте «Большой толковый словарь синонимов русской речи...» [22], кроме традиционных способов представления прагматической информации (пометы, иллюстрации, комментарии в словарной статье, посвященной каждому отдельному слову в составе синонимического ряда), Л.Г. Бабенко вводит словарные зоны «Семантическая идея» и «Прототип»: «Семантическая идея – это сформулированная в обобщенном виде типовая семантика, характерная для всех слов – членов синонимического ряда. Содержание зоны Прототип формулируется на основе семантической идеи и предполагает репрезентацию в обобщенном виде всей совокупности семантических признаков, свойственных словам – членам синонимического ряда» [23. С. XVIII]. Таким образом, представляются соответственно общая семантика ряда и разного рода дополнительные сведения, дополнительная информация (в частности, оценочная, образная, экстралингвистическая, культурологически или идеологически значимая и т. п.), устойчиво связанная с теми смыслами, которые выражаются словами данного синонимического ряда.

Например, рассмотрим толкования конкретных глаголов в составе ряда с доминантой *замечать* и формулировки семантической идеи и прототипа:

проронить 'Перен. Сказать, заметить кратко, негромко, после некоторого молчания, проявляя сдержанность, нерешительность или, наоборот, высокомерие по отношению к собеседнику; будто уронив сквозь что-либо небольшой предмет' [22. С. 446];

ронять 'Перен. Говорить / сказать, замечать / заметить медленно, с паузами, выражая значимость сообщаемого; или вскользь, небрежно, выражая свое превосходство по отношению к собеседнику, или отрывисто, односложно, нехотя, не имея намерения продолжать разговор; будто заставляя слова падать одно за другим' [Там же].

Семантическая идея: произносить / произнести слово, несколько слов, короткую фразу, выражая свое суждение по поводу чего-л. [Там же. С. 445].

Прототип: в определенный момент разговора произносить / произнести слово, несколько слов, короткую фразу, которые содержат попутную информацию комментирующего, уточняющего характера, с целью привлечь внимание собеседника, воздействовать на него, выра-

зять свое суждение по поводу чего-л. Данные глаголы обозначают, как правило, однократное речевое действие, которое образно соотносится с конкретным физическим действием – перемещением небольшого предмета [22. С. 445].

В данном случае интерпретативный компонент не отражен в зоне прототипа, так как доминанта – называющая, а члены ряда – интерпретирующие, выражающие различные оценки (*заметить vs вернуть vs вякнуть*).

Если же оценка прототипична, то она отражается в зоне прототипа, в общем случае в такой формулировке: *данное речевое действие квалифицируется говорящим как ... (мешающее восприятию, надоедливое, не соответствующее правилам общения и т. д.) и оценивается... (положительно / отрицательно)*.

Приведем фрагмент словарной статьи синонимического ряда с доминантой *напыщенный* из [Там же]:

Напыщенный, высокопарный, громкий, пышный, *книжн.* выпененный, *книжн.* риторический, *книжн.* риторичный, *книжн.* ходульный, *устар.* или *ирон.* велеречивый, *устар.*, *книжн.* выпененный, *устар.* фразистый, *разг.* надутый, *разг.* трескучий.

Семантическая идея: отличающийся чрезмерной торжественностью, искусственной приподнятостью, обычно неуместной, и при этом малосодержательный (о словах, речи, тексте, манере говорить).

Прототип: отличающийся чрезмерной торжественностью, искусственной приподнятостью, особой значительной интонацией, излишней украшенностью, обычно неуместной (о речи, преим. устной, тексте, слоге, манере говорить). Если такими словами характеризуют высказывание, текст, то чаще всего имеют в виду, что в них нет глубокого смысла, хотя говорящий или пишущий считает себя, свои слова, предмет речи значительными, важными. Речь, для которой характерны такие признаки, часто является неискренней, вводит в заблуждение, не подтверждается действиями и поэтому обычно оценивается окружающими отрицательно или по крайней мере иронически [Там же. С. 438].

Таким образом, объектом интерпретации и оценки являются следующие компоненты ситуации речевой деятельности:

1) произносительные особенности речи (внятность / невнятность, интонационное однообразие, чрезмерная громкость, ускоренный темп, особенности выговора);

2) форма речи, особенности изложения (выражение отрицательного отношения, недовольства в слишком резкой форме и использование грубых слов и выражений; неумеренная или незаслуженная похвала, чрезмерная усложненность, необычность формы высказывания; чрезмерная длительность или краткость речи; логичность / нелогичность);

3) содержание речи (бедность содержания, отсутствие значимой информации; несоответствие сообщения действительности; соответствие / несоответствие ситуации – удачно, к месту / неудачно, не вовремя);

4) цель говорящего (вызвать смех, веселье / представить кого-, что-л. в смешном, жалком виде; обвинить кого-л. в чем-л. предосудительном, добиться его наказания, при этом, возможно, получить выгоду для себя; неискренняя похвала или согласие с целью добиться расположения собеседника);

5) особенности личности, характер человека, проявляющиеся в его речи (склонность много, долго говорить; решительность, отсутствие сомнений говорящего в себе, в своей правоте/неуверенность, нерешительность; склонность постоянно высказывать недовольство, в том числе в форме насмешки; склонность постоянно и надоедливо жаловаться на что-л.; склонность за глаза обсуждать и осуждать других людей; неспособность хранить свои и чужие секреты; униженность в ситуации просьбы).

При этом в идеографических словарях, помимо традиционных способов представления прагматической информации (пометы, иллюстрации, уточняющие комментарии в толкованиях), реализуются дополнительные возможности лексикографической фиксации прагматических компонентов значений: на уровне макроструктуры словаря – сами способы группировки лексем, когда группы выделяются не только на основании дифференциальной семантики, но и на основе оценочного компонента значения; на уровне структуры словарной статьи идеографического словаря синонимов – введение дополнительной зоны, в которой фиксируются и обобщаются прагматические компоненты (в частности, оценочные, образные, культурологические, социальные, идеологические и т.п.), если они являются прототипичными для всего синонимического ряда и содержатся в значениях всех слов – членов этого ряда.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 3–5.

3. Логический анализ языка. Язык речевых действий. М. : Наука, 1994. 188 с.

4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Москва ; Вена : Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. (Studia philologica).

5. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.

6. Гловинская М.Я. Система общих семантических признаков для описания речевых актов: Оценка говорящим речевого акта // Проблемы русской лексикографии : тез. докл. междунар. конф. 6-е Шмелевские чтения, 24–26 февраля 2004 г. М., 2004. С. 18–21.

7. Гловинская М.Я. Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 403–416.

8. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с.

9. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Универсальный и активный словарь: развитие лексикографической традиции или возвращение к истокам // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 7–23. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.01.

10. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 49–59.

11. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.

12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с. (Язык. Семиотика. Культура).

13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с. (Лингвистическое наследие XX века).

14. Ивин А.А. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 228 с.

15. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с.

16. Классификация лексики // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4: Глагол. М. : РАН ИРЯ, 2007. 952 с. // Словари.ру [сайт]. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672> (дата обращения: 10.03.2018).

17. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (дата обращения: 10.03.2018).

18. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сферы «Говорить», «Мыслительная деятельность»). Ч. 3 / Т.А. Кильдибекова и др. Уфа : РИО БашГУ, 2006. 248 с.

19. Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографиче-

ский словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. С. 22–42.

20. *Национальный корпус русского языка* [сайт]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2018).

21. *Универсальный идеографический словарь русского языка* : проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. 208 с.

22. *Большой толковый словарь синонимов русской речи // Идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 753 с. (Фундаментальные словари).

23. *Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. С. XV–XXVI.

PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF SPEECH AND THEIR LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION IN IDEOGRAPHIC DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 122–140.

DOI: 10.17223/22274200/14/7

Tatyana M. Voronina, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tmv313@yandex.ru

Keywords: words denoting speech; pragmatic element of meaning; interpretation; ideographic dictionary.

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project 16-18-02005).

This article analyzes pragmatic elements of words denoting speech and methods of their representation in ideographic dictionaries of the Russian language.

Ideographic dictionaries often organize words not only on the basis of differential semantics but also in the way which stresses the importance of evaluative components in their meanings (for example, ‘Hasty and Inappropriate Speech’, ‘Informal Talking and Conversation’, and so on). It is not only a speech act as a whole but also its specific elements and aspects which can be interpreted and evaluated (according to M.Ya. Glovinskaya, these aspects include the content and the form of the utterance as well as the very fact that it was made). Moreover, a speech act can be interpreted or evaluated according to different parameters (for example, N.D. Arutyunova points out aesthetic, ethical, utilitarian and other kinds of evaluation). Taking into consideration these parameters, the speaker evaluates the speech act positively or negatively. Discussing the types of pragmatic elements of words denoting speech and methods of their representation, this article draws on the material provided by the dictionaries and dictionary projects of the Ural Semantic School led by Lyudmila Babenko.

The author makes a conclusion that the following components of a speech situation are the objects of interpretation and evaluation:

(1) pronunciation features of speech: distinctiveness or indistinctiveness of articulation; monotonous intonation; excessive volume (loudness); fast tempo; accent;

(2) manner of speaking: for example, speak in a complex or original way; speak abruptly or profusely, consistently or inconsistently;

(3) content of speech: lack of significant information; discrepancy between the message and reality; adequacy/inadequacy to the situation;

(4) purpose of the speaker: for example, presenting somebody or something as ridiculous or pathetic; insincere praise or flattery; showing agreement with the interlocutor in order to ingratiate oneself with him or her;

(5) personality traits and temper expressed through speech: chattiness; determination; confidence or lack of confidence; indecisiveness; propensity to moan, complain endlessly and express dissatisfaction in an annoying manner, also in the form of mockery; a habit of discussing people behind their backs; inability to keep one's own and other people's secrets; considering it demeaning or humiliating to ask for a favour.

The dictionaries of the new type reflect pragmatic elements of meanings more effectively than the older ones.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka* [The image of a person according to the language]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1. pp. 37–67.

2. Arutyunova, N.D. (1994) *Ot redaktora* [From the editor]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of the language: The language of speech actions]. Moscow: Nauka.

3. Arutyunova, N.D. (ed.) (1994) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of the language: The language of speech actions]. Moscow: Nauka.

4. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Venskiy slavisticheskiy al'manakh.

5. Glovinskaya, M.Ya. (1993) *Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov* [The semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning: Communicative and pragmatic aspect.]. Moscow: Nauka.

6. Glovinskaya, M.Ya. (2004) *Sistema obshchikh semanticheskikh priznakov dlya opisaniya rechevykh aktov: Otsenka govoryashchim rechevogo akta* [The system of common semantic features for the description of speech acts: Evaluation of the speech act by the speaker]. *Problemy russkoy leksikografii* [Problems of Russian lexicography]. Abstracts of the International Conference 6-e Shmelevskie chteniya, 24–26 fevralya 2004 g. 6th Shmelev Readings, February 24–26, 2004. Moscow. pp. 18–21. (In Russian).

7. Glovinskaya, M.Ya. (2000) *Glagoly so znacheniem peredachi informatsii* [Verbs with the meaning of information transfer]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: Nauka.

8. Nikitin, M.V. (2003) *Osnovaniya kognitivnoy semantiki* [Fundamentals of cognitive semantics]. St. Petersburg: Herzen RSPU.
9. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) Universal and active dictionaries: development lexicographic traditions or return to the roots. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (30). pp. 7–23. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.01
10. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1994) Otsenochnye rechevye akty izvne i iznutri [Evaluative speech acts from the inside and the outside]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of the language: The language of speech actions]. Moscow: Nauka.
11. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2006) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
13. Vol'f, E.M. (2002) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
14. Ivin, A.A. (1970) *Osnovaniya logiki otsenok* [The basis of the evaluation logic]. Moscow: Moscow State University.
15. Rezanova, Z.I. (ed.) (2005) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Shvedova, N. Yu. (ed.) (2007) Klassifikatsiya leksiki [Classification of vocabulary]. In: *Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 4. Moscow: IRL RAS. [Online]. Available from: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0>.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.17223/22274200/14/8

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ» (г. Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 8 декабря 2017 г.)

---

8 декабря 2017 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (РАН) прошла международная научная конференция «Современные проблемы авторской лексикографии». Конференция была организована отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики на базе семинара «Теория и практика авторской лексикографии», отметившего в 2017 г. свое десятилетие.

Заседание открыл заместитель директора Института русского языка академик РАН В.А. Плунгян. Он подчеркнул, что авторская лексикография давно входит в число направлений научных исследований института. Сотрудниками разных отделов создаются такие многотомные труды, как «Словарь языка Достоевского», «Словарь языка русской поэзии XX века», «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». Не случайно именно в ИРЯ РАН был организован научный семинар «Теория и практика авторской лексикографии», призванный координировать деятельность составителей словарей языка писателей, поэтов, ученых, философов.

Далее о семинаре рассказала его руководитель, ведущий научный сотрудник института Л.Л. Шестакова. Она отметила, что за десять лет работы на заседаниях семинара прозвучало более 80 докладов, значительная часть которых была посвящена разным лексикографическим проектам – как уже вышедшим авторским словарям, так и находящимся в работе. Л.Л. Шестакова напомнила, что первыми докладчиками стали Н.Н. Перцова, составитель известного «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова», и В.В. Краснянский, автор «Словаря эпитетов Ивана Бунина». В дальнейшем на семинаре выступали Ю.Н. Караулов, Д.М. Поцепня, О.Г. Ревзина, А.Я. Шайкевич и многие другие исследователи, в том числе молодые, из разных вузов и науч-

но-исследовательских учреждений, из разных регионов России и зарубежных стран (подробнее см. информацию на сайте ИРЯ РАН: http://www.ruslang.ru/seminar_aut_lexicogr).

Конференция началась с доклада **В.С. Елистратова** (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) «Словарь языка Н.С. Лескова: послание в XXI век». В нем сообщалось, что в настоящее время завершается работа по сбору и обработке материалов к словарю-гlossарию языка Н.С. Лескова (привлечено более сорока основных текстов писателя). По мнению докладчика, Лесков – уникальная «лингвокультурологическая энциклопедия» России, и лексикографическое исследование его творчества является крайне актуальным. Во-первых, этот автор, по словам Н.И. Либана, всеословен, наиболее универсален социолингвистически. Кроме того, его как знатока многих национальных культур России можно назвать евразийским писателем. Во-вторых, тексты Лескова отчетливо лингвоцентричны и отражают всю богатейшую стилистическую палитру русского мира. Идиостиль писателя – идеальный микрокосм русской лингвокультуры, ее рабочая матрица, которая парадоксальным образом становится крайне востребованной в начале XXI в., в эпоху цифрового бытования языка и культуры, когда культура и язык живут в режиме мощных риторико-меметических потоков и столкновений, глобализации и гибридных войн. Во времена размывания национальных начал Лесков может и должен выступить как оптимальный «ключ-код» в осознании национальной идентичности.

В совместном докладе **А.Н. Баранова** и **Д.О. Добровольского** (Москва, ИРЯ РАН) «Фразеология Достоевского: параметры лексикографического описания» рассматривались проблемы создания фразеологического словаря языка Достоевского. Обсуждались принципы составления словника, выбор собственно авторской фразеологии, возможности сопоставления идиом Достоевского с подобными формами в текстах его современников. Обращалось внимание на выбор базовой формы фразеологизма при низкой частоте соответствующей фразеологической единицы в корпусе Достоевского.

В выступлении **Н.В. Козловской** (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) «Философский термин как объект авторской лексикографии (на материале «Словаря языка Н.Ф. Федорова)» обосновывались следующие положения: 1) целостная терминосистема русского философского текста конца XIX – начала XX в. может быть описана только как совокупность авторских терминосистем, отражающих индивидуальные

картины мира русских мыслителей; 2) наиболее продуктивный метод исследования таких терминосистем – создание словарей авторских философских терминов, совокупность которых создаст представление об общей (инвариантной) части и о различиях. Авторский философский термин изучаемого периода определен докладчицей как вербализующая философский концепт и образованная морфологическим, синтаксическим или семантическим способом специальная лексема, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы. Проанализированы основные группы авторских терминов в творчестве Н.Ф. Федорова, рассмотрено соотношение различных механизмов авторского философского терминотворчества. Показано, что в ядро терминосистемы Федорова входят новообразования, в которых авторскими являются и форма и содержание (*органотворение, полноорганичность, сознательная регуляция, филологическая пятидесятница*). Наиболее характерны для терминообразования Н.Ф. Федорова сложение слов, сложение основ и сложно-суффиксальный способ; авторский характер носят также термины, образованные семантическим способом. Докладчица подчеркнула, что отступление от традиционного алфавитного порядка слов в словаре авторских терминов может оказаться весьма продуктивным: например, распределение лексем по типам терминов позволяет выявить и отразить основные механизмы философского терминотворчества конкретного автора. Кроме того, словарь терминов одного философа снимает проблему многозначности, поскольку (в отличие от философской энциклопедии) содержит только одну дефиницию термина, что позволяет сделать вывод об относительной однозначности философского термина в пределах терминосистемы. Отражение в словарной статье парадигматических и синтагматических связей дает проекцию на терминологические оппозиции и гнезда, которые, в свою очередь, отражают структуру и системность авторской терминологии, представляя ее более объемно и наглядно. Таким образом, словарь авторских терминов Н.Ф. Федорова позволяет рассмотреть язык мыслителя под тем углом зрения, который определен особенностями данной конкретной авторской философской терминосистемы.

Доклад **О.А. Давыдовой** (Москва, МПГУ) «Ссылка – важный компонент словника авторского словаря» был построен на материале «Словаря языка Михаила Шолохова» (М. : Азбуковник, 2005). Отмечалось, что практически все авторские словари построены по алфавитному принципу, однако для авторского словаря очень важен учет

всех родственных слов, так как они позволяют полнее представить характерные особенности идиостиля писателя. Трудность представляют дериваты, образованные префиксальным способом и поэтому расположенные в разных частях словаря. Так, М.А. Шолохов широко употребляет диалектный глагол *гутарить* 'говорить, разговаривать' и его дериваты: *погутарить*, *загутарить*, *загутариться*, которые даны в словаре без ссылки на базовый глагол, а глагол *отгутарить* не попал в словник словаря. Важны взаимные ссылки и для лексем, представленных в языке писателя единичными примерами: синонимами являются слова *катериновна* (1 употребление) и *екатериновка* (2 употребления) (*Дорев*. 'В царской России сторублевый кредитный билет с изображением императрицы Екатерины II'), расположенные в словаре на разные буквы без взаимных ссылок. В идеальном авторском словаре ссылкой надо связать слова одной ЛСГ. Например, М.А. Шолохов, кроме слова *большевик* и его аналогов (*большаки* и не отраженного в словаре авторского неологизма *большунки*), называет представителей и других политических партий и течений начала XX в.: *меньшевики*, *эсеры*, *кадеты* и др. По мнению докладчицы, названные и подобные группы слов в авторских словарях должны быть связаны лексикографической пометой «См. также...», которая может стать важным компонентом структуры таких словарей.

В.К. Щербин (Минск, Беларусь, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси) в своем докладе «Категория ментальности как объект изучения сравнительной авторской лексикографии» привел результаты сравнительного анализа истории создания, макро- и микроструктуры многотомных словарей языка А. Пушкина, Т. Шевченко и Я. Купалы. Впервые проведенное сравнение ключевых слов языка этих трех поэтов показало следующее: 1) в структуре национальной ментальности русских, украинцев и белорусов представлены отдельные общие концепты; они выражаются при помощи таких ключевых слов из языка А. Пушкина, Т. Шевченко и Я. Купалы, как *Бог*, *брат*, *видеть* / *бачить* / *бачыць*, *дать* / *дати* / *даць*, *добрый* / *добрий* / *добры*; 2) ряд общих концептов характеризует национальную ментальность только двух братских народов. К примеру, в языке А. Пушкина и Т. Шевченко такие концепты обозначаются ключевыми словами: *дети* / *діти*, *друг*, *думать* / *думати*; в языке А. Пушкина и Я. Купалы общие концепты выражаются посредством ключевых слов: *большой* / *вялікі*, *век*, *выдти=выйти* / *выйсці*, *год*,

глаз / вока, гора / гара, день / дзень, деревня / вёска, дорога / дарога, другой / другі, душа, жизнь / жыццё; в языке Т. Шевченко и Я. Купалы общие концепты получили отражение благодаря ключевым словам: *батько / бацька, бути / быць, дати / даць, доля, дитина / діця, жити / жыць, знати / знаць, казати / казаць*; 3) национальная ментальность русских, украинцев и белорусов содержит отдельные специфические концепты, присущие в наибольшей мере только одному из указанных этносов: в языке А. Пушкина специфически русские концепты передаются, к примеру, посредством таких ключевых слов этикетного характера, как *генерал, господин, государь, граф* и т.п.; в языке Т. Шевченко к числу специфически украинских можно отнести концепты, обозначаемые такими ключевыми словами с культурными коннотациями, как *дивитися, Дніпро, Київ, кобзар, козак, лихо, люди, лях* и т. п.; в языке Я. Купалы для выражения собственно белорусских концептов используются ключевые слова народно-исторического характера: *беларускі, бяда, воля, гора, зямля, край, кроў* и др. Приведенные результаты позволили докладчику сделать выводы: 1) о наличии сложной мозаики концептуальных взаимосвязей между языками и культурами восточных славян, обусловленной длительным совместным проживанием в общих государственных образованиях; 2) о возможности использования сравнительного анализа словарей языка писателей России, Украины и Белоруссии в качестве метода изучения национальной ментальности восточнославянских народов; 3) о необходимости формирования еще одного направления когнитивной лингвистики – сравнительной авторской лексикографии с когнитивным уклоном.

Цикл докладов, посвященных работе над масштабным проектом – словарем языка М.В. Ломоносова, открыло выступление **С.С. Волкова** (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) «Специальная лексика в авторском словаре». Рассматривался вопрос о роли черновых и рабочих материалов в эмпирической базе словаря одного автора. Как известно, существуют разные мнения по этой проблеме, иногда полярные. Казалось бы, подобные личные документы автора, часто архивные, должны служить материалом исследования не столько для авторской лексикографии, сколько для истории литературы, изучения творческой истории текста. Однако эти материалы часто интересны в содержательном, лингво-биографическом плане, в том числе с точки зрения особенностей языка и стиля автора, а также для объективной оценки лексического и

фразеологического богатства русского языка, особенно если речь идет о словаре языка ученого. Так, в «Материалах к Российской грамматике» М.В. Ломоносова – коллекции черновых рукописей, хранящихся в Санкт-Петербургском архиве РАН, содержится большое число специальных наименований, тематически связанных не только с грамматикой и риторикой, но и, соответственно энциклопедизму Ломоносова, с другими областями русской науки XVIII в. С привлечением историко-культурного контекста, материалов географических сочинений первой половины XVIII в. в докладе рассматривалась история географических терминов *залив, отногоа, губа, курья*, анализировались их роль и значение в идиолекте М.В. Ломоносова, предлагались специальные пометы для представления таких слов в авторском словаре.

В следующем сообщении «Полисемия русской и латинской лексики и ее представление в “Словаре языка М.В. Ломоносова”» **А.С. Смирнова** (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) остановилась на другом аспекте работы над проектом. Полисемия требует особого подхода при описании лексических эквивалентов в сочинениях Ломоносова на разных языках: необходимо соотнесение особенностей семантической структуры русского слова с его латинским (или немецким) эквивалентом. Например, в текстах Ломоносова докладчица обнаружила 306 употреблений прилагательного «простой» и выделила следующие значения этого слова: *обыкновенный, стандартный* (лат. simplex, quotidianus, nudus); *несложный, нетрудный* (лат. simplex); *элементарный, несоставной* (лат. simplex, vulgaris, communis); *низкий* (по сословию); *необразованный, неопытный* (лат. rudis); *грубый, низкого качества* (лат. rudis); *невычурный; пустой, полый*. В параллельных латинских текстах обнаруживается определенный ряд эквивалентов у прилагательного «простой»: simplex, communis, nudus, quotidianus, rudis, rusticus, vulgaris, trivialis. Эти прилагательные-эквиваленты также имеют несколько значений в работах Ломоносова. Частотный эквивалент прилагательного «простой», лат. simplex (47 употреблений), встречается в значениях ‘несложный, нетрудный, элементарный, естественный, обыкновенный, стандартный, невычурный’. Структура значения многозначного simplex в целом соответствует семантической структуре русского слова «простой» в языке Ломоносова.

С.С. Волков и Н.В. Карева (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) в совместном докладе «Источники словаря “Грамматика М.В. Ломоносова”» сообщили, что в конце 2017 г. вышла в свет коллективная моно-

графия «Риторика М.В. Ломоносова». Основную часть этой книги составляет словарь, в котором риторические термины М.В. Ломоносова исследуются на фоне обширного диахронического контекста, представляющего античную, новоевропейскую и русскую риторические традиции. Словарная форма представления материала дала возможность наглядно показать, как переключаются из одного трактата в другой определения некоторых фигур и как формируется корпус канонических иллюстративных примеров. В отделе «Словарь языка М.В. Ломоносова» ИЛИ РАН планируется продолжить работу над словарным описанием специальной лексики филологических сочинений М.В. Ломоносова. В настоящее время разрабатывается концепция словаря «Грамматика М.В. Ломоносова». Планируется, что словарь будет содержать лексикографическое описание представленной в трудах М.В. Ломоносова грамматической терминологии. Подобно тому, как это было сделано в словаре «Риторика М.В. Ломоносова», описание термина в «Грамматике М.В. Ломоносова» будет состоять из двух частей: 1) *собственно словарной статьи*; 2) *раздела «Диахронический контекст»*, задача которого – представление динамики термина как обозначения специального понятия в диахронии: от ломоносовской «Российской грамматики» к доломоносовским и послеломоносовским грамматическим описаниям русского языка. В докладе были названы группы источников, материал которых войдет в раздел «Диахронический контекст» словаря. Это восточнославянские грамматики XVII в.; грамматики русского языка первой половины XVIII в.; академические грамматики иностранных языков 1730–1750-х гг.; переводы «Российской грамматики» на иностранные языки; грамматики русского языка второй половины XVIII в. и другие издания.

Завершил этот блок доклад **А.К. Филиппова** (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) «Перевод “Лифляндской экономии” М.В. Ломоносова как объект лексикографического описания». Среди текстов М.В. Ломоносова особое место занимает «Лифляндская экономия» – перевод с немецкого языка пространного руководства по сельскому хозяйству „Stratagema oeconomicum“, составленного пастором Соломоном Губертом и изданного в 1645 г. Данное сочинение расширяет словник и список примеров «Словаря языка М.В. Ломоносова» за счет специальной, общеязыковой и диалектной лексики, обозначающей реалии жизни в сельской местности и связанной с ведением хозяйства. В докладе рассмотрены специальная лексика в «Лифляндской экономии»

ограничилось именами существительными, сгруппированными по семантике (обозначения построек, технологических сооружений, предметов хозяйственного инвентаря, названия животных и растений, пищевых продуктов, единиц измерения и т.д.). Многие элементы специальной лексики из «Лифляндской экономии» представлены и в других сочинениях Ломоносова в том же значении; помимо этого, обнаружены единичные примеры фиксации слова в «Лифляндской экономии» в новом значении, а также более 130 примеров слов, не зафиксированных нигде, кроме «Лифляндской экономии». Некоторые из них являются новациями Ломоносова – например, переводы названий некоторых трав: *лецекель* (Letzekel), *либетон* (Liebstock), *ренифарен* (Reinfahren) и др. Существующий формат представления переводной лексики в «Словаре языка М.В. Ломоносова» предполагает приведение параллельных контекстов на немецком языке для примеров из «Лифляндской экономии». Такой формат рассчитан на высокий уровень языковой компетенции пользователя словаря и дает ему возможность самостоятельно делать вывод о степени соответствия перевода оригиналу в приводимых выдержках из них. Данный формат может быть усовершенствован путем указания на связь лексемы из перевода Ломоносова с тем или иным словом или выражением из немецкого оригинала. При сопоставлении двух текстов наиболее часто наблюдается однозначное соответствие между словом в русском тексте и словом в немецком (в некоторых случаях ошибочное). Помимо этого, выявлены случаи соответствия между словом и а) словосочетанием; б) однословным компонентом, отличающимся по семантике; в) словом другой части речи. Все эти варианты могут быть отражены в структуре «Словаря языка М.В. Ломоносова».

Совместный доклад **Н.Л. Васильева** (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарёва) и **Д.Н. Жаткина** (Москва, РГСУ) «О проекте “Словаря поэтического языка В.А. Жуковского”» был посвящен новому лексикографическому проекту, призванному продолжить разрабатываемую авторами доклада серию алфавитно-частотных словарей русских писателей прошлого, в частности поэтов пушкинской плеяды и поэтов – предшественников Пушкина. Цель подобных справочников – дать лингвистам и литературоведам необходимую лексико-статистическую информацию, касающуюся словоупотребления классиков. В новом словаре будут отражены сведения о конкретных лексемах и именах собственных, употребленных В.А. Жуковским, активности их использо-

вания в произведениях поэта, значениях редких и окказиональных слов; будут даны функционально-стилистические пометы при малоизвестных словах, необычных словоупотреблениях, комментарии к именам собственным, что в итоге поможет читателям легче воспринимать тексты автора. Текстовая база словаря опирается на все известные поэтические сочинения В.А. Жуковского, в том числе поэтическую драматургию, поэтические переводы, поэтические вкрапления в художественные, документальные (записные книжки) и эпистолярные тексты. Опорным изданием для настоящей работы стало Полное собрание сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах, издающееся по инициативе томских ученых (Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева и др.). Методика составления данного лексикографического справочника апробирована авторами в процессе создания предшествующих алфавитно-частотных словарей писателей. Она основана на «ручном» введении словоупотреблений поэта в лексемные и онимные инварианты – с последующей программно-компьютерной обработкой полученных данных в виде алфавитно-частотного моделирования его словника и ономастикона. Словарь будет состоять из трех разделов: 1) список слов, употребляющихся в поэзии В.А. Жуковского (в том числе лексических и фразеологических варваризмов); 2) список имен собственных, встречающихся в его поэзии; 3) рейтинг наиболее частотных слов (с активностью использования не менее 10 раз). Словарь будет сопровождаться традиционной вступительной статьей, в которой планируется, в частности, обратить внимание на актуализацию лирических образов В.А. Жуковского в русской литературе.

С докладом «К.Н. Бугаева. “Словарь языка Андрея Белого”»: архивные материалы» выступили **Н.Т. Тарумова** (Москва, НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова) и **Е.В. Наседкина** (Москва, Мемориальная квартира Андрея Белого (филиал Государственного музея А.С. Пушкина)). Опираясь на богатые архивные данные, они показали, что главной своей задачей вдова А. Белого Клавдия Николаевна Бугаева (1889–1970) считала составление материалов к словарю языка Белого, призванных облегчить труд будущих исследователей языка, поэтики, стилистики писателя. В этой работе ей помогала старшая сестра – Е.Н. Кезельман (1886–1945), а также ее ближайшая подруга и, впоследствии, наследница архива – Е.В. Невейнова (1902–1988). Многие годы они переписывали рукописи, составляли и сверяли сотни карточек с подбором рифм, новообразований, пословиц и поговорок, использованных Белым. В материалах к «Словарю языка А. Белого»

К.Н. Бугаева отмечала богатство, разнообразие и выразительную силу художественного языка писателя. Она считала важным «показать, что “Язык” и стиль А. Б. не вне, а внутри русского языка и русского “стиля”, и что если он здесь что-нибудь “ломает”, то делает это изнутри, из самой стихии и законов своего родного языка. Метафоры, эпитеты, сравнение разговорной речи, народные песни, пословицы, все это встречается у него, но так, что мы этого не узнаем. <...> Затрудненность языка А. Белого – в затрудненности его синтаксиса, в необычности ассоциаций» [ОР РГБ. Ф. 25. К. 66. Ед. хр. 4]. Анализ результатов этой работы в виде данных, хранящихся в архивах рукописных отделов Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР РНБ) и Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в Москве, позволяет сделать вывод о том, что материалы К.Д. Бугаевой к «Словарю языка А. Белого» заслуживают самого пристального внимания.

В совместном докладе **З.Ю. Петровой, Н.А. Ребецкой и Н.А. Фатеевой** (Москва, ИРЯ РАН) «Информационно-поисковая система на базе “Словаря метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.”» был представлен проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска информации о компаративных тропах в русской литературе. ИПС создается по «Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», авторы: Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова (выпуски 1–5). Словарь строится на двух основных принципах – идеографическом и диахроническом. Идеографический принцип состоит в следующем: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. Структура каждой словарной статьи определяется структурой соответствующего семантического поля образов сравнения. В каждой части словарной статьи материал разграничивается далее по формально-синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов. Диахронический принцип заключается в том, что во всех классах тропов материал подразделяется по времени. Проектируемая ИПС облегчит задачу ориентировки в большом объеме информации и позволит осуществлять контекстный поиск по всем возможным параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft

Access, на основе которой будет создана ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме «запрос – результат запроса». Структура базы данных позволяет осуществлять поиск по следующим основным элементам словарной статьи: предмет сравнения, образ сравнения, семантический класс предметов сравнения и образов сравнения, тип конструкции, автор, год. Каждый параметр поиска может стать основой для множества вариантов запросов. ИПС станет гибким, наглядным инструментом изучения метафорической картины мира русской литературы. Она будет доступна через Интернет в многопользовательском режиме функционирования.

Тему образности русской литературы в словарном отражении продолжил доклад **Н.А. Афанасьевой** (Санкт-Петербург, СПбГУ) ««Словарь традиционных поэтических образов: XI–XV вв.»: принципы организации и возможности использования». В нем освещались в первую очередь вопросы устройства названного лексикографического труда, который должен стать частью «Словаря традиционных поэтических образов», ориентированного на выявление динамических процессов в развитии образности русской лирики XVIII–XX вв. В настоящее время опубликован пробный выпуск словаря – «Словарь традиционных поэтических образов: XVIII век». «Словарь традиционных поэтических образов: XI–XV вв.» ставит своей целью выявить истоки значимых для русского поэтического сознания образов в древнерусской литературе (*путь, огонь, вино* – ‘жизнь’; *огонь, болезнь* – ‘любовь’ и др.), что определяет включение в лексикографическое описание не только контекстов собственно образов, но и те случаи прямого / непрямого словоупотребления лексем – конкретных компонентов образов, которые свидетельствуют о значимых исторических фактах, отражают важные для исследуемой эпохи представления. Основным источником материала словаря являются тексты произведений древнерусской литературы, опубликованные в томах 1–9 «Библиотеки литературы Древней Руси» (СПб.: Наука, 1997–2003. <http://lib.pushkinskiydom.ru>). Значимая для широкого читателя форма представления текстов «Библиотеки литературы Древней Руси» с параллельным переводом сохраняется и в создаваемом «Словаре традиционных поэтических образов: XI–XV вв.». В словаре приводятся ценные комментарии «Библиотеки...» (например, указания на библейские источники цитат). Словарь стремится к включению в словар-

ную статью всех контекстов отдельного образа из названного издания, что позволит получить достаточно полное представление о появлении и бытовании образа в данную эпоху. Предполагается и включение в словарную статью ссылок на научные статьи, монографии, в которых исследуется традиционный образ.

Проблематика следующих докладов связана с двумя продолжающимися лексикографическими проектами – «Словарем языка Достоевского» и «Словарем языка русской поэзии XX века», в том числе с использованием материалов этих словарей в исследовательской практике.

Выступление **М.М. Коробовой** (Москва, ИРЯ РАН) «Слово, которого нет в словарях (об одном окказионализме Достоевского)» было посвящено слову «общечеловек», не зафиксированному ни в одном из существующих толковых словарей русского языка, но представляющему интерес с точки зрения авторской лексикографии при изучении индивидуального лексикона. Будучи по происхождению окказионализмом, оно с большой вероятностью обязано своим появлением творчеству Ф.М. Достоевского. Писатель обращался к слову «общечеловек» 23 раза на протяжении пятнадцати лет своего творчества (с 1863 по 1878 г.), причем оно встречается во всех жанровых разновидностях текстов Достоевского и связано с такими важными темами, как «европейская цивилизация», «самобытность русского национального характера», «предназначение русского человека» и др. Докладчицей рассматривались контексты этого слова, начиная с первого его употребления в очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863 г.). На основе выявления текстовых ассоциативных связей была продемонстрирована «неслучайность» этого слова как важного элемента языковой картины мира писателя и предложена его дефиниция для Идиоглоссария Достоевского в такой формулировке: «*Общечеловек* – тот, кто исповедует абстрактные общеевропейские и мировые ценности в ущерб и/или в противоположность национальным, либерал; отвлеченный, лишенный индивидуальности человек».

Пolemический доклад **И.В. Ружицкого** (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, ИРЯ РАН) «О “нелингвистичности” понятия “идиоглосса”» стал реакцией на чаще всего немотивированное утверждение некоторых коллег о «нелингвистичности» понятия «идиоглосса» – основной единицы описания в «Словаре языка Достоевского». Если и выдвигаются аргументы такой точки зрения, то они связаны с тем, что какое-то представляемое важным у Достоевского слово в Сло-

варе не описывается. Отрицается, по причине его «субъективности», метод экспертной оценки идиоглоссного статуса слова, при этом упускается из виду, что помимо этого приема используются еще несколько, в том числе и метод статистического анализа. Идеи Я.К. Грота о нецелесообразности описания всего авторского лексикона, В.Г. Гака об объективных и субъективных факторах, влияющих, в частности, на состав исходного словника, во внимание не принимаются. Следуя логике этих коллег, отрицающих объективность идиоглоссы, и фразеологизм тоже надо исключить как объект словарного описания, и возможность выделения ключевых слов в художественном тексте, и, например, шире – такие направления современного языкознания, как психолингвистика и когнитивная лингвистика. Тем не менее своего рода «погрешности» в формировании словника Идиоглоссария существуют: 1. Словарь первоначально задумывался как лексикографическая серия, в которую должны были войти Словарь служебных слов, употребляемых Достоевским; Словарь непонятных или малопонятных современному читателю слов (глоссарий); Словарь фразеологизмов и др.; в результате из словарного описания в Идиоглоссарии были исключены многие единицы, которые, конечно, являются идиоглоссами. 2. В концепции Словаря четко обозначено, что словник является открытым, в ходе составления словарных статей может выясниться (и такое случилось неоднократно), что какое-то слово не является идиоглоссой, и наоборот. 3) Есть высокочастотные слова, безусловно являющиеся идиоглоссами, которые на настоящем этапе работы над Словарем просто технически невозможно описать. Таким образом, в докладе в очередной раз был мотивирован выбор идиоглоссы в качестве предмета лингвистического (словарного) изучения и обозначена процедура выявления у слова его идиоглоссного статуса.

В докладе **О.И. Северской** (Москва, ИРЯ РАН) «Каким поэты видят мир? Опыт корпусного исследования авторских словарей», основанном на данных «Словаря языка русской поэзии XX века» и поэтического корпуса Национального корпуса русского языка, автором была сделана попытка реконструкции акмеистического образа мира с применением метода корпусного контент-анализа употреблений лексем *мир*, *здесь*, *сейчас*, *я* и *ты* в текстах поэтов-акмеистов. По словам докладчицы, *мир* превращается в прагматическую переменную с контекстно-обусловленным значением, точку преломления актуализируемых референтных областей и взаимообратимых структур предика-

ции. Как и *здесь* и *сейчас*, мир не соотносится с точкой зрения только говорящего или только слушающего, представленных местоимениями *я* и *ты*: субъекты коммуникации могут находиться как в одном и том же локусе, соответствующем двум «возможным мирам», так и в двух разных локусах одновременно. Вместе с тем именно такая конфигурация индексов референции соответствует декларируемой акмеистами задаче говорить не просто о мире, а об *этом мире*, дать проявиться и зазвучать ему самому.

Доклад **А.В. Гик** (Москва, ИРЯ РАН) «Любовь и дружба. Чувства человека начала XX века (по материалам “Словаря языка русской поэзии XX века”)» содержал анализ словарных статей ЛЮБОВЬ и ДРУЖБА указанного словаря. «Словарь языка русской поэзии XX века» предоставляет исследователю уникальную возможность найти примеры поэтико-языковой интерпретации важных, общезначимых явлений и понятий. В качестве рабочей гипотезы в докладе обсуждались следующие положения: использование поэтических слов, относящихся к «высоким» чувствам и отношениям, должно сохранять стабильность в поэтических произведениях разных авторов одного периода; данные слова могут образовывать клишированные конструкции и вступать в семантические отношения с определенным классом слов – с наименованиями других чувств, отношений, с наименованиями оценок; выступать в конструкциях со сравнительным оборотом. Проведенный анализ словарных материалов подтвердил справедливость этой гипотезы. Для более полной картины исследования приводились данные основного и поэтического корпусов Национального корпуса русского языка.

Завершило этот блок докладов совместное выступление **А.С. Кулевой** и **Л.Л. Шестаковой** (Москва, ИРЯ РАН) «Из опыта работы над седьмым томом “Словаря языка русской поэзии XX века”», посвященное очередному этапу работы над названным словарным проектом. «Словарь языка русской поэзии XX века» (М., 2001–2017) – конкорданс комментирующего типа, описывающий, по выбранным источникам, язык десяти видных поэтов Серебряного века (Анненского, Ахматовой, Блока, Есенина, Кузмина, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Хлебникова, Цветаевой) на всем протяжении их творческого пути. Седьмой том словаря (Радуга – Смоковница. М., 2017) содержит более 5 тыс. словарных статей. Среди них немалую часть составляют большие статьи к словам, концептуально важным в поэтическом языке в целом и поэтическом языке выбранной

эпохи (РАДУГА, РАЙ, РАССВЕТ, РЕЧЬ, РОЗА, РУКА; САД, СВЕТ, СВОБОДА, СЕРДЦЕ, СЛАВА, СЛОВО, СЛУШАТЬ / СЛЫШАТЬ, СМЕРТЬ, СМЕХ). В процессе работы над томом большое внимание уделялось лингвистическому комментированию лексики. Многофункциональная, хотя и факультативная, зона значения статей заполнялась при словах, непонятных или малопонятных современному носителю языка: устаревших, областных, специальных, иноязычных и т.п. Например: РАЧИТЕЛЬ [*устар.*; тот, кто заботится о ком-л.]; СКА́ЛА [*устар.*; шкала]; РОССТАНЬ [*обл.*; перекресток двух дорог]; СБИРР [*вар. к сбир*; итал. *sbirro* – низший служащий инквизиции; полицейский агент, сыщик]. Внимания требовали новые слова и слова, которые легко принять за авторские новообразования, омонимы, в том числе не общеязыковые, производные слова и имена собственные. Например: СВЕТОПИСЬ [*нов.*; *ср.*: *устар.* получение изображений с помощью оптического аппарата на основе действия света на светочувствительные вещества; фотография]; САУЛ [*библ.*; первый царь Израильский (I Цар.)...] и САУЛ [*азерб. sağ ol* – спасибо (букв. здоров будь!)]; САМОКАТ [*устар.*; назв. автомобиля, мотоцикла, велосипеда; здесь: автомобиль] и САМОКАТЧИНА [*нов.*; *собр.*; о военнослужащих самокатных (велосипедных) подразделений вооруженных сил]; РЕШТ [*гор. в Иране, столица Гилянской республики*]. Материалы седьмого тома ясно показывают целесообразность введения в сводный авторский словарь конкордансного типа лингвистических и иных сведений о слове, важность их для адекватного восприятия читателями поэтических текстов.

Помимо прозвучавших выступлений вниманию аудитории был предложен ряд **стендовых докладов** по разным проблемам авторской лексикографии.

Оригинальному лексикографическому проекту был посвящен доклад **Н.В. Патроевой** (Петрозаводск, ПетрГУ) «Синтаксический словарь русской поэзии от Кантемира до Лермонтова: теоретико-методологические проблемы создания и некоторые итоги». Важнейшим результатом проекта, осуществляемого с 2015 г. на кафедре русского языка Петрозаводского госуниверситета, должен стать словарь синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII – первой половины XIX в. Объектом систематизации и описания в «нелексическом» словаре поэтической речи станут простые и сложные предложения, участвующие в построении стихотворных

текстов. Главными задачами «Синтаксического словаря русской поэзии» стали регистрация и классификация разнообразного со структурной, семантической и коммуникативной точек зрения репертуара синтаксических единиц, используемых представителями русской поэтической классики. Поэтому синтаксический словарь русской поэзии по своему предназначению является сводным писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей и представляющим общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии XVIII–XIX вв. Разработанная научным коллективом методика лексикографического представления поэтических контекстов предоставляет возможность отбора единиц: по структурной схеме или типологической рубрике; по типу синтаксических связей и количеству частей; по полноте / недостаточности состава; по принадлежности к так называемым «элементам текста» (заглавиям, обращениям и др.) и т.д., а также по соотнесенности с жанром, видом строфы, метрической схемой и по риторическому приему. Работа над синтаксическим поэтическим словарем создает предпосылки для уточнения особенностей синтаксического устройства стихотворного текста, а значит, и содержательного наполнения широко используемого, но не имеющего пока четкой дефиниции термина «поэтический синтаксис».

В докладе **Г.И. Шипулиной** (Баку, Азербайджан, Бакинский славянский университет) «Словарь языка Лермонтова: “Герой нашего времени”» была изложена концепция, лежащая в основе словаря языка классического романа Лермонтова. В этом двухтомном словаре, изданном в 2016 г., описывается вся без исключения лексика названного произведения. Автор-составитель стремится к максимально полному описанию значений и их оттенков для всех лексем (включая и небольшое количество устойчивых словосочетаний) с приведением разумного количества цитатного материала и указанием частотности конкретной лексемы и каждого ее значения. В словарной статье после указания частотности даются грамматические и функционально-стилистические пометы; выделяются рубрики: в сравнении, метафора и др., а также примеры словосочетаний общезыковых и с лермонтовской трансформацией. Примеры, не вошедшие в основную часть словарной статьи, даются в зоне шифров с указанием соответствующей части романа и перечислением всех страниц их употребления. Как

считает Г.И. Шипулина, принципиально важным для писательского словаря является наличие приложений. В Словаре языка романа Лермонтова приложение включает семь словников (алфавитно-частотный, частотный, словник лексем, отсутствующих в «Словаре языка Пушкина», список иноязычных вкраплений и др.), каждый из которых может быть использован и в качестве самостоятельного источника информации. В настоящее время автор работает над словарем языка стихотворных произведений Лермонтова.

М.Л. Алексеева (Екатеринбург, Институт иностранных языков УрГПУ) представила доклад «Расширение типологии авторских словарей: диахронические переводные словари языка писателей». В современной авторской лексикографии происходит расширение круга источниковой базы, расширение спектра лексикографируемых объектов, в частности портретируются сверхсловные единицы, варьируется степень интерпретации языкового материала, находят отражение диахронические процессы. Это обуславливает расширение типологии существующих словарей и классификации словарных жанров. По мнению М.Л. Алексеевой, диахронический переводной словарь-справочник дополняет типологию авторских словарей, реконструируя историю перевода произведений писателя, историю развития национального языка, техники перевода, становления норм перевода. Он включает переводные соответствия из разных по времени выполнения параллельных переводов одного и того же произведения, а также их толкование на исходном языке и все внетекстовые переводческие пояснения. Идея разработки авторских словарей нового типа реализована автором доклада при составлении двух печатных диахронических русско-немецких словарей реалий (2007, 2016) и электронного иллюстрированного диахронического русско-немецкого словаря-справочника реалий (2008). В данные издания включены реалии из пяти основных романов Ф.М. Достоевского и их 30 разновременных параллельных немецких переводов, выполненных в период 1882–2003 гг. Это позволяет отнести диахронические переводные словари к писательским – основной разновидности авторского справочника. Они являются полными по отношению к лексикографируемому объекту; по степени охвата всего творчества данного автора – это словари к конкретным произведениям, т.е. неполные писательские словари.

В докладе «Отражение креативности языковой и речевой личности Л.Н. Толстого в словаре нового типа» **Ю.В. Архангельская** (Тула,

ТГПУ им. Л.Н. Толстого) представила свою книгу «Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)» (2016). Все собранные новообразования Л.Н. Толстого распределены в Словаре по четырем разделам. В первом разделе сосредоточены камерные (семейные) инновации писателя, которые бытовали в узком кругу посвященных лиц, сфера их употребления была ограничена семьей и близким семье кругом (например, *ремингтонная, анковский пирог, зеленая палочка, муравейное братство*). Во втором разделе представлены общеупотребительные слова и выражения, авторство которых принадлежит Толстому (например, крылатые выражения *власть тьмы, непротивление злу (насилием)*). В третьем разделе Словаря размещены устойчивые выражения, в которых отражаются представления носителей русского языка о личности самого Л.Н. Толстого (это выражения не Толстого, а о Толстом, он лишь стимулировал их возникновение как незаурядная личность; например, *великий писатель земли русской* – И.С. Тургенев о Толстом), и в четвертом разделе – избранные афоризмы писателя как из собранных им самим книг, так и из его дневников и писем. Таким образом, Словарь с разных сторон демонстрирует инновационные возможности языковой личности Л.Н. Толстого, которые наиболее ярко проявляются на уровне лексики, фразеологии, синтаксического строения афоризма и афористичного высказывания. По мнению автора, материалы, собранные в Словаре, позволяют исследователям делать заключения о влиянии сильной креативной языковой личности, каковой, безусловно, является Л.Н. Толстой, на определенные сферы национального языка, а также решать вопросы, связанные с вхождением индивидуально-авторских инноваций в узус и закреплением в нем.

Совместный стеновый доклад «О принципах идеологического словаря повести М. Горького “Жизнь Клим Самгина”» прислали на конференцию **Е.С. Батищева, А.Д. Еськова и Д.М. Поцепня** (Санкт-Петербург, СПбГУ). Этот лексикографический труд призван воплотить идею Б.А. Ларина о дифференциальном словаре-монографии, в котором исследуются важнейшие для языка писателя, отдельного произведения пласты слов. В качестве единицы описания в Словаре предложена идеологема – смыслоорганизующий центр произведения, воплощение важнейших элементов художественной картины мира и художественного замысла писателя в виде текстовых единиц и категорий. В основе способа описания идеологемы лежат традиционные

для ларинской лексикографической школы индивидуализированный подход к автору и произведению, толкование авторских оттенков в семантике слова, филологизм описания. Отбор идеологем производится с учетом экспертной оценки читателей-филологов, частоты употребления единицы, объема представленного в тексте словообразовательного гнезда, афоризации, онимизации, особенностей сочетаемости. Разработка микроструктуры Словаря ведется на основе структуры статьи, сложившейся в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького», однако для решения задач идеологического словаря статья дополняется зоной комментария, которая представляет собой короткую исследовательскую статью о функциях описываемой единицы в тексте повести, творчестве М. Горького и языке эпохи, зоной справочного отдела, где приводятся ссылки на другие словари, и зоной отсылок, связывающей между собой отдельные статьи Словаря. На макроуровне статьи отдельные лексические или фразеологические единицы объединены в лексикографические поля крупнейших идеологем. С учетом особенностей разных типов идеологем проект Словаря делится на три части: 1) мир идей; 2) образ языка; 3) образ автора и особенности повествовательной организации. В состав первой части входит лексика, обозначающая центральные для повести ценностные, философские и политические идеологемы (*Народ, Власть, Разум*); нарицательная лексика, получившая в тексте символическое значение (*Пыль, Пустота*). В рамках второй части ведется работа над пластом библеизмов, исследуются особенности сравнений в тексте повести. Третья часть будет раскрыта в нескольких научных статьях, включенных в состав Словаря. Итогом работы должно стать комплексное описание центральных идей повести и особенностей их выражения в слове М. Горьким, позволяющее представить концепцию мира писателя в ее полемической остроте и связи с культурой эпохи.

И.А. Самойлова (Киев, Украина, Институт украинского языка НАН Украины) предложила вниманию участников конференции стендовый доклад «Язык публицистики И. Дзюбы: проект словаря авторских новообразований». Предмет описания в словаре – индивидуально-авторские образования, извлеченные из публицистических текстов литературоведа, литературного критика, публициста, академика Национальной академии наук Украины И.М. Дзюбы. Исследуемый фактический материал, во-первых, демонстрирует характерные особенности лексикона (шире – идиостиля) публициста; во-вторых,

он представляет интерес с точки зрения заполнения лексических лакун в общеупотребительном языке. В перспективе авторский словарь может послужить лексической и иллюстративной базой при составлении более полных по словнику лексикографических справочников. Словарные статьи разрабатываемого словаря содержат обязательные структурные части: заголовок, грамматическую характеристику, иллюстративную зону, зону шифров – и факультативные: зону словообразовательного гнезда и комментарии. Отражение информации о словообразовательных мотивирующих связях между авторским новообразованием и уже зафиксированными лексикографически языковыми единицами в зоне словообразовательного гнезда крайне важно как одно из свидетельств возможного вхождения новации в узус.

Формат конференции, предусматривавший небольшое количество докладов, позволил ее участникам детально обсудить все выступления, высказаться по широкому кругу вопросов, связанных со словарным описанием индивидуальных лексиконов и стилей. При подведении итогов конференции была отмечена важность этого мероприятия для тех, кто в разных регионах и учреждениях страны занимается составлением авторских словарей, и высказано пожелание проводить подобные встречи чаще.

Результаты конференции найдут отражение в сборнике научных статей.

Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева

REVIEW OF THE ACADEMIC CONFERENCE “MODERN PROBLEMS OF AUTHOR LEXICOGRAPHY”

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 14, pp. 141–160.

DOI: 10.17223/22274200/14/8

Larisa L. Shestakova, Anna S. Kuleva, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lara.shestakova@mail.ru / an_kuleva@mail.ru

Keywords: author lexicography, author dictionary, poetic language, word list, dictionary entry.

The article contains an analytical chronicle of the international academic conference “Modern Problems of Author Lexicography” held at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences in December 2017. The problems of the typology of author (writer) dictionaries, their macrostructure and microstructure, lexicographical description of units of different classes of author’s language, creation of information retrieval systems based on author dictionaries, use of archival materials for studying the history of the lexicographical branch, development of comparative author lexicography and other were discussed at the conference.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗИМОВ Эльхан Гейдарович – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: azimov@yandex.ru

БАЛДОВА Анастасия Вячеславовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель отделения русского языка Томского политехнического университета.

E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

ВОРОНИНА Татьяна Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстovedения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: tmv313@yandex.ru

ГРЕКОВА Марина Владимировна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: marinagrekova@gmail.com

ИШЕГУЛОВА Альзу Минифариевна – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. отдела языкознания Института истории, языка и литературы Российской академии наук (г. Уфа).

E-mail: 1104-alsu@mail.ru

КУЛЕВА Анна Сергеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: an_kuleva@mail.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: mokienko40@mail.ru

НИКИТИНА Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и методики гуманитарного образования Псковского государственного университета.

E-mail: cambala2007@yandex.ru

ПОДЮКОВ Иван Алексеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: podjukov@yandex.ru

РАЗИНА Анастасия Степановна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

ШЕСТАКОВА Лариса Леонидовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

ЩУКИН Анатолий Николаевич – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: metod32@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2018. № 14

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 24.12.2018 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,6; усл. печ. л. 9,9. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 3596.

Дата выхода в свет 18.01.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru